ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 4 ЯНВАРЬ 1989

ЖИВОПИСНЫЕ ФАНТАЗИИ

НАЙДЕНА МОГИЛА ДЕКАБРИСТОВ

ПЕВЕЦ МОСКОВСКОЙ СТАРИНЫ

ВЗЛЕТ МЕЧТЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (3209)

21—28 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Самый крупный в мире транспортный самолет «МРИЯ». (См. в номере материал «Богатырский разбег».)

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 02.01.89. Подписано к печати 17.01.89. А 08804. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 3552. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

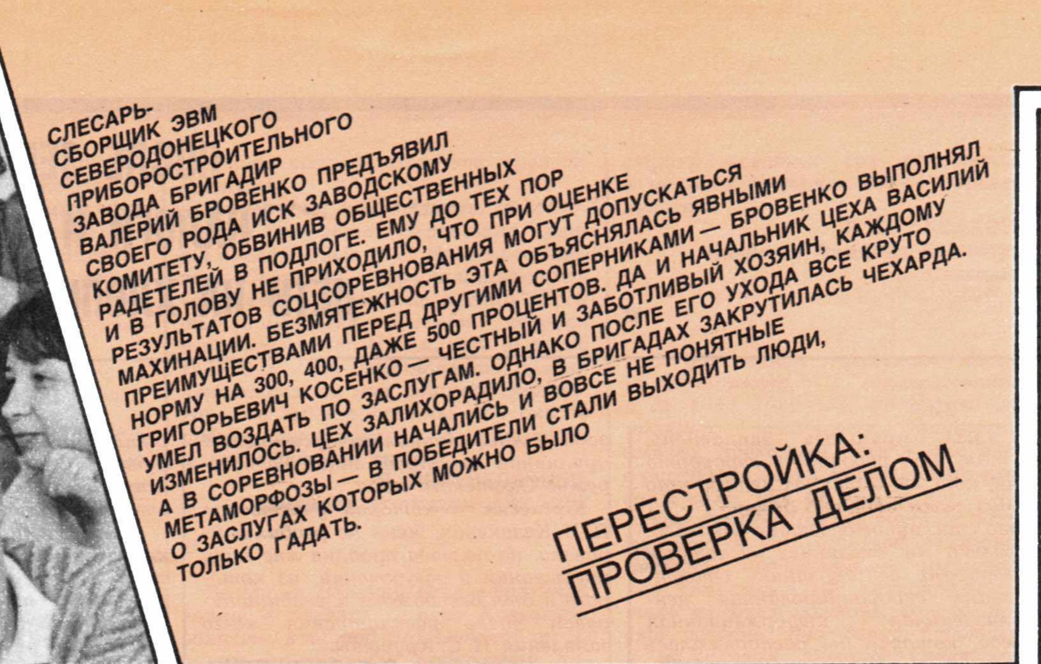
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«ПАРТИЯ СДЕЛАЕТ ВСЕ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ, АКТИВНОГО УЧАСТИЯ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И УПРАВЛЕНИИ, ДЛЯ ТОРЖЕСТВА ПОДЛИННОГО, ПОЛНОГО НАРОДОВЛАСТИЯ».

(ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ЦК КПСС «К ПАРТИИ, СОВЕТСКОМУ НАРОДУ».)

ЧУЖОЙ СРЕД

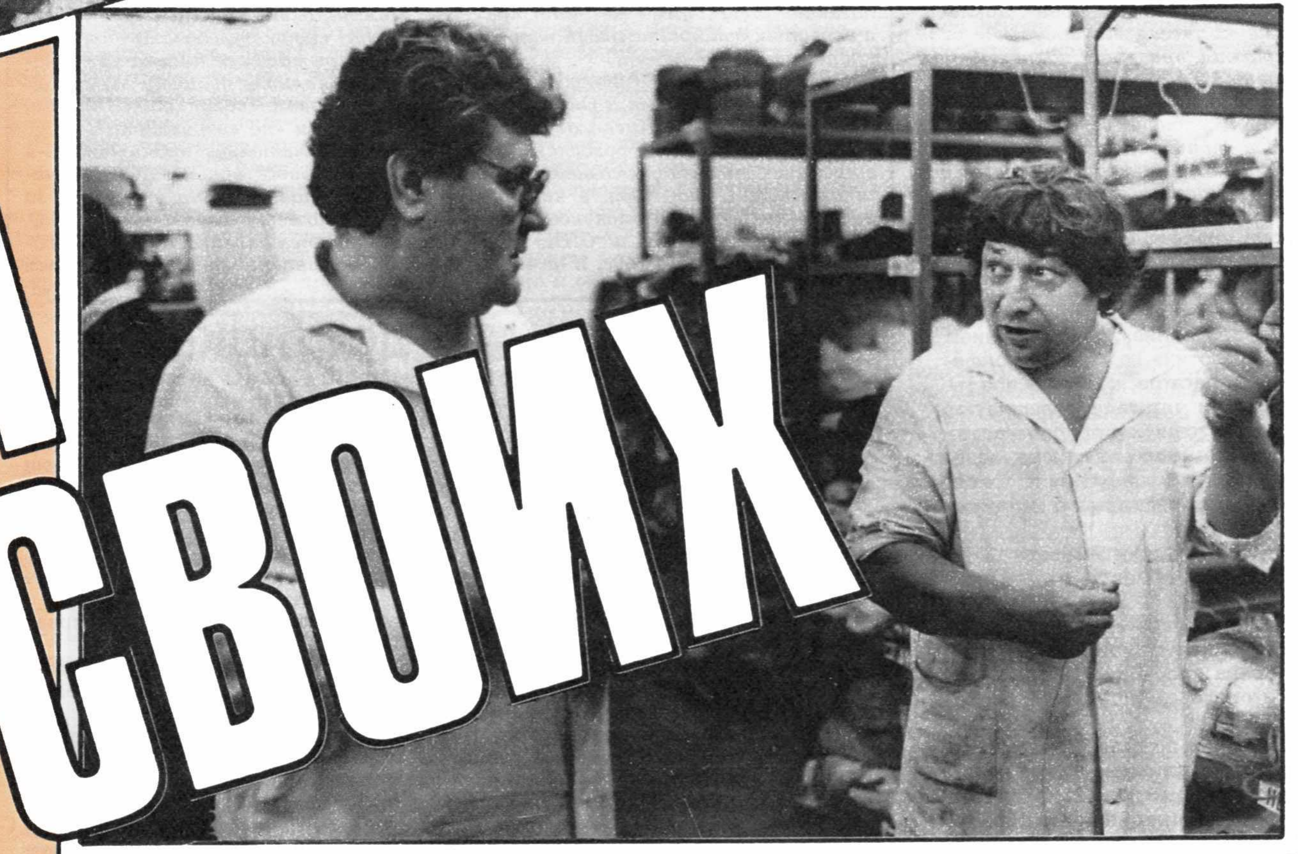
ДИАЛОГИ С РАБОЧИМ ВАЛЕРИЕМ БРОВЕНКО, ЕГО ДРУЗЬЯМИ И ПРОТИВНИКАМИ

СЛЕСАРЬ-СБОРЩИК ЭВМ СЕВЕРОДОНЕЦКОГО ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА БРИГАДИР ВАЛЕРИЙ БРОВЕНКО ПРЕДЪЯВИЛ СВОЕГО РОДА ИСК ЗАВОДСКОМУ КОМИТЕТУ, ОБВИНИВ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАДЕТЕЛЕЙ В ПОДЛОГЕ. ЕМУ ДО ТЕХ ПОР И В ГОЛОВУ НЕ ПРИХОДИЛО, ЧТО ПРИ ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ МОГУТ ДОПУСКАТЬСЯ МАХИНАЦИИ. БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ ЭТА ОБЪЯСНЯЛАСЬ ЯВНЫМИ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ ПЕРЕД ДРУГИМИ СОПЕРНИКАМИ — БРОВЕНКО ВЫПОЛНЯЛ НОРМУ НА 300, 400, ДАЖЕ 500 ПРОЦЕНТОВ. ДА И НАЧАЛЬНИК ЦЕХА ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КОСЕНКО — ЧЕСТНЫЙ И ЗАБОТЛИВЫЙ ХОЗЯИН, КАЖДОМУ УМЕЛ ВОЗДАТЬ ПО ЗАСЛУГАМ. ОДНАКО ПОСЛЕ ЕГО УХОДА ВСЕ КРУТО ИЗМЕНИЛОСЬ. ЦЕХ ЗАЛИХОРАДИЛО, В БРИГАДАХ ЗАКРУТИЛАСЬ ЧЕХАРДА. А В СОРЕВНОВАНИИ НАЧАЛИСЬ И ВОВСЕ НЕ ПОНЯТНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ — В ПОБЕДИТЕЛИ СТАЛИ ВЫХОДИТЬ ЛЮДИ, О ЗАСЛУГАХ КОТОРЫХ МОЖНО БЫЛО ТОЛЬКО ГАДАТЬ.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Л СВОИХ

Леонид ЛЕРНЕР,
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

Бровенко, хотя его самого до поры не обижали, объявил фальсификаторам решительную войну. Не думаю, что он был окрылен тогда какими-то сверхвысокими идеями. Скорее всего им руководило свойственное всем прямодушным людям чувство справедливости.

— Ну, чего ты лезешь? — пытали его.— Чего тебе надо? Первые места берешь, зарабатываешь больше начальника цеха...

— Не хочу висеть на одной доске с болтунами.

— Ладно,— теряя терпение, грозили ему,— не хочешь — не будешь висеть.

Но как убережь с доски почета рабочего, который и трудится лучше других, и на собраниях активно выступает!

Предлог, конечно, нашелся. Бригаду Бровенко то и дело бросали в авралы. И, чуя подвох, однажды Валерий все же не выдержал: не выпустил бригаду на работу в выходной. А на цеховой оперативке, сказав новому начальнику цеха Станиславу Семеновичу Повху все, что о нем думает, хлопнул дверью.

Этого ждали. Мгновенно явилось распоряжение, согласно которому «за срыв важного производственного задания и самовольный уход с оперативного совещания у начальника цеха» слесарь-сборщик Бровенко освобождался от руководства бригадой.

Валерий Бровенко оказался крепким орешком. Приняв этот удар, он ответил на него делом: выполнил свой план слесаря-сборщика на всю десятую пятилетку! И когда первому цеху предложили выдвинуть кандидата на звание «Лучший рабочий завода», цехком вынужден был назвать Бровенко.

Вот тут-то и развернулась настоящая драма. Завкомовцы все же присудили звание «лучшего» рабочему из другого цеха. Но не успело заводское радио, объявив победителя, сыграть туш в его честь, как в завком пожаловал Валерий. Просьба его была весьма необычной: пусть-де покажут и расскажут, почему пальму первенства отдали не ему, Бровенко, а неведомому сопернику! С бывшим бригадиром, однако, отказались даже разговаривать. Тогда Бровенко отправился к секретарю заводской парторганизации. Досадуя, что отрывают по пустякам, тот слушал беспартийного Бровенко и дивился: есть же еще чудаки, готовые чуть ли не драться за звания ударников, кубки, грамоты, значки...

— Ты что, не понимаешь? — не выдержал секретарь.— Да все эти показатели — липа.

У Бровенко затряслись губы. И, сжав кулаки, он выдохнул в ответ:

— Тогда и ты, что здесь сидишь,— тоже липа!

Возникла пауза. Наконец секретарь парткома произнес:

— Предупреждаю: будешь себя так вести — плохо кончишь.

Да, цеховая биография Валерия Бровенко кое о чем говорила: за прошедшее с начала «бунта» время его трижды назначали и снимали с руководства бригадой!

Меня интересовали люди, окружавшие Валерия в эти трудные годы.

— Многих уж нет,— сообщил он.— Ушли Одинцов, Никитин, Разумный...

Олега Михайловича Одинцова я нашел в одной из строительных контор, где он руководил ремонтом городских магазинов — странное занятие для человека с дипломом инженера-электронщика, когда-то влюбленного в свою профессию и даже имевшего на этом поприще отличную карьеру (в 30 лет коммунист Одинцов стал заместителем

Окончание на стр. 28.

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ ● НАЛОГИ И КООПЕРАТИВЫ ● ДЕТИ НА ХЛОПКОВЫХ ПОЛЯХ... ●

■

Узнав о землетрясении в Армении, мы — члены сводной спасательной группы, имеющие удостоверения Контрольно-спасательной службы и опыт спасения людей в экстремальных условиях,— сразу же изъявили желание выехать в Ленинакан и принять участие в спасательных работах на развалинах города.

Уже 9 декабря мы готовы были со всем необходимым снаряжением выехать на место. Обратились с таким заявлением в горисполком. Там нам посоветовали записаться в райисполкоме в список и ждать вызова. В райисполкоме, ссылаясь на указания сверху, говорили, что послать нас туда не могут. Мы позвонили в Москву в штаб ЦК ВЛКСМ 10 декабря и повторили свою просьбу дежурному штаба, а в ответ услышали: «Ребята, там сейчас народу и так много, вы будете лишними. Оставьте телефон, если понадобитесь, позвоним». И только обратившись в Харьковский обком комсомола, нам удалось связаться со штабом ЦК комсомола Армении и мы услышали, что спасатели нужны в первую очередь.

В Ленинакан прибыли 12 декабря. Работали там до 24-го числа, и все это время катастрофически не хватало квалифицированных спасателей. Если бы мы оказались там хотя бы 10 декабря, спасенных нами людей было бы больше. Ведь 12-го числа вытаскивали мертвых людей, которые были живы еще 2—3 дня назад...

Наша группа работала по соседству с американскими и французскими спасателями, и они не раз спрашивали нас: «Почему вы так поздно приехали — ведь это ваша беда?» Они искренне не могли понять это, а мы не могли ответить им что-либо вразумительное. И хоть не было в том нашей вины, чувство стыда и досады не оставляло нас.

Закончив работу, мы уезжали из Ленинакана, откуда нам выдали билеты на бесплатный проезд до Харькова. А в Москве при пересадке произошел неприятный инцидент: в аэропорту Внуково с нас взяли доплату за превышение веса багажа. А его действительно было много, ведь все спасательное снаряжение мы везли с собой. Дело не в той сумме, которую нам пришлось заплатить, а в том, что работники аэропорта знали, кто мы и откуда летим, что за груз везем обратно домой.

Это стихийное бедствие показало, насколько мы оказались не готовы к быстрому реагированию. Отсутствовала скоординированная централизованная информационная служба, которая бы распоряжалась имеющимися в наличии квалифицированными спасателями. Наверняка были еще группы спасателей, которые либо не смогли приехать в Армению, либо приехали поздно.

Пишем это не для того, чтобы к кому-то применили санкции, вряд ли сейчас это может что-то поправить. Но как возвращаются к нам наполненные подлинным содержанием такие слова и понятия, как милосердие, сострадание, так мы должны научиться испытывать чувство стыда за многие «мелочи» нашей каждодневной жизни, за которые приходится потом так дорого платить и которые лишают нас самого главного — чувства собственного достоинства.

О. РЫЖЕНКО,
А. ХЯННИКЯЙНЕН,
В. КОБЗЕВ,
всего 11 подписей
(члены сводного отряда спасателей г. Харькова)

■

В «Огоньке» № 45 за 1988 г. напечатана статья А. Боссарт «В Москву за правдой». В этой статье приводятся слова заведующего информационным отделом Приемной Президиума Верховного Совета СССР Н. Н. Казакевича, работавшего в 1956 году в комиссии по реабилитации: «Отлично помню Бернштейна, его письмо опубликовал «Огонек». Ему вменялась в вину «попытка затопить Приморский край». Докладывая на комиссии его абсурдное дело, предложил признать полностью невиновным».

По поводу этих «воспоминаний» сообщаю следующее: до обвинения меня в «попытке затопить Приморский край» не додумались даже деятели тогдашнего ГУГБ. Зато сегодня это фантастическое обвинение может принести немалый вред моей работе, ведь я руковожу проектированием мощной экологически чистой приливной электростанции на побережье Охотского моря.

Комиссия, в которой участвовал Н. Н. Казакевич, меня не реабилитировала, на полгода продлив мне муку пребывания в заключении, из которого я был освобожден и реабилитирован после рассмотрения моего заявления Н. С. Хрущевым.

Л. Б. БЕРНШТЕЙН,
доктор технических наук,
главный инженер проектов приливных электростанций

■

Наш кооператив, организованный при одном из киевских предприятий, выпустил за год на 200 тысяч рублей товаров народного потребления. Сейчас нашими товарами заинтересовались зарубежные партнеры.

Но чем лучше мы работаем, тем больше ощущаем сопротивление бюрократической системы. Скажем, заключили мы договор (дело это добровольное) по соцстраху и соцобеспечению и отчисляем немалые суммы в профсоюз. И вдруг в горкоме профсоюза нам заявляют: вы недоплатили 8 тысяч рублей... Оказывается, надо делать отчисления с зарплаты не только членов кооператива, но и тех, кто после основной работы у нас на полставки, и тех, кто выполняет разовые заказы по трудовым соглашениям. За что? Совместителю больничный лист не оплачивается, он его получает на основном производстве; время, проработанное у нас, в пенсионный стаж ему не засчитывается, вернее, не добавляет ему пенсионного стажа; отпускные не положены; на квартирную очередь у нас не поставят; льготную путевку не дадут и т. п. За что же с его зарплаты брать в соцфонд, если ему из этого фонда ни копейки не положено? Где логика? Это уже не соцстрах, а скрытый дополнительный налог на кооператив.

Стал я выяснять, откуда такое распоряжение вышло. Оказывается, финуправление Киевского горисполкома 21.IX.88 г. разослало инструкцию, принятую союзными органами еще в 1960 году, в которой, в свою очередь, имеется ссылка на постановление ЦИК и СНК СССР от... 23 августа 1931 года. В нем говорится, что должностные лица, нарушающие подобные инструкции, могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Я мог бы привести еще примеры, когда начинают извлекаться на свет мелкие, казалось бы, десятистепенные пунктики и параграфы инструкций, направленные на одно — задержать развитие кооперативного движения.

Так как же все-таки быть с полуставочниками и договорниками, на которых в значительной степени должны опираться кооперативы?

Н. ТУРОВЕЦКИЙ,
председатель кооператива «Троянда»
Киев

■

Сейчас, когда в нашей стране наблюдается тенденция к демократизации всех сфер жизни советских людей, особенно дикими и нелепыми выглядят отдельные «нововведения» Министерства связи СССР.

Например, выяснилось, что для подачи заявления о розыске пропавшего заказного международного письма (к сожалению, эти «пропажи» стали происходить что-то уж чересчур часто!) заявитель должен заполнить сложный бланк, на котором, в частности, указать свой домашний телефон (?!), серию, номер паспорта, когда и кем паспорт выдан!..

Для поездки за границу документы оформить проще, чем на розыск письма. Для чего органам связи нужны мои паспортные данные и номер домашнего телефона? Ведь они никогда не звонят и не сообщают о результатах — надо самому «качать права», чтобы добиться каких-то сдвигов или что-то узнать о судьбе розыска!

Может быть, ретивые почтовики станут скоро требовать от нас, чтобы при посылке письма за границу предъявлять выписку из решения трудового коллектива о том, что коллеги «не возражают»?!

Если внимательно прочитать 2-й том Почтовых правил СССР в части, касающейся отправки писем за рубеж, может сложиться естественное впечатление, что эти правила составлены не для свободных

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Вслед за публикацией статьи «Противостояние», выступлением главного редактора «Огонька» Виталия Коротича на XIX партконференции и сообщением об аресте двух ее делегатов, которым предъявлены обвинения во взяточничестве, наши читатели спрашивают о судьбе остальных подозреваемых во взяточничестве делегатов.

Сегодня мы можем сообщить еще одну фамилию из списка, переданного в президиум XIX партконференции. Виктор Ильич Смирнов — бывший второй секретарь ЦК Компартии Молдавии, кандидат в члены ЦК КПСС.

13 сентября минувшего года Президиум Верховного Совета СССР дал согласие на привлечение Смирнова к уголовной ответственности.

5 ноября под председательством первого секретаря ЦК КП Молдавии С. К. Гроссу состоялся очередной пленум молдавских коммунистов, на котором была удовлетворена просьба В. И. Смирнова об освобождении его от должности второго секретаря ЦК по состоянию здоровья.

Однако прошло еще два с лишним месяца, прежде чем заместитель Генерального прокурора СССР подписал санкцию на его арест. Это произошло утром 11 января 1989 года. А в 13.00 В. И. Смирнова арестовали на его московской квартире. Ему предъявлено обвинение во взяточничестве в период его работы заведующим Среднеазиатским сектором орготдела ЦК КПСС.

И ОПЯТЬ — О ДОСТАВКЕ

Редакция счастлива, дорогие друзья, что в этом году многие из вас выбрали «Огонек» своим журналом. Мы очень стараемся сделать все, чтобы он был вам интересен и нужен. И не можем не огорчаться вместе с вами сбоями в доставке, о которых все чаще приходится слышать.

После того, как материалы номера в редакции подписываются в печать, судьба «Огонька» переходит в руки издательства ЦК КПСС «Правда» и Министерства связи.

Начальник отдела распространения издательства Анатолий Григорьевич Королев сообщил нам:

«Номера «Огонька» подписываются в печать в четверг вечером и сразу передаются в производство.

Начало сдачи тиража — пятница, накануне выхода номера в свет.

В этот же день, вечером, первые журналы (150 тысяч экземпляров) поступают в 100—120 почтовых отделений столицы.

Основная же часть московского тиража (272 тысячи экземпляров) развозится в почтовые отделения в субботу и понедельник.

Подписчики получают журнал по *нормативам Министерства связи СССР в пределах 48 часов с момента поступления* на почту.

Остальной тираж, по мере готовности, развозится в предприятия связи при вокзалах Москвы для дальнейшей отправки по стране в следующем порядке: понедельник — в отделение перевозки почты «Перловка» — для

граждан свободной страны, идущей по пути становления правового государства, а для лиц, отбывающих срок лишения свободы в тюремно-лагерной зоне: сплошные запреты и ограничения! Даже текст писем «должен быть разборчивым» и «написан на понятном (кому???!) языке»!..

Я обращался с вопросами в органы связи, но внятного и исчерпывающего ответа не добился.

П. МИХАЙЛОВ
инженер-электрик
Москва

■

Был сильно удивлен, прочитав в стенограмме выступления Р. Н. Нишанова на сессии Верховного Совета СССР, что журнал «Огонек» назвал якобы хлопкороба хлопкорабом, оскорбив тем самым героических тружеников хлопковых полей.

Осенью 1988 года я имел счастье участвовать в длительной общественной экспедиции «Арал-88». Мы проехали тысячи километров по территориям всех республик Средней Азии. И много раз видели на хлопковых полях детей и подростков. Так было и в Узбекистане, и в Туркмении. Несколько раз останавливались мы у групп малолетних сборщиков хлопка, беседовали с учениками и учителями, учащимися ПТУ и мастерами производственного обучения. Видели их работу на полях, обработанных дефолиантами. Восемь часов труда под обжигающим солнцем, скудное питание, непригодная для питья вода из лотков и арыков, которую пьют, потому что другой нет. И всюду партийные и советские руководители областей говорили нам, что школьники в этом году на хлопке не работают. Кроме тех случаев, когда помогают родителям-подрядчикам после уроков.

Знания выпускников сельских школ Средней Азии просто несравнимы со знаниями школьников других мест. Кстати, их учителя тоже в свое время по два-три месяца в году работали на хлопке и ученикамu, и студентами. Но дело не только в знаниях. Мы обратили внимание и на то, что многие учащиеся ПТУ в свои 15—16 лет выглядят значительно ослабленными. Невозможно представить, что через два-три года они станут нашими защитниками. Думаю, что многих из них в армию не призовут.

Было бы правильно, если бы журнал посвятил детскому труду в Средней Азии большую, обстоятельную статью. Многие в Средней Азии считают, что надвигается новая большая опасность — широкая эксплуатация детского труда при семейном подряде. Надо это предотвратить.

Интересно, чем вызваны аплодисменты депутатов Верховного Совета после выпада Р. Н. Нишанова против «Огонька»? Очередной попыткой «поставить печать на место»? Если аплодировавшие возьмут журнал и познакомятся с тем, что вызвало гнев депутата Нишанова, то, думаю, некоторым из них станет стыдно. Не могу же я поверить, что они за работу школьников на хлопковых полях в учебное время!

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

■

Во время Великой Отечественной войны в поселке Симеиз Крымской области, в период фашистской оккупации действовала подпольная антифашистская группа. Членом этой группы я была в 1943—1944 годах. Прошло не одно десятилетие после войны, но до сих пор я не могу получить документа участника подполья.

Испытаний, доставшихся на мою долю, хватит на несколько человек. После освобождения Крыма меня вместе со всем народом в мае 1944 года вывезли с родных мест. В 1946 году осудили по 58-й статье сроком на десять лет. Девять лет я пробыла в Воркутлаге. Думаю теперь, когда так много уже известно о тех страшных временах, не надо объяснять, что это были за годы. Шахты, тундра, безысходность и бессилие перед обстоятельствами.

В 1974 году меня полностью реабилитировали. Имею на руках справку КГБ о том, что я действительно являлась членом симеизской подпольной группы. Несмотря на это, вот уже несколько лет я безуспешно обращаюсь в партийные органы Крымской области с просьбой на основании имеющихся документов, официально признать меня членом подпольной группы.

Это официальное признание имеет для меня сейчас и моральное, и материальное значение. Я одинока, детей у меня нет, близких родственников тоже, пенсия — 63 рубля. И это при том, что с 1944 года по 1946 год я работала по месту высылки на лесоповале, затем девять лет каторжных работ в Воркутлаге, не берется в расчет и мое участие в борьбе против оккупантов во время войны — всего 40 лет трудового стажа.

Я могла бы многое рассказать о Воркутлаге, где прошла моя молодость. Но скажу только одно: моя одинокая старость и потерянное здоровье — это результат ошибок и преступлений не только сталинских времен, но и времен застоя.

Горько и обидно, что сейчас, когда страну охватил дух обновления, я не могу достучаться до справедливости.

Б. Э. АКСАКОВА
(девичья фамилия Бекирова)
Самарканд

■

С удивлением прочитал письмо В. Карпинского, опубликованное в № 1 за 1989 год. Удивление мое вызвали некоторые положения письма, поскольку речь в нем идет о расходах Советского детского фонда, а кому, как не мне, знать о них лучше других! Почему так? Да потому, что я вот уже год с лишним являюсь председателем ревизионной комиссии СДФ, которую читатель требует создать. Она не просто создана, она давно работает, и на первом пленуме Советского детского фонда подробно отчиталась во всех тех расходах, на которые Советский детский фонд шел во имя детей. Таким образом, это и было сообщением о результатах проверки, которой наша ревизионная комиссия занимается постоянно, изо дня в день.

Позволю себе перечислить все траты, которые были проведены Советским детским фондом, в том числе и из тех 120 млн., что перевел нам один из учредителей Фонда — Советский фонд мира. К расходованию средств мы подходим очень скрупулезно. В течение прошедшего года истратили на организацию медицинских десантов по борьбе с детской смертностью 2 млн. рублей; на приобретение 230 автобусов, микроавтобусов и грузовых автомобилей для интернатных учреждений — 1,2 млн. рублей; на разукрупнение групп в домах ребенка — 2,95 млн. рублей. В № 1 за 1988 год еженедельника «Семья» сообщалось, что 200 тысяч рублей из взноса Советского фонда мира вложены в смету на приобретение автотранспорта для интернатных учреждений. А в № 23 за тот же год опубликована смета, согласно которой 500 тысяч рублей из взноса Советского фонда мира направлены на снижение детской смертности в республиках Средней Азии, Казахстане и других регионах страны. 1 млн. рублей мы передали детям Армении, пострадавшим от землетрясения.

Судя по письму, читателю чаще приходится видеть «Московские новости» и «Советский спорт». Да, в этих изданиях редко появляются конструктивные материалы о нашей работе. Зато в нашей «Семье» это делается регулярно, как регулярно публиковались подробные сметы всех вышеперечисленных трат.

Хочу отметить, что из всех общественных организаций лишь Детский фонд делает это регулярно и столь доступно для всех.

Еще одно. «Советский спорт» сообщил, «что роскошное веселье «Конкурс красоты» проводилось на всенародные пожертвования в Детский фонд». Детский фонд ни сном, ни духом не собирался тратить деньги, «предназначенные для детишек», на такое, пусть популярное, мероприятие.

Я, как председатель ревизионной комиссии Советского детского фонда, весьма рад, что читатели столь пристрастно относятся к тому, как общественные организации обходятся с народными вкладами. Именно поэтому настоятельно рекомендую читать еженедельник Детского фонда, чтобы по крайней мере по его благородным расходам вопросов больше не возникало.

А. С. КАЛАБАЛИН,
педагог,
председатель ревизионной комиссии
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина

■

В первом номере «Огонька» за этот год я обратил внимание на письмо ветерана войны и труда, ведущего научного сотрудника Всесоюзного научно-исследовательского института транспортного строительства В. Карпинского.

В нем повторены «факты» и обвинения в адрес Советского фонда мира и Детского фонда имени В. И. Ленина, которые были приведены в статье В. Баскова, опубликованной в газете «Московские новости». Наиболее впечатляющим «фактом» было сообщение, что Детский фонд будто бы использовал средства, выделенные ему для детей-сирот, на проведение «Конкурса красоты». Эти обвинения были официально опровергнуты в еженедельнике «Семья» за 23 ноября 1988 г. и с экранов Центрального телевидения, которое собрало за круглым столом руководителей советских фондов — мира, культуры, детского и милосердия.

В письме вслед за автором статьи утверждается, что в Фонде мира не налажен контроль за расходованием добровольных денежных взносов. И, естественно, В. Карпинский предложил создать ревизионную комиссию. Хотелось бы сообщить ветерану, а заодно и редколлегии журнала, что в Советском фонде мира ревизионная комиссия существует со дня его основания. Она избирается на всесоюзной конференции Фонда один раз в 5 лет и подотчетна не Правлению, а только конференции. В состав комиссии входят видные экономисты, специалисты центральных плановых и финансовых органов, общественные деятели, ветераны войны и труда.

Ревизионная комиссия ежегодно проверяет финансово-хозяйственную деятельность Правления Советского фонда мира. Материалы ревизии рассматриваются на бюро Правления, а также направляются в Министерство финансов СССР. И еще. Каждая организация, финансируемая Фондом, отчитывается перед ним: ежеквартально — об исполнении сметы расходов и по итогам финансово-хозяйственной деятельности за год. Эти материалы анализирует планово-экономическая комиссия. По предложению комиссии Правление Фонда мира вправе прекратить финансирование любого комитета, если средства используются им не по назначению.

Не соответствует действительности и утверждение о том, что нигде, никогда и никто за 27 лет не объяснил вкладчику, как используются его святые рубли. И в газетах, и по телевидению об этом докладывалось неоднократно. Более того, о Фонде мира и о том, куда, на какие цели идут поступающие в него средства, написаны книги и брошюры.

Другое дело, и в этом я согласен с автором письма, что надо регулярно публиковать отчеты о поступлении и расходовании средств Фонда в печати.

И. ЗЛОБИН,
председатель ревизионной комиссии
Советского фонда мира,
профессор МИНХ имени Плеханова

Московской области и отправляется в города: Ленинград, Киев, Харьков, Минск; вторник — среда — в прижелезнодорожный почтамт при Казанском вокзале; четверг — в отделение перевозки почты Курского вокзала, и так далее.

Последний экземпляр журнала (из 3 миллионов 300 тысяч) вывозится из типографии в понедельник следующей недели.

И так из номера в номер.

Дальнейшее продвижение журнала по стране, своевременность его доставки подписчикам зависят *от оперативности почтовых служб* как Московского узла связи при всех вокзалах, так и на местах».

Редакция еще раз от имени более чем трех миллионов своих подписчиков просит Министерство связи СССР доставлять еженедельный «Огонек» так же, как еженедельные газеты, в день их поступления в почтовое отделение. А не так, как сейчас, по нормативам журналов ежемесячных — в течение двух суток.

В прошлом году мы обращались в Министерство связи с тем же призывом, но он, к сожалению, остался без ответа.

Надеемся, что в этом году связисты захотят пойти навстречу многочисленным пожеланиям читателей.

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
Николай КОЗЛОВСКИЙ
(фото)

Лет десять назад, показывая модель нового самолета, которая была, как говорится, в пластилине, Олег Константинович Антонов сделал вдруг лирическое отступление. Он заговорил о красоте, о том, как он ее понимает в жизни и в технике... Если модель красива, говорил он, если отличается совершенством форм, то она и в небе будет послушна, покажет отличные технические результаты.

Олег Константинович был не только авиаконструктором, но и талантливым художником. А этот разговор я вспомнил на заводском аэродроме, где стоял новый, еще не видевший неба самолет ОКБ имени О. Антонова. Он не казался таким уж огромным, хотя я знал, что передо мной самый большой самолет в мире. Полный взлетный вес его около шестисот тонн. И тем не менее размеры не поражали... Красивая машина.

Погода стояла неважная, срывался снежок, дул холодный ветер. У полосы собрались конструкторы, техники, рабочие, журналисты. Всех нас поражала новизна, совершенство многих технических решений. Две стойки передних колес были вытянуты вперед, отчего машина почти лежала на брюхе. Огромный обтекатель был откинут наверх, а под ним, как под куполом цирка, суетились грузовые автомашины, прямо с полосы въезжая в разверстое чрево. Потом стойки передних колес стали подтягиваться под брюхо, принимать вертикальное положение, и — машина приподнялась, а далеко выкинутый вперед трап шириной с двухполосное шоссе начал складываться. Он видоизменил свою форму, будто в мультфильме, превратился в жесткую конструкцию и закупорил фюзеляж. И тогда опустился купол обтекателя, щелкнули мощные замки. Самолет обрел форму, вполне законченную и прекрасную.

Главным виновником торжества стал, конечно, генеральный конструктор Петр Васильевич Балабуев. Он не только сохранил славные традиции КБ Олега Антонова, но и привнес новое, осуществил немало блестящих решений. Едва он появился у самолета, как был атакован журналистами. Петр Васильевич едва успевал отвечать.

— Этот самолет по основным показателям в полтора раза превосходит «Руслан». Он может поднять двести пятьдесят тонн. Причем не только в салоне, но и «на спине». Для этого на фюзеляже предусмотрены специальные приспособления. В частности, он сможет доставлять к месту запуска космический корабль «Буран». Такие самолеты понадобятся и для перевозок народнохозяйственных грузов. Трагические события в Армении показали, что бывает крайняя необходимость срочной переброски тяжелой техники...

Надо сказать, что богатыри «Антей» и «Руслан» совершили около трехсот рейсов в Армению. Но и они не смогли взять на борт тяжелые краны.

— Более крупная машина, чем эта,— сказал далее генеральный конструктор,— нигде в мире в ближайшие годы не появится. Некоторые технические возможности, особенно в конструкции шасси, использованы почти до предела... А изготавливала этот самолет практически вся страна!..

Остается добавить, что размах крыльев АН-225, который назвали по-украински «Мрия», составляет восемьдесят семь метров. На них подвешены шесть турбовентиляторных двигателей конструкции В. Лотарева. За пять часов АН-225 способен преодолеть четыре тысячи километров.

В первый полет новую машину поднял Александр Галуненко, летчик-испытатель первого класса. Он принимал участие в испытаниях «Руслана». А совсем недавно вместе со вторым пилотом Сергеем Горбиком обеспечивал советско-канадский трансарктический перелет. В экипаже «Мрии» шесть человек.

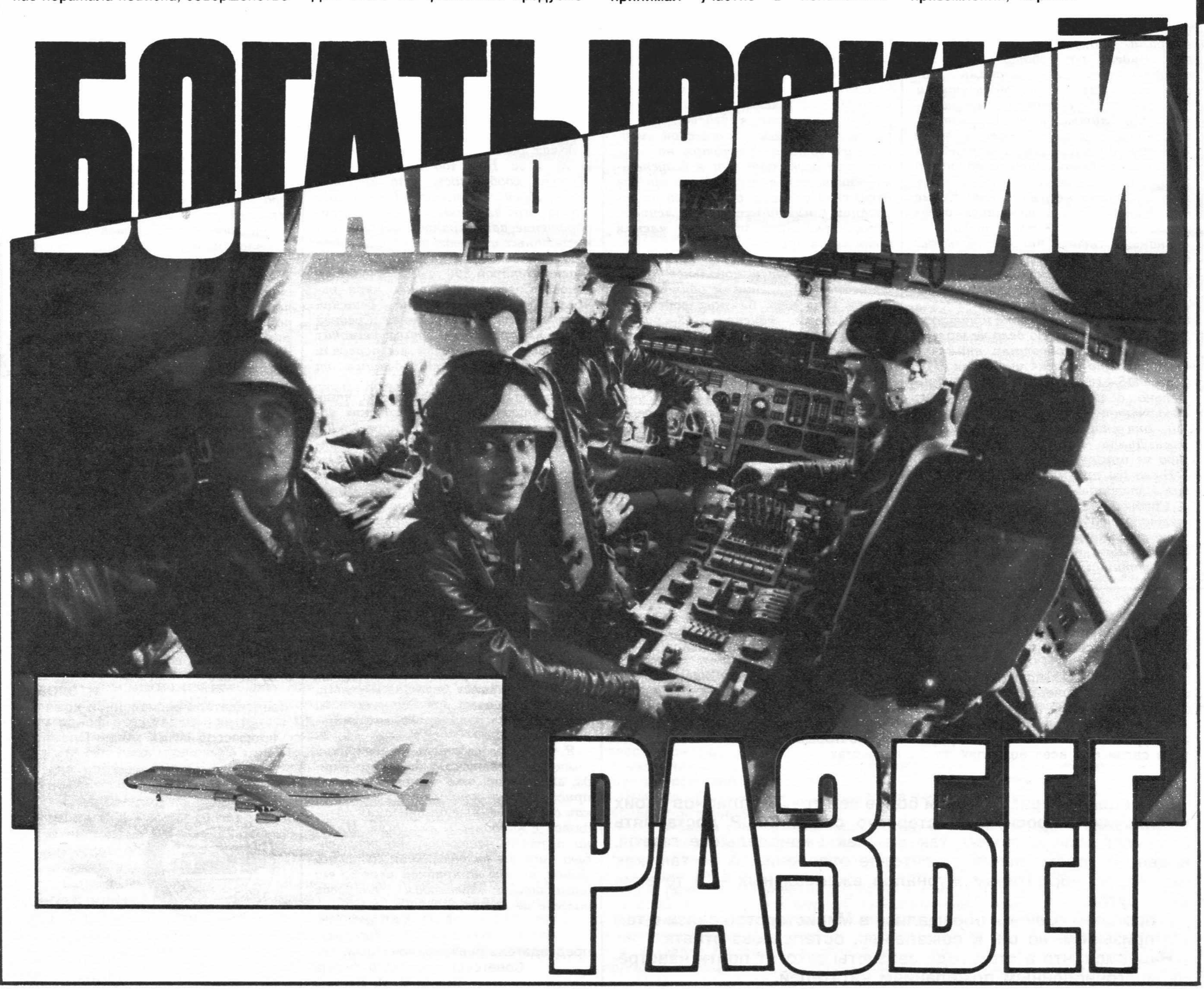
...На морозном ветру ревут двигатели, далеко позади самолета стоит белое облако снега. Машина дрожит от напряжения. Или — от нетерпения? Под крылом проскакивают несколько «Волг», затем машины с мигалками; черным лаком блеснул «ЗИЛ» — прибыл член Политбюро ЦК КПСС В. В. Щербицкий. Все направились на дальнюю точку взлетной полосы, чтобы лучше видеть, как оторвется от земли и уйдет в небо «Мрия».

И вот она пробежала первый километр и остановилась... Потом откатилась обратно и стала разворачиваться для нового разбега. На кончике полосы описывали круг огромного размаха косые крылья, и в непостижимом пируэте скользили тридцать два колеса сложной системы шасси! То был вальс в снежном облаке, поднятом ревущими двигателями.

И новый разбег. Совсем короткий. И самолет, как белая чайка, ушел в небо. Он поднялся легко и круто, как невиданный бумажный змей. Красивое, захватывающее зрелище...

Кто-то закричал «ура», люди обнимались. Машина, которую назвали «Мечта», летала! Счастливых тебе приземлений, «Мрия»!

БОГАТЫРСКИЙ РАЗБЕГ

ЗАКОН ПРЕЖДЕ ВСЕГО

НА ВОПРОСЫ «ОГОНЬКА» ОТВЕЧАЕТ ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ ПРОКУРАТУРЫ СССР ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ ВТОРОГО КЛАССА В. И. АНДРЕЕВ

— Владимир Иванович, западные средства массовой информации и различные правозащитные организации, несмотря на неоднократные заявления со стороны юридических органов СССР, пишут и говорят о том, что в нашей стране еще есть люди, некогда осужденные по ст. 70 и ст. 190[1] УК РСФСР и находящиеся в связи с этим в местах лишения свободы. Что вы можете сказать по этому поводу?

— В настоящее время можно совершенно официально заявить о том — и это действительно так! — что в СССР нет ни одного человека, отбывающего наказание только по ст. 70 и тем более — по 190[1]. Перестройка коснулась деятельности всех правоохранительных органов, в том числе и органов прокурорского надзора. Заставила нас более вдумчиво и внимательно относиться к проблеме каждого человека, отбывающего наказание. Еще в 1985 году началась активная работа по освобождению этих лиц и в последующие годы шла с нарастанием. Уже к началу 1987 года значительная часть осужденных по статьям 70 и 190[1] была освобождена. В прошлом, 1988 году были помилованы все лица, ранее осужденные по этим статьям. В конце 1988 года Президиум Верховного Совета СССР помиловал последних людей, отбывающих наказание «за антисоветскую агитацию и пропаганду, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй», «нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви и посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

При освобождении мы столкнулись с парадоксальным фактом, когда люди уже помилованы, а в разного рода иностранных реестрах их все не убывает. Да и среди самих бывших осужденных есть люди, которым хочется, чтобы о них подольше поговорили на Западе, хочется остаться в списках «узников совести», которыми нас оттуда усердно снабжают.

— Не могли бы вы пояснить, что конкретно имеется в виду?

— Списков поступает в Прокуратуру СССР очень много. Несколько — передали американские конгрессмены во время встречи в Москве. Поступили списки из Швеции, Дании, других стран. Наконец, подобный список вручили в Испании главному редактору «Огонька» Виталию Коротичу. Такую заботу о соблюдении в нашей стране прав человека можно было бы только приветствовать. Если б не одно «но»... Авторы перечня фамилий «политических заключенных в СССР» предпочитают остаться неизвестными. Стремятся включить в них также и тех, кто никогда не находился в местах лишения свободы, не привлекался к уголовной ответственности. Между прочим, такие люди вправе подать на авторов списков в суд за клевету.

Однако задумаемся: какую же цель, помимо благих намерений, преследуют авторы списков? Почему так стараются, чтобы перечень содержал не десятки, а сотни человек? Отчего к нам в Прокуратуру СССР, уже помимо списков, прислана целая книга, толстая, прекрасно оформленная и иллюстрированная (правда, неизвестно где отпечатанная), состоящая из сотен имен и фамилий... Неужели только ради того, чтобы в глазах мирового общественного мнения советские правоохранительные органы и сегодня были чем-то вроде «репрессивного аппарата сталинского типа»? Невольно приходишь к выводу: кому-то выгодно преувеличить «масштабы нарушения прав человека в СССР».

— Но ведь авторы списков должны откуда-то черпать информацию. Как появляются фамилии?

— Подобный вопрос мы задаем и себе... Однако после проверки выясняется, что многие из тех, кто указан в списке как «политзаключенный», на самом деле никакого отношения к этому не имеют, а осуждены судом за конкретные уголовные преступления — грабеж, изнасилование, наркоманию, разбой... Мы говорим американцам: хорошо, мы покажем вам указанного в списке человека, дадим возможность лично убедиться, какой он «политзаключенный» (как предоставили эту возможность журналистам А. Розенталю, в прошлом главному редактору «Нью-Йорк таймс», и его коллеге Филиппу Таубмэну, побывавшим в ИТУ в Пермской области), а вы, со своей стороны, опубликуйте правду о нем. Правду, а не полуправду. Мы говорим: имеет ли смысл умалчивать, что у нас с 1986 года никто не был осужден по ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда»?

— А что вы можете сказать о людях, которые до сих пор находятся в местах лишения свободы в связи с тем, что осуждены по совокупности преступлений? Имеются в виду ст. 70 УК с какой-либо другой?

— В списке, переданном главному редактору «Огонька» в Испании, указаны фамилии «политических заключенных» Голдовича, Удачина, Климака. Да, все они осуждены и по ст. 70. Это так. Но о какой реабилитации или даже помиловании может идти речь, если они же осуждены за измену Родине? Что же касается Суслова, бывшего журналиста телевидения, то выставлять его «диссидентом» по крайней мере смешно: вся страна смотрела репортажи о процессе над этим человеком, осужденным в итоге за шпионаж...

Или взять еще одного «героя» из этого списка, Болесловаса Лизунаса. Он выставлен как участник «литовского национального движения». А на самом деле? В 1945 году Лизунас дезертировал из Красной Армии, вступил в вооруженное формирование, которое воевало против Советской власти в Литве. Лизунас мародерствовал, отнимал у населения продукты питания, участвовал в нападениях на литовских советских и партийных работников. До 30 мая 1979 года жил под чужой фамилией по поддельному паспорту...

— Владимир Иванович, не исключаете ли вы возможности, что с середины 60-х годов предпринимались попытки фабрикации уголовных дел по отношению к тем, кого на Западе назвали «диссидентами»?

— Я такими фактами не располагаю. Давалась определенная оценка тех действий, которые люди совершали, тех документов, которые они писали или распространяли. Людей судили в пределах действующего законодательства, в открытых судебных процессах с участием адвокатов.

— Стало быть, вы не склонны полагать, что некоторых граждан нашей страны могли несправедливо осудить, в частности, по статье 190[1] — «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»?

— Что касается статьи 190[1] УК РСФСР, то она волнует сейчас всех законодателей. Конечно, она требует кардинального изменения, учитывая демократизацию нашего общества в период перестройки, возросшего доверия к советским людям со стороны властей. Предугадывать сложно, но, по всей вероятности, в ближайшем будущем ее в нашем Уголовном кодексе не будет.

Нельзя отрицать и другое: в прошлом принимались необоснованные решения, отдельные лица без достаточных оснований привлекались к уголовной ответственности по ст. 70 и ст. 190[1]. В Прокуратуре СССР это понимают и стараются исправить ошибки. Например, в течение семи лет не мог добиться справедливости и законного решения по своему делу рабочий из Кировограда Василий Андреевич Мостовой, против которого в 1981 году было возбуждено уголовное дело по ст. 187[1] УК УССР — эта статья соответствует российской 190[1]. К Мостовому применили меры принудительного медицинского характера, то есть поместили его в психиатрическую больницу общего типа. Затем — в спецбольницу. Только в феврале прошлого года по протесту Генерального прокурора СССР Верховный суд Украины признал, что в действиях Мостового отсутствовал состав преступления.

Что же стояло за ошибкой? Из материалов суда 1981 года следует, что Мостовой «распространял заведомо ложные измышления, порочащие Советскую власть». На самом же деле рабочий критиковал дирекцию завода «Красная звезда», открыто говорил о бюрократических порядках в области.

Или вот еще один случай. Не так давно мы внесли протест по делу А. П. Чурганова, жителя г. Сочи, который был осужден по ст. 70 УК РСФСР к шести годам лишения свободы с отбыванием в ИТК строгого режима и трем годам ссылки. В приговоре судебной коллегии Краснодарского краевого суда от 15 января 1982 года говорится, в частности, что Чурганов «...с целью подрыва и ослабления Советской власти, сблизившись с жителем г. Москвы Роем Медведевым, получал от него печатные произведения, издаваемые за рубежом...». Все обвинения в его адрес перечислить невозможно... Прокуратуре СССР пришлось немало потрудиться, прежде чем Пленум Верховного суда СССР полностью реабилитировал А. П. Чурганова.

— «Огонек» старается выступать в защиту тех людей, которые при Брежневе были осуждены по ст. 70 и ст. 190[1] лишь за то, что открыто критиковали административно-бюрократическую систему, коррупцию, взяточничество высших чинов, воровство и бесхозяйственность... Как же складывается судьба бывших «диссидентов»? Не испытывают ли люди бытовые неудобства, могут ли получить работу по специальности? Имеют ли, наконец, возможность выехать за границу на постоянное место жительства?

— Необходимо отметить, что большинство из этих людей активно включились в жизнь страны, социальную и политическую, получили жилье, работу по специальности... Отдельные из них после помилования изъявили желание покинуть пределы СССР. Как правило, они на этом пути не встречают преград. Исключение составляют лишь те, чья прошлая работа была связана с государственными секретами.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: лица, помилованные и освобожденные из мест лишения свободы, в том числе и те, кто ранее был осужден по статьям 70 и 190[1] УК РСФСР, обладают всеми конституционными правами. И если делается попытка ущемить права и законные интересы этих граждан, Прокуратура СССР, осуществляя высший надзор, намерена и впредь принимать решительные меры по восстановлению нарушенных прав.

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Рисунок Милена РАДЕВА (Болгария)

Автор рисунка просит перевести гонорар на счет фонда «Мемориал»

ВРЕМЯ НА РАЗМЫШЛЕНИЕ

Всего несколько лет отделяет нас от периода, когда за попытку высказать правду о положении, в котором находилась страна, честных людей не раз объявляли особо опасными преступниками, обрекали на годы заключения и ссылки, лишали гражданства. Мало кто имел мужество вступиться за инакомыслящих, когда их «клеймили позором» коллективы заводов и учреждений, громили по указке сверху пресса и телевидение. А ведь именно эти люди так или иначе приближали к нам время перестройки. Наш разговор — о нравственном выборе и человеческой совести.

Анатолий ГОЛОВКОВ

«РАСКАЯНИЕ»

Дома в тепле, в безопасности, он то и дело прислушивался к стукам за стеной, к шуму лифта за дверью. Не садился, а лишь присаживался на краешек стула, будто тотчас потребуют встать. По-детски обильно сластил чай, отщипывал у бутерброда кусочки. Повадка выдавала в нем человека настороженного, словно со сжатой внутри пружиной.

Александру Александровичу 55 лет. Почти четверть жизни он провел в исправительно-трудовых колониях строгого режима и ссылке.

Болонкину многие завидовали. За что ни возьмется, все вроде бы получалось у него легко, играючи. В школе был круглым отличником. Рос без отца, как многие дети войны. Мать, уборщица, едва сводила концы с концами. Увлекался авиамоделизмом. Изящные, легкие его конструкции, бывало, перекрывали мировые рекорды. В Казанский авиационный поступил без экзаменов, диплом с отличием. Знаменитый Олег Константинович Антонов пригласил его в свое КБ ведущим аэродинамиком, и поднимались в небо уже настоящие самолеты — АНы... Заочно ему удалось еще окончить механико-математический факультет Киевского университета, аспирантуру. Он стал кандидатом технических наук, доцентом. Опубликовал десятки научных работ. 16 ноября 1971 года на ученом совете Ленинградского политехнического института защитил докторскую диссертацию...

Болонкину сулили блестящую карьеру. Однако не состоялась она — арестовали.

Друзья его, узнав, что следствие по делу Александра Александровича ведут работники госбезопасности, что ему грозит суд, были в шоке... Его-то, ученого-математика, убежденного технократа, всегда мало интересовала политика. Имел, пожалуй, все, о чем мечтается человеку: семью, отдельную квартиру, увлекательную и высокооплачиваемую работу. И вдруг...

Сейчас, спустя годы, как-то странно и диковато читать сорок семь пунктов обвинения в приговоре судебной коллегии Московского городского суда от 23 ноября 1973 года: «...Изготовил в нескольких экземплярах и отпечатал на машинке статьи „К итогам выполнения 8-го пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР", „Сравнение итогов первого десятилетия строительства коммунизма с Директивами XXII съезда КПСС"... Заявлял о том, что в Советском Союзе якобы отсутствуют демократические свободы, что граждане СССР преследуются не за преступные действия, а за убеждения».

— Да, это верно,— тихо рассказывал он, когда я навещал его в подмосковном Долгопрудном,— в начале семидесятых ни в чем не нуждался... Лишь в одном испытывал постоянный, гнетущий дискомфорт, одного не мог добиться — внутреннего согласия души.

А кого всерьез интересовала такая субстанция, как душа?

Первыми своими сомнениями делился с коллегами по МВТУ имени Баумана, где в ту пору работал. «Что ж тут изменишь?— чаще всего слышал в ответ.— Постарайся, как все. Главное-то — сколько уж лет без войны! И за это спасибо!» И действительно, жили в мире. Но жили и во лжи...

Воспитанный учителями в том духе, что в науке, как и в жизни, нельзя оставлять без решения вопросы, на которые ты в состоянии ответить, Александр Александрович был уверен в другом: фальсификация в государственном масштабе, ущерб истине, недомолвки наносят еще больший вред стране. Как же можно было молчать? Разве раздвоение души, ведущее к тяжкой личной драме, менее страшно, чем наказание за правду?

Он написал несколько статей. Нет, не статей даже — записок со своими личными наблюдениями, с анализом экономики, который сделал сам, читая подшивки газет и отчеты ЦСУ СССР. Дал почитать одному знакомому, другому. Потом собрал под одной обложкой, назвал «Свободная мысль». Получилось что-то вроде сегодняшних самодеятельных бюллетеней, которые выпускают многие неформальные объединения и Народные фронты в поддержку перестройки. Зачитывали до дыр. Тогда Болонкин решил размножать свой «журнал» при помощи восковок, примерно полсотни экземпляров: «Должны же были люди знать, что их надувают!».

Суд признал, что сочинения Александра Александровича содержат «клеветнические измышления о советском государственном и общественном строе», приговорил его к четырем годам лишения свободы в ИТК строгого режима и двум годам ссылки. Этап завершился в Мордовии. Встретил там Болонкин самый разный люд: от предателей-власовцев и «великомучеников» с уголовным уклоном до тех, кто, как и он сам, пострадал за «преждевременную» гласность.

В местах, не столь отдаленных, своя наука. За малейшую провинность — расстегнута ли пуговица куртки, опоздал ли в строй, или (что однажды довелось испытать Болонкину) отказался, например, грузить трупы из морга лагерной больницы — карцер! Сначала 15 суток штрафного изолятора («шизо»). А там, если охране что-то не понравится, еще пятнадцать и еще... Отсидевших три срока в «шизо» ждет уже помещение камерного типа (ПКТ) во внутрилагерной тюрьме особого режима.

Более 400 суток его продержали в штрафных изоляторах и не менее 700 — в ПКТ. Какими же углями тлела еще его душа, какими остатками сил держался?

Жил надеждой, как любое существо, запертое в капкан. Старался тренировать отвыкающий от нагрузки мозг. Обгоревшей спичкой по изморози бетонных стен царапал наброски, чертежи, формулы. Тренировал память.

Однажды в бессонной тишине карцера явилось ему среди ночи чудо дивное — звездолет. Реальный, свободный, кажется, руку протяни — коснешься зеркальной поверхности, корабль парил в звездном пространстве, гонимый солнечным ветром. Александр Александрович вскочил, стал спешно набрасывать эскиз на стене... Так родилась у него идея движителя нового типа.

Он мерз и голодал, его избивали подсаженные в камеру уголовники (за пригоршню чая, за пайку хлеба) — терпел. Бодрился, внушал себе не впадать в отчаяние. Но наказание следовало за наказанием.

Он не помнит, после какой по счету отсидки убедился: не выбраться ему из этого бетонного мешка. Это было в 1976 году. Стал распускать ткань арестантской куртки, нитка за ниткой. Веревка должна была выдержать вес его тела. И он осуществил бы свое намерение, но роба оказалась слишком ветхой, прочную удавку сплести не удалось...

В апреле семьдесят восьмого, когда срок его ссылки в Бурятии заканчивался, Александру Александровичу предъявили новое обвинение, якобы в присвоении «левых» денег. В далеком, забытом богом и обкомом партии поселке Богдарин он ремонтировал примусы, электроплитки и холодильники — по договору. По этому новому «обвинению» его приговорили к трем годам лишения свободы в ИТК строгого режима. Снова он жил надеждой, подгоняя время, бок о бок с уголовниками-рецидивистами. Снова терпел муки и унижения... Но и этой надежде сбыться не удалось: за десять (всего за десять!) дней до окончания срока Болонкина неожиданно обвинили в «антисоветской агитации и пропаганде» среди заключенных... Над ним навис еще один срок!

Тогда, уже в восемьдесят втором, с ним говорили с подкупающей откровенностью, прямо, без обиняков:

— Дело твое табак. Сорок осужденных написали жалобы, что ты их агитируешь против Советской власти.

— Я уже видел этот список,— возражал Александр Александрович,— со многими, кого вы называете, я даже не знаком.

— Ничего, меньше десяти лет тюрьмы и пяти лет ссылки не получишь, уж мы постараемся. Подумай о себе. Может, раскаешься? Скостим срок...

Болонкин чувствовал: здоровье его уже далеко не то, каким он обладал в Мордовии девять лет назад. Речь шла о жизни и смерти. Он согласился. Его на месяц перевели в тюремную больницу, подлечили, назначили усиленное питание, какое и не снилось давно.

«Раскаяние» было обставлено по всем правилам. Выдали ему по такому случаю накрахмаленную сорочку, галстук, пиджак с чужого плеча: пусть думают, что человек уже на свободе! Осветители налаживали свет, тележиссер заботливо поправлял воротник его рубашки...

— А как же остальное?— спросил Болонкин.— Штаны-то тюремные, да эти кирзовые сапоги...

— О, не волнуйтесь ради бога,— заверили его.— Это не войдет в кадр. Лучше текст просмотрите. И чтоб без запинки! Не вздумайте импровизировать!

Александр Александрович бегло просмотрел машинописные листки с «раскаянием», которое видел впервые,— там он всесторонне бичевал сам себя. Дали свет, включили видеокамеру. Сюжет потом показали всей стране в перерыве футбольного матча.

Вспоминая этот случай, Болонкин заметил: «Молодцы, эти телевизионщики. Придумали символ эпохи застоя: одна половина человека в пиджаке функционера-бюрократа, другая — в штанах и сапогах зека».

Тогда же с ними беседовали корреспонденты. И в «Неделе» № 16 за 1982 год появилась статья «Прозрение», которая начиналась задушевно-лирической фразой: «Жизнь прожить — не поле перейти...». Пересказывать статью просто неприятно.

Указ о помиловании вышел 2 ноября 1984 года. В это время Болонкин находился в ссылке, работал старшим научным сотрудником Восточно-Сибирского технологического института. Заслужил немало благодарностей от ректора. Оформил технические идеи, рожденные в тюрьмах и колониях,— 13 авторских свидетельств на изобретения! Опубликовал несколько научных работ, сдал в печать монографию по методам оптимизации управляемых систем, учебное пособие для студентов. ВАК вернул ему звания кандидата технических наук, доцента. Ссылка, последняя в его жизни, закончилась. Впереди маячила неизвестность.

ПЛАНЕТА ВЛАДИМИРА БЕЛИКОВА

Мы встретились с Беликовым в Киеве после переписки 7 октября 1988 года в номере гостиницы с видом на Крещатик. Внизу на домах висели флаги в честь Дня Конституции СССР. С десятого этажа было отлично видно, как вокруг фонтана кружат киевляне, стараясь не обращать внимания на марши, усиленные мощной аппаратурой.

До ареста Владимир Иванович Беликов учил детей, разрабатывал программы для компьютеров, а дома, по ночам, сочинял рассказы, повести, романы с сюжетами, причудливыми, как морозные узоры на стекле.

Жил он в районе, который киевляне называют Бессарабкой, в комнатке старой коммуналки. Слыл человеком добрым, общительным, любил гостей. Бывало, в комнатку набивалась целая ватага его учеников. Многие из них уже окончили школу, где им запомнились и полюбились уроки математики, когда Беликов раскрывал алгебраические красоты, перемежая их всякими фантастическими историями. Ребят тянуло к Беликову как магнитом. Им до смерти надоела фальшь. А от Беликова веяло непосредственностью, добротой, каким-то неизбывным мальчишеским азартом.

Часов, отведенных на уроки, от звонка до звонка, ребятам явно не хватало. Шли к нему домой. Представьте: школьный учитель, у которого можно запросто послушать джаз, свеженький альбом рок-группы, обсудить фильм, помечтать вдоволь, напиться чаю с бубликами... Потом все рассаживались как придется, больше на полу, и Владимир Иванович читал вслух свое... Слушали затаив дыхание.

Беликову не слишком повезло. Сочинять он принялся в то время, когда бумаги на хорошую прозу и стихи не хватало. Гроссмана не печатали, Набокова, Пастернака — разве всех перечислишь! Да и по сей день, похоже, не хватает бумаги для талантливых произведений. Помимо этого, Владимир Иванович, как творческий человек, оставался политически наивным, лишенным способностей к самосохранению. Свой первый роман он отдал для перепечатки в киевскую фирму бытовых услуг «Свитанок». Разослал все три экземпляра в разные толстые журналы: в «Неву», «Москву» и украинскую «Радугу». «Нева» и «Радуга» тактично промолчали. «Москва» же разразилась разгромной внутренней рецензией (ее потом тоже конфисковали) за подписью неизвестного Беликову писателя. Это было в 1979 году.

Может быть, так совпало, но после рецензии из «Москвы» Владимир Иванович заметил, что за подъездом его дома следят. И без того крайне удрученный, он занервничал, довел себя до бессонницы. Наконец, сел и написал письмо в КГБ, предложил объясниться. Пусть, мол, выскажут претензии к нему, если они, претензии эти, имеют место: он совсем не чувствовал себя преступником.

Шли дни. Молчал телефон. Никто не стучался в двери. Молодые люди в плащах исчезли. Беликов успокоился. «Мало ли кто может топтаться возле дома?» — думал он.

Позже письмо Владимира Ивановича приобщили к уголовному делу. Фигурировало оно и на суде. «Надо было не писать, а просто прийти к нам и покаяться»,— объяснили ему на следствии.

Вот только в чем?

Из всех своих юных гостей Владимир Иванович особенно выделял Сергея, студента института физкультуры. Скромный, любознательный сверх всякой меры, он увлекался не столько музыкой и общими разговорами, сколько непосредственно произведениями Беликова. Это подкупало.

К тому времени был закончен вчерне роман «Остров». Сергей попросил дать ему почитать рукопись: три объемистые папки. Последнюю папку он вернул Владимиру Ивановичу вечером 18 января 1981 года. И, наспех простившись, ушел.

В ту же ночь учитель заметил под окнами какой-то тревожный темный фургон с потушенными огнями, но значения этому не придал. Утром заторопился в школу. Возле лифта его остановили, показали ордер на обыск. «Если вы собираетесь искать мои рукописи, то они в шкафу, на нижней полке»,— предложил Беликов визитерам. В следственном изоляторе КГБ Владимира Ивановича допрашивал майор госбезопасности Зинченко, вежливый, совсем неглупый человек, непохожий на бывалых садистов из НКВД.

— Условия были хорошие,— рассказывал спустя семь лет Беликов.— Тепло, пол паркетный. Надзиратели ходили за дверьми камеры в домашних тапочках, неслышно, как коты.

Тем не менее беседовать со следователем Беликову было неинтересно. Допрос происходил примерно так.

— Что же это вы, Владимир Иванович, написали антисоветский роман? Неужели вам неинтересна окружающая нас действительность, люди труда? Что это вы норовите все и вся оклеветать?

— Это в «Острове»? Во-первых, я просто фантазировал. Вы когда-нибудь читали братьев Стругацких?.. Во-вторых, совсем не собирался клеветать на Советскую власть!

— Допустим. Ну, а ваша повесть «Сервиз»? Где это вы видели, чтобы секретарь горкома партии выменивал доллары на рубли, чтобы подарить жене посуду? Опять-таки очернили!

— Нет, не очернил.

— Нет, очернили!

И так далее.

Суд над Беликовым проходил в июльские дни 1981 года при переполненном зале. Зачитывали выдержки из романов, толковали их вне контекста. Цитировали его сказки, особенно смакуя те места, где Беликов сравнивал брежневский режим с ракетой, потерявшей управление. Оглашали вещи и сугубо личные. Беликову казалось, что у него из груди вырвали душу и пустили сквозь строй. Доказательствами суд себя не утруждал. «Признайтесь,— спрашивали его,— что вы купили пишущую машинку с целью подрыва Советской власти!» — без вопросительной интонации.

Судебная коллегия Киевского горнарсуда приговорила Беликова по ст. 64 УК УССР к 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки.

В тот день Беликову стало, наконец, понятно, почему столько молодежи предпочло душный зал судебных заседаний городскому пляжу. Это студентов, без пяти минут юристов, попросили прийти на процесс,— они готовились к преддипломной практике. После того как вынесли приговор, отдельные патриотически настроенные студенты сочли своим долгом подойти к скамье подсудимых и высказать личное мнение: «Жаль, предатель, что тебе мало дали!»

Тяжким эхом отозвался судебный процесс в 162-й средней школе, где до ареста работал Беликов. Надо было как-то объяснить отсутствие учителя детям. Говорили, что он в больнице. «В какой?— настаивали ученики.— Мы хотим его навестить». Тогда педагогам пришлось пойти на другую «ложь во

имя спасения», сказать, что Беликов уехал очень далеко и вернется не скоро... Дети все поняли, замкнулись, начали грубить на уроках. Далеко не все повели себя в этой истории так, как должна была бы подсказать совесть. Побеждал страх. И все-таки оценим с точки зрения прожитого времени поступок завуча Марии Степановны Михайличенко. Несмотря на сильное давление, она написала на Беликова правдивую, положительную характеристику.

...Попал Владимир Иванович в колонию неподалеку от города Чусового Пермской области. В одном бараке с Беликовым отбывал срок писатель Борис Черных. Познакомился с критиком и искусствоведом Михаилом Мейлахом, с украинским писателем Олесем Бердником, со священником Александром Огородниковым. А также с «классическим» инакомыслящим, кандидатом технических наук М. Д. Фурасовым.

Михаил Денисович Фурасов в семидесятые годы выбрал простой, но опасный способ борьбы с административно-командной системой. Он писал листовки, ездил по стране и раздавал их людям. На него донесли. Следователем по его делу был майор А. Ф. Береза. В колонии Фурасов тяжко заболел. Опухали ноги, но его признавали «здоровым» и заставляли работать. Затравленный, он только двум-трем людям решился рассказать о своей судьбе. Присланные матерью Беликова, Екатериной Ивановной, лечебные травы начальство колонии не разрешило выдавать больному.

Хоронили Фурасова тайно от других осужденных, на смиренном погосте, уже достаточно обширном, где вместо звезд и крестов — покосившиеся столбики с номерами. Всех уравняла в правах смерть на этом кладбище. Лежат там рядышком бывшие зеки, и политические, и уголовные, разные чины из охраны, в том числе и начальник колонии, так и не доживший до эпохи помилования...

В далекой Москве объявили о перестройке, и опытные зеки почувствовали: повеяло ветерком свободы. И более всего их удивляла периодика. Занимаясь сборкой электроутюгов, бывшие «диссиденты» обсуждали ошеломившие их статьи в «Знамени», «Дружбе народов», «Новом мире»... «Неужели авторов не посадят?» — спрашивали друг друга.

Уже минул год, как вышел на свободу москвич В. С. Волков, с которым подружился Беликов здесь, в зоне. Но только через три долгих года сможет встретиться с ним в Москве Владимир Иванович... Нескольким узникам, спешно переправленным в Пермскую тюрьму, огласят Указ о помиловании. В столице ему подарят часы «Полет» с гравировкой: «Володе в памятный день 5.02.87 г. Москва».

В киевском поезде он будет прислушиваться к тиканью этих часов и вспоминать написанные в зоне стихи:

Год... Много это или мало?
365 дней, или 365 ударов плетью
по душе, истерзанной человеческой
злобой,
или 365 выстрелов в сердце,
рвущееся к свободе?
А может быть, это только 365 дней
и ночей
вдали от любимой, от теплых снов
у камина,
от жирных щей хлебосольного дома?
Нет, год — это прозренье.
Терпенье, терпенье, терпенье.
Он — только начало жизни иной!

ПОДПОЛКОВНИК ВОЛКОВ

15 ноября 1982 года в полдень сквозь толстые стены следственного изолятора КГБ и зарешеченные окна донеслись странные звуки. Протяжно выли гудки или сирены, бухали пушечные залпы, каркали, видно, напуганные ими, вороны... «Холостыми бьют»,— определил про себя бывший артиллерист. Потом все смолкло. Тихо было и в тюремных коридорах, лишь негромко переговаривалась о чем-то охрана. Волкову не давали газет, и радио здесь слушать не принято. Приходилось только гадать.

— Кто-то важный умер? — тихо спросил он надзирателя, когда их с сокамерником выводили «на оправку».— Уж не Брежнев ли?

Тот молча кивнул.

Владимир Савельевич дожидался ответа на кассационную жалобу. Решение объявили 23 декабря: «оставить без удовлетворения». На следующий день отправили по этапу.

...И после ареста, и во время следствия, и на суде он пытался понять: в чем же все-таки провинился перед страной? Ему казалось, что все происходящее — не с ним, бывшим кадровым военным, коммунистом, а с кем-то другим. Нелепица, дурацкий сон, затянувшийся спектакль...

Волков — старый солдат. Когда началась война, родители оказались в оккупированном Смоленске, а он — в пионерлагере. Эвакуировали в Томский детдом. С 15 лет учился в военной артиллерийской спецшколе. Воевать не довелось: пришла Победа. Он окончил военную академию, стал офицером. Уволился в запас по возрасту в звании подполковника и еще продолжал трудиться ведущим инженером главного телеграфного управления Министерства связи СССР.

Так бы, наверное, и работал себе спокойно, не окажись у него несколько архаичной по теперешним временам манеры — вести хронику своей жизни. Семнадцать лет, изо дня в день, доверял он мысли свои толстой общей тетради, которую, к несчастью, назвал «Политическим дневником». Как и другие, видел и понимал: брежневское руководство ведет страну к кризису. Вот и пытался разобраться в причинах государственных неудач. Захотелось поделиться с кем-то (так уж устроена человеческая природа!), разыскал адрес старого товарища, майора запаса Фридриха Филипповича Анаденко. Начали переписываться.

Теперь уже оба, увлеченные перепиской, стремились выяснить, что же представляет собой общество, которому служили они и в котором живут, как сложилось оно и какая ждет его судьба. «Через несколько лет,— примерно так пророчески писал другу Владимир Савельевич,— во главе партии и государства непременно встанут молодые, энергичные люди, которые при помощи экономических и политических реформ постараются воссоздать в стране то общество, о котором мечтали классики марксизма».

2 апреля 1982 года у него на квартире в Чертанове устроили обыск, изъяли дневник и письма.

Волков еще не знал, что Анаденко уже арестован в Киеве.

Как указано в приговоре, «преступная деятельность Анаденко выразилась в рукописном изготовлении у себя в квартире в 22 ученических тетрадях и на 135 отдельных листах антисоветского пасквиля, состоящего из нескольких частей, содержащих клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй и дискредитирующие марксистско-ленинское учение о социалистическом государстве».

После обыска Владимир Савельевич продолжал работать больше двух месяцев, уже зная, что за ним следят, подслушивают его телефон. 14 июня ему вручили повестку в следственное отделение УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области, приглашали свидетелем по делу Ф. Ф. Анаденко. Он выехал из Москвы. Утром на перроне вокзала его арестовали.

Через пару дней встревоженная его жена, Диана Анатольевна, получила письмо за подписью начальника следственного отделения А. С. Старостина: «Сообщаем, что Ваш муж, Волков Владимир Савельевич, арестован Управлением КГБ УССР по г. Киеву и Киевской области за совершение **особо опасного государственного преступления** и содержится под стражей в следственном изоляторе КГБ УССР». (Выделено мною.— *А. Г.*)

В это время все тот же майор Александр Федорович Береза уже допрашивал Волкова, стремясь выяснить, какого характера **«подпольную организацию»** хотели они с Анаденко создать. Группа следователей отправилась по бывшим адресам армейской службы Волкова: требовались свидетели. Увы, никто из бывших сослуживцев ничего плохого о Волкове сказать не мог...

В пухлом, около 200 машинописных страниц, обвинительном заключении каждый абзац начинался примерно так: «Будучи враждебно настроен к Советской власти...» или «Продолжая злобствовать...» — а дальше выдержки из дневника, личных писем. Волкова, так сказать, заочно исключили из партии, лишили воинского звания, ходатайствовали перед Верховным Советом СССР об аннулировании государственных наград. Его приговорили к пяти годам в ИТК строгого режима и двум годам ссылки. Анаденко получил соответственно «семь плюс пять».

Владимира Савельевича еще везли по этапу в Пермь, когда его жена получила нахальное (иначе и не назовешь) письмо от председателя суда по делу Волкова и Анаденко — В. Д. Вознюка. Диане Анатольевне предписывалось до 20 февраля доставить награды мужа из Москвы в Киев за свой счет в горсуд, «кабинет 46, второй этаж». Речь шла об ордене Красной Звезды и десяти медалях. Ошибка вышла. Судья не знал, что об этом позаботилось следствие: награды Волкова были к тому времени уже изъяты при повторном обыске и доставлены в Киев.

Диана Анатольевна настойчиво боролась за помилование мужа.

В конце ноября наказание Владимиру Савельевичу снизили до 2 лет и 6 месяцев лишения свободы без ссылки.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СВОБОДЕ

Год назад, примерно в те же дни, когда Беликов вернулся в родной Киев, возвратился в Москву и Александр Александрович Болонкин.

Собственно говоря, минуло уже три года, как ссылка его официально закончилась, но Моссовет упорно отказывал ему в прописке. Фактически наказание продолжалось вопреки закону, логике и здравому смыслу. ВАК так и не решился утвердить его докторскую диссертацию. На работу по специальности не брали, а в Бурятии он не мог оставаться по состоянию здоровья. Более сотни писем в различные научные учреждения страны не дали результата.

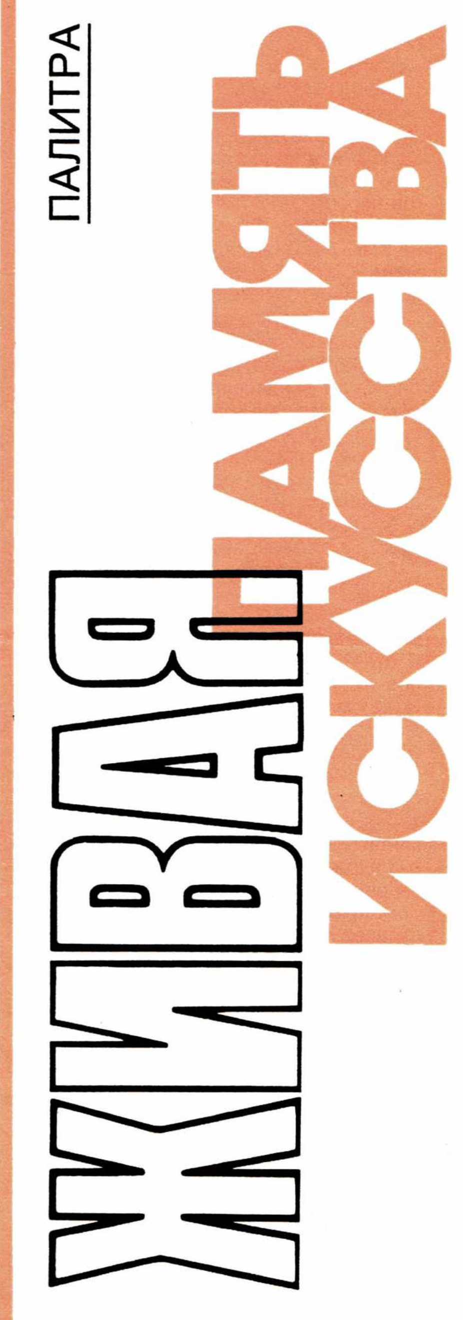
Наконец, его прописали в Москве, дали комнатку в коммуналке. Именно здесь, в столице, он ожил: а вдруг все еще образуется и он сможет вернуться к любимой работе? Но его вновь и вновь отправляли по нескончаемым коридорам, из кабинета в кабинет...

Разочарованный, лишенный какой бы то ни было поддержки и оставшийся без средств к существованию, почти утративший веру, что еще есть на свете справедливость, Болонкин решил покинуть страну.

Александру Александровичу это казалось единственным выходом из положения, в котором он очутился после «помилования». Вопреки Конституции государство словно бы отказывалось брать на себя ответственность за дальнейшую его судьбу. Во всяком случае, люди, которые осуществляли власть от имени государства. О нем будто бы забыли, хотя разрешение на выезд он получил, так сказать, «в революционно кратчайшие сроки».

Разрешение было в кармане, а он все-таки еще выжидал, колебался, писал письма: вдруг его услышат, поймут, поверят? Ведь ничего сверхъестествен-

Окончание на стр. 9.

Московского художника Владимира Смирнова одни называют примитивистом, другие отмечают фантастико-романтическую окраску его творчества, третьи толкуют о неповторимости создаваемых им на полотнах историко-архитектурных реконструкций. Основная тема Смирнова — Москва.

Фантастические «монументальные миниатюры» Смирнова имеются в многочисленных частных собраниях в нашей стране и за рубежом. Однажды художник неожиданно для себя узнал, что три его работы экспонируются в Белом доме...

В конце 1970-х годов Смирнова впервые пригласили участвовать в крупнейшей всесоюзной выставке самодеятельного творчества «Слава труду», затем организовали несколько его персональных выставок. Художник и не предполагал, что вскоре даже скептически настроенные к чужому творчеству коллеги начнут говорить о нем как о самородке и «феномене»: «потрясающая зрительная память», «невероятная трудоспособность», «дар спонтанного изображения сложнейшей архитектуры»...

Он так и не смог избавиться от застенчивой улыбки провинциала, в 20 лет попавшего в Москву и не сумевшего до конца привыкнуть к своему успеху у столичных ценителей искусства. Ведь начало его творческой жизни было далеко не радужное.

Судьба вела Смирнова своими прихотливыми путями. Он безостановочно

В. Б. СМИРНОВ. Род. 1953. МОСКОВСКИЙ ДВОРИК. 1986.

рисовал, он придумал и освоил самые невероятные графические «техники» на основе простейших школьных чернил, карандашей, цветной туши. В итоге, конечно же, не был принят в Краснодарское художественное училище. Его неукротимая фантазия еще долго опережала мастерство изображения, а бездонная «фотографическая» память — осмысление целого.

Смирнова призвали в армию в Подмосковье, за неделю до возвращения домой он решился показать свои армейские рисунки в одном из столичных издательств. Это были многочисленные архитектурные фантазии на темы европейской готики и культур древнего мира. И тут его впервые заметили! Часть рисунков была принята для публикации. Он остался в Москве, поступил рабочим на завод, жил в общежитии. И рисовал. Это было в 1973 году.

Начинающий художник быстро набирал силу и зрелость. По виртуозной точности сложнейшего рисунка, выписанного маслом и темперой, до предела насыщенные композиции постепенно стали напоминать произведения палехских мастеров. Но все чаще начинал в них звучать и подлинный голос автора, проявляться неповторимый, особый мир. Его творчество развивалось на стыке истории и географии. Смирнов брался за изображение самых невероятных сюжетов и тем, создавая один за другим циклы «Атлантида», «Потоп», «Семь чудес света», а сверх того — «Пирамиды Мексики», «Средневековые города», «Япония», «Индия»...

Несколько раз облетев земной шар, фантазия художника нашла наконец свое истинное пристанище: «Легенды и мифы зарубежного мира у меня перешли в чисто русские, захватила русская фантастика... Прошлое Москвы, Петербурга, Костромы, Суздаля». Увы, не на улицах города, а в музеях и альбомах нередко вынужден был Смирнов отыскивать следы былой красоты и величия Москвы. Он подолгу разглядывал различные «панорамы» и «виды», созданные граверами-иностранцами петровских времен, внимательно изучал зарисованные с колоколен и башен в конце XVIII века городские «перспективы». Так появились картины «Коломенское», «Хамовники», «Сухарева башня», «Симонов монастырь» и множество других.

В 1982 году на групповой выставке «Отечество» он с большим успехом показал серию работ «Старая Москва». Тогда же стал одним из активных членов Общества охраны памятников истории и культуры, увлекся отдаленными эпохами отечественной истории, познакомился с учеными и знатоками русской старины. Тематика его творчества углубилась, серьезнее стал подход к «исторической фантастике». К числу лучших можно отнести возникшие с тех пор произведения, посвященные Старо-Симонову монастырю и другим памятникам Москвы XIV века, панорамы и отдельные виды русских городов и монастырей XVI — XVII веков.

Постепенно творчество Смирнова приобрело известность за пределами страны. Разошлись по миру его картины из серий «По Золотому кольцу России», «Огненная Москва», «Праздники России», «Град Китеж» и многие другие. В одних художник свободно использует традиции народных лубочных картинок, в других создает романтические образы «древнерусской Атлантиды», затонувшей в глубинах времен...

Валерий КИСЕЛЕВ

В. Б. СМИРНОВ. ПРАЗДНИК. XIX ВЕК. 1983.

МОСКВА, 1382 ГОД. ЗАЩИТА МОНАСТЫРЯ ОТ ВОЙСК ТОХТАМЫША. 1986.

Начало на стр. 6.

ного он не требовал для себя! Лишь квартиры — такой же, какой лишили его после ареста. Лишь работы, но не дворником или оператором мусоропровода, а той, где бы он смог приносить максимальную пользу, предлагать новые идеи, реализовать опыт.

Болонкин предпринял еще один шаг: подал прошение в Президиум Верховного Совета СССР о продлении срока отъезда хотя бы на год. Дали отсрочку на шесть месяцев. Написал отчаянное письмо в «Огонек»: «Я хочу трудиться для своей страны, для своего народа, особенно в настоящий период перестройки, когда начали претворяться в жизнь идеи демократизации и гласности. Хочу надеяться, что вы поддержите людей, которые имели мужество поднять эти вопросы во времена Брежнева и которые за это так жестоко пострадали!»

Специалистов такого класса, как Болонкин, у нас не тысячи и даже не сотни. Возможно, единицы. А кому он был нужен, этот Болонкин? Кого заинтересовало, что его прежние открытия сэкономили стране миллионы рублей? Неужели не могли пригодиться его последние изобретения, продуманные в колонии и оформленные в бурятской ссылке... Сколько бы он мог еще сделать!

Сетуя на «утечку мозгов», мы стоически продолжаем обеднять свое Отечество, разбазаривая таланты с такой щедростью, словно у нас существуют их тайные залежи: только копни — и вот он, засверкал!.. Так ли уж нам необходимо, пеняя на анкетные данные человека (национальность, судимости, семейное положение и т.д.), столь расточительно обкрадывать собственное государство? Вопрос — отнюдь не к кадровикам научных учреждений, а к тем реальным силам, которые, устрашаясь «деидеологизации», все еще готовы по первому сигналу пуститься вновь в погоню за «ведьмами». Не уместно ли вспомнить, с каким внимательным терпением относился к людям Ленин, даже когда они переходили в открытую оппозицию?

Разве мыслить по-новому — это не сознавать, что сегодня гораздо опаснее не такие, как Беликов, Волков, Болонкин, а те, кто, приспосабливаясь к переменам, пользуясь нашим доверием, неизбывной нашей беспечностью, ставшей едва ли не национальной чертой, игнорируя народное мнение, принимает решения за нашей спиной?

Владимиру Ивановичу Беликову дали квартиру. Но еще долго после колонии он не мог получить работу по специальности. О том, чтобы ему вернуться учителем в школу, никто не желал и слышать: «Смеетесь! Чему же бывший зек может научить детей!» Да и в других учреждениях шарахались от него, как от прокаженного, отказывали занять вакансию программиста. Через десять месяцев сплошных мытарств его приняли, наконец, в вычислительный центр Министерства социального обеспечения Украины.

А вот рукописи, незаконно конфискованные в те дни, когда Беликов уже находился на свободе, вернуть не пожелали. Он жаловался до тех пор, пока в декабре 1987 года не получил коротенькое письмо из мест недавнего своего заключения.

Из ответа заместителя начальника колонии А. В. Соловьева:

«Ваше заявление, адресованное Генеральному прокурору СССР и поступившее в наш адрес из ГУИТУ МВД СССР, рассмотрено с выездом в учреждение... Изъятые для проверки записи конфискованы и уничтожены актом от 30 марта 1987 г.».

Рукописи не горят? Еще как горят, когда солдаты бросают их лист за листом в печку! Горят бессонные ночи, слова, написанные сердцем. Корчатся в огне строфы стихов. Живая человеческая мысль, обесцененная во времена, когда весь советский народ должен был думать единообразно, не подвергая и тени сомнения догмы, выжигается огнем! Оглянуться назад — цепочка пылающих костров тянется в наше непростое время из кровавых тридцатых.

Кто сегодня подсчитает, сколько вдохновенных романов, прекрасных поэм «уничтожено актом»? Горели рукописи в НКВД на Лубянке и в Бутырках. Безжалостно швыряли в огонь тысячи страниц, написанных историками, философами, экономистами — жертвами «ленинградского дела» в сороковых. А сколько по всей стране!.. Но ведь не могло же все сгореть, что-то же осталось! Мне, например, не удалось получить вразумительного ответа на вопрос: какова же судьба писем жен политзаключенных, писем, которыми еще после войны были завалены подвалы Прокуратуры СССР? Или: когда же наконец будут переданы народу рукописи незаконно репрессированных, подшитые к их «делам», которые и поныне пылятся бог весть в каких секретных сейфах?..

Великий Вернадский считал (а вслед за ним некоторые западные ученые), что энергия мысли не исчезает после смерти людей. Не будем спорить, возможно, они и правы. Но нам-то не легче, что энергия разума витает над нашей головой. Мы-то пока еще не научились расшифровывать ее, принимать эти неведомые сигналы. Однако за нами вполне законное право: то, что принадлежит нации, должно быть ей возвращено! За нами право предать гласности вполне материальные страницы, воплотившие муки и чаяния наших соотечественников!

...Странные бывают совпадения. Болонкин и Анаденко отбывали в разное время сроки заключения в тех же мордовских краях, в районе поселков Потьма и Явас, куда Сталин в 1938 году загнал героиню другого моего очерка, В. Ф. Пикину, секретаря ЦК ВЛКСМ («Не отрекаясь от себя», «Огонек» № 7 за 1988 г.). Беликов и Волков — тоже в «модернизированной» зоне, некогда принадлежащей ГУЛАГу. Совпадения ли? Зловещая аббревиатура заменена на ГУИТУ, а зоны были все те же. Во всяком случае, известно, что до 1984 года существовала сеть ИТК строгого режима; вполне исправно действовало то, о чем предпочиталось умалчивать перед остальным цивилизованным миром,— система исправительно-трудовых колоний для политзаключенных, в том числе и инакомыслящих!

Какое же уродство эти зоны! Мне довелось в шестидесятых годах, после призыва в армию, служить в одном сибирском городе, который сразу после войны выстроили политические заключенные. Неподалеку от нашей воинской части, в болотистой низине, за двойной колючей проволокой стояли полуразрушенные бараки большого лагеря. По ночам туда сбегались и выли одичавшие овчарки, седые, с гнилыми зубами, натасканные некогда на людей. Хорошо бы сохранить такого рода руины — вечное напоминание нашим детям и внукам о том, во что порой превращаются «благие намерения». Вечное предостережение любителям тоталитарной власти.

Зоны уродливы не только потому, что узники, получившие свободу,— это, как правило, люди с навсегда исковерканной судьбой и травмированной психикой. Не позавидуешь и тем, кто по долгу службы годами работает там и живет возле ИТК. Болонкин рассказывал, что в мордовской колонии люди трудятся семьями, целыми династиями. Служба делает охранников озлобленными. Беспредельная власть над осужденными морально развращает их. А у детей, живущих рядом, в поселке, помимо пряток и чижика, есть такая игра: двое мальчишек с деревянными винтовками ведут третьего «под конвоем»...

Сегодня мы можем сказать «спасибо» сотрудникам Комитета госбезопасности: вместе с работниками прокуратуры они активно занимаются реабилитацией незаконно репрессированных в сталинские времена. Работа эта кропотлива и трудна. Однако, думается, наше общество сказало бы им еще большее спасибо, займись они и теми, кто пострадал во времена Хрущева, Брежнева... Пострадал лишь за то, что не пожелал верить наглому вранью, лицемерию и пустым обещаниям. Отказывался понимать, почему единственный сын обязан сложить голову в Афганистане. Открыто смеялся, когда власть имущие вешали на пиджаки друг другу «юбилейные» звезды и ордена. Мужественно писал в самиздатовские журналы, высказываясь за ту самую альтернативу, за ту судьбу для страны, которая стала складываться после Апреля.

Четыре года назад вышел на свободу Владимир Савельевич Волков. Однако путь в Москву ему был заказан. После длительной переписки очутился Волков в г. Гагарине, с большими трудами и, кстати говоря, не без помощи УКГБ по Смоленской области устроился на завод трубных заготовок. И до отмены судимости работал инженером в отделе главного энергетика. Почти два года ездили они с женой по выходным друг к другу «в гости». Все эти годы Волков настойчиво добивался отмены судебных решений по своему делу, стучался в разные заповедные двери — не слышали.

«Уважаемые товарищи! — взывал он о помощи.— Обращаюсь к вам со своей болью. Меня, офицера запаса, прослужившего в Советской Армии около 32 лет, члена КПСС с 1953 года, осудили по ст. 70 УК РСФСР только за то, что я пытался понять, что представляет собой «развитой социализм», за мысли, оценки, сомнения, предложения, изложенные в моем дневнике и личных письмах... Если сравнить их с теми материалами, которые публикуют нынче в печати, то от тяжкого обвинения в мой адрес не останется и следа».

И вдруг, когда уже отчаялся добиться правды, 18 октября прошлого года пришла справка № 02Д-114-88. Мы с Волковым встретились на следующий день и вместе перечитывали драгоценные строки: **«Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 27 сентября 1988 года приговор Киевского городского суда и все последующие решения в отношении Волкова Владимира Савельевича, 1927 года рождения, отменены и дело о нем прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Волков В. С. по настоящему делу реабилитирован».** Одновременно реабилитировали и Фридриха Филипповича.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР № 187-88 от 27 сентября 1988 года говорится: **«Большинство показаний Волкова и Анаденко не только не опровергнуты, но и нашли подтверждение в материалах дела». Как видно из этих материалов, «Анаденко и Волковым была подготовлена статья в редакцию газеты «Правда», в которой они просили ответить на вопрос о происхождении культа Сталина, обращали внимание на «медлительность возвращения к ленинским принципам»...** И еще: **«Никто из указанных свидетелей не подтвердил, что Анаденко и Волков вели агитацию и пропаганду, направленную на подрыв или ослабление Советской власти. Как видно из материалов дела, рукописные документы Анаденко и Волкова содержат резкую критику политики Сталина, Брежнева и других лиц, некоторые утверждения носят дискуссионный характер, однако они не содержат состава преступления...»**

Тон и суть постановления доказывают: следствие, а затем Киевский городской суд совершили грубую ошибку. Возникает вопрос: кто же предъявит счет за эти «ошибки» поныне здравствующим следователю Березе, прокурору Абраменко, судье Вознюку? Ведь это с их «легкой руки» сломаны судьбы ни в чем не повинных людей! Это благодаря им конкретно, а не брежневскому режиму вообще В. С. Волков и Ф. Ф. Анаденко были брошены за решетку по сфабрикованному обвинению! Это прежде всего они определили меру наказания, сделали все для того, чтоб услать осужденных именно в ИТК строгого режима, куда даже обычные уголовники попадают в виде исключения, как рецидивисты!

Наша с Волковым радость по поводу реабилитации понемногу обрела оттенок горечи. Не дожил до этих дней Михаил Денисович Фурасов. Многие не дожили. А как же теперь быть с другими, теми, кто жив? Как сложится судьба В. И. Беликова?.. И об Александре Александровиче Болонкине вспоминал я с тяжелым сердцем...

Последний раз разговаривали с ним минувшим летом. Оставалось всего пара недель до дня, когда он должен был пересечь государственную границу. Вид у Болонкина был потерянный и озадаченный: на шестом десятке с его здоровьем даже при благополучном стечении обстоятельств не так уж просто начинать жизнь с нуля в чужой стране, не зная языка, законов, традиций... И возможно ли это вообще — на чужбине отыскать «эквиваленты» Родины? Было заметно, что Александр Александрович все еще колебался. А я уже ничем не мог ему помочь. Что требовалось для того, чтобы Болонкин остался? Всего лишь смелое, принципиальное решение — реабилитировать человека, предоставить ему квартиру, вернуть звание доктора наук, предложить творческую работу на благо перестройки. То есть отнестись с должным вниманием.

Мне рассказывали: перед вылетом он пытался шутить с друзьями. Спотыкался о чьи-то чемоданы, как-то вымученно, виновато улыбался... Вот-вот должны были объявить посадку, но что-то еще решалось в недрах «Шереметьева-2». Время затягивалось, как петля на шее, занудно длилось. Может быть, в эти мгновения он снова перелистывал свою жизнь, думая о том, что отъезд лучше смерти. Сколько зим мели метели вдоль бараков, огибая столбы с колючей проволокой, вышки с прожекторами и часовыми, пока не выпал снег его свободы. А потом преодолел он последний, не самый легкий срок — время на размышление, и оно ускользнуло, как песок сквозь пальцы...

Очерк уже был сдан в набор, когда из-за океана неожиданно пришло письмо от Александра Александровича Болонкина. «26 сентября 1988 г. мы прибыли (с женой.— *А. Г.*) в Нью-Йорк,— писал он московскому другу.— Живем пока в гостинице... 2—3 месяца будем ходить на курсы языка и жить на скромное пособие и заем. А потом надо искать работу. Объявлений в газетах тысячи, но без языка устроиться трудно...» Далее А. А. Болонкин пишет: «...меня вынудили уехать, отказав в реабилитации, работе, жилье, утверждении докторской и установив жесткий срок выезда».

Не стоит себя обманывать: помилование политических заключенных — благородный, но лишь первый шаг, который оставляет надежду на второй, более решительный — к полной и безусловной реабилитации всех невинных жертв брежневщины. Ведь уже создан прецедент! Хотя шаг этот труден, сделать его необходимо. Для восстановления справедливости. Для укрепления гласности и правового сознания. Для того, чтобы навсегда в державе нашей стали нормой гуманизм и общечеловеческая мораль.

В 20-е и 30-е годы И. Бабель почитался одним из самых замечательных русских писателей своего времени. О прозе Бабеля были написаны десятки статей. В 1928 году в серии «Мастера современной литературы» вышла даже книга «Материалы и исследования», специально посвященная творчеству Бабеля.

В годы гражданской войны Бабель был бойцом 1-й Конной армии, и ранние его рассказы («Соль», «Письмо», «Смерть Долгушова») были о ней. При своем появлении в печати они вызвали грубую отповедь С. М. Буденного, который требовал защитить от безответственной клеветы «тех, кого дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классовой ненависти».

За Бабеля вступился М. Горький.

Возражая Буденному, он очень высоко оценил бабелевскую «Конармию» и даже обронил, что, на его взгляд, Бабель украсил героев этой своей книги «лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев».

В 1939 году Бабель был арестован и вскоре погиб в сталинских застенках. Имя его на долгие годы стало неупоминаемым. Выросло целое поколение читателей, даже не слыхавших об этом большом художнике.

Вскоре после XX съезда (в 1957 году) в издательстве «Художественная литература» вышла книга И. Бабеля «Избранное». О Бабеле вновь заговорили. Была издана даже небольшая книжечка воспоминаний о нем. Характерно, что не только литературные сверстники Бабеля, но и некоторые старшие его современники (Эренбург, Паустовский), не сговариваясь, называли его своим учителем.

Однако официальная литературная реабилитация Бабеля проходила туго. Время от времени появлялись статьи, выдержанные в духе давних нападок С. М. Буденного. Еще совсем недавно (лет пять тому назад) в нашей печати можно было прочесть о «наших идеологических противниках», пытающихся

Исаак БАБЕЛЬ

Их было девять

Девяти пленных нет в живых. Я знаю это сердцем. Когда Голов, взводный командир из сормовских рабочих, убил длинного поляка, я сказал начальнику штаба: пример взводного развращает бойцов. Надо составить сопроводительную записку на пленных и отправить их в штаб для опроса.

Начальник штаба разрешил. Я вынул из сумки карандаш и бумагу и вызвал Голова.

— Ты через очки смотришь на свет,— сказал он, глядя на меня с ненавистью.

— Через очки,— ответил я,— а ты как смотришь на свет, Голов?

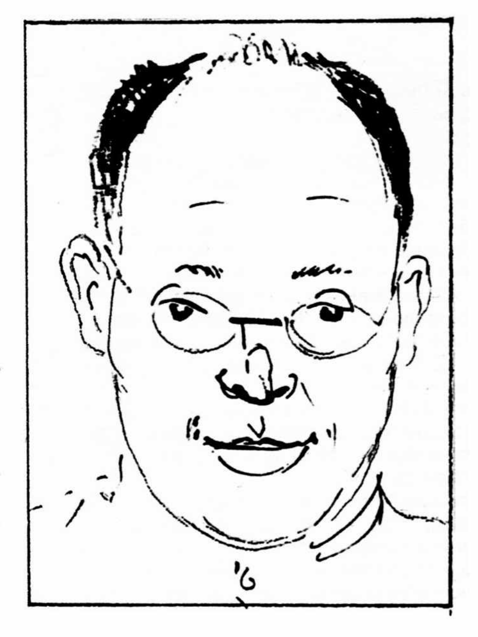
— Я смотрю через несчастную нашу рабочую жизнь,— сказал он и отошел к пленному, держа в руках польский мундир с болтающимися рукавами. Мундир не пришелся по мерке. Рукава едва достигали локтей. Тогда Голов прощупал пальцами егеревские кальсоны пленного.

— Ты офицер,— сказал Голов, закрываясь рукой от солнца.

— Нет,— услышали мы твердый ответ.

— Наш брат таких не носит,— пробормотал Голов и замолчал. Он молчал, вздрагивал, смотрел на пленного, глаза его белели и расширялись.

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

«противопоставлять литературе и искусству социалистического реализма свои антинаучные взгляды и концепции».

В чем же они состояли, эти «антинаучные взгляды»?

А в том, что «всячески отодвигая в тень творческое наследие таких мастеров, как Горький и Алексей Толстой, Маяковский и Есенин, Фурманов и Фадеев, Твардовский и Исаковский, нам пытаются навязать сегодня новую историко-революционную версию, где на первом плане стоят совсем иные писатели... Скажем, Мандельштам и Пастернак, Ахматова и Цветаева, Булгаков и Бабель».

Такая паника, быть может, была бы еще более или менее объяснима, если бы издатели наши отдавали предпочтение Булгакову и Бабелю, оттесняя «на второй план» Горького, Маяковского, Есенина, Твардовского. Но для таких опасений не было ни малейших оснований. Достаточно сказать, что после реабилитации Бабеля у нас вышли в свет лишь три сравнительно небольшие его книги: «Избранное» 1957 года в слегка дополненном виде было переиздано в 1966 году в издательстве «Художественная литература» и в том же году в Кемеровском книжном издательстве. Таким образом, книги Бабеля не издавались у нас уже более двух десятков лет.

Между тем в 1973 году в ГДР вышло двухтомное собрание сочинений И. Бабеля. В 1979-м в США — на русском языке — однотомник «Забытый Бабель». (Этот сборник малоизвестных произведений И. Бабеля составил и подготовил к печати американский профессор Николас Строуд.) Были и другие зарубежные издания: все не перечислишь.

Мы предлагаем несколько рассказов И. Бабеля. Рассказ «Соль» более полувека печатался у нас с сокращениями. Мы восстанавливаем полный его текст в том виде, в каком он был опубликован в журнале «Леф» (1923 г., № 4). Рассказ «Линия и цвет» тоже печатался с небольшими, но очень значимыми сокращениями. Остальные рассказы в нашей стране публикуются впервые.

— Матка вязала,— сказал пленный с твердостью. Я обернулся и взглянул на него. Это был юноша с тонкой талией. На желтых щеках его вились баки.

— Матка вязала,— повторил он и опустил глаза.

— Фабричная у тебя матка,— подхватил Андрюшка Бурак, румяный казачок с шелковыми волосами, тот самый, который стаскивал штаны с умирающего поляка. Штаны эти были переброшены через его седло. Смеясь, Андрюшка подъехал к Голову, осторожно снял у него с рук мундир, кинул к себе на седло поверх штанов и, легонько взмахнув плетью, отъехал от нас. Солнце вылилось в это мгновенье из-за туч. Оно ослепительно окружило Андрюшкину лошадь, веселый ее бег, беспечные качания ее куцего хвоста. Голов с недоумением посмотрел вслед удалявшемуся казаку. Он обернулся и увидел меня, составлявшего пленным список. Потом он увидел юношу с вьющимися баками. Тот поднял на него спокойные глаза снисходительной юности и улыбнулся его растерянности. Тогда Голов сложил руки трубкой и крикнул: «Республика наша живая еще, Андрей. Рано дележку делать. Скидай барахло».

Андрей и ухом не повел. Он ехал рысью, и лошаденка его бойко выкидывала из-под себя хвост, точно отмахивалась от нас.

— Измена,— произнес тогда Голов, произнося это слово по буквам, и стал жалок, и цепенел. Он опустился на колено, взял прицел, и выстрелил, и промахнулся. Андрей немедля повернул коня и поскакал к взводному. Румяное цветущее лицо его было сердито.

— Слышь, земляк,— закричал он звонко и вдруг обрадовался звуку своего сильного голоса,— как бы я не стукнул тебя, взводный, к такой-то свет матери. Тебе десяток шляхты прибрать — ты вон каку суету поднял. По сотне прибирали, тебя в подмогу не звали... Рабочий ты если — так сполняй свое дело...

И, победоносно поглядев на нас, Андрюшка отъехал галопом. Взводный не поднял на него глаз. Он взялся рукой за лоб. Кровь лилась с него, как дождь со скирды. Он лег на живот, пополз к ручью и надолго всунул в пересыхающую воду разбитую свою окровавленную голову...

Девяти пленных нет в живых. Я знаю это сердцем. Сидя на коне, я составил им список, аккуратно разграфленный. В одной первой графе были номера по порядку, в другой — имя и фамилия и в третьей — наименование части. Всего вышло девять номеров. И четвертым из них был Адольф Шульмейстер, лодзинский приказчик, еврей. Он притирался все время к моему коню и гладил мой сапог трепещущими нежными пальцами. Нога его была перебита прикладом. От нее тянулся тонкий след, как от раненой охромевшей собаки, и на щербатой, оранжевой лысине Шульмейстера закипал сияющий на солнце пот.

— Вы юде, пане,— шептал он, судорожно лаская мое стремя.

— Вы...— визжал он, брызгая слюной и корчась от радости.

— Стать в ряды, Шульмейстер,— крикнул я еврею и вдруг, охваченный смертоносной слабостью, я стал ползти с седла и сказал, задыхаясь: — Почем вы знаете?

— Еврейский сладкий взгляд,— взвизгнул он, прыгая на одной ноге и волоча за собой собачий тонкий след,— сладкий взгляд Ваш, пане.— Я едва оторвался от предсмертной его суетливости. Я опомнился медленно, как после контузии. Начальник штаба приказал мне распорядиться пулеметами и уехал к частям. Пулеметы втаскивали на пригорок, как телят на веревках. Они двигались рядком, как дружное стадо, и успокоительно лязгали. Солнце заиграло на их пыльных дулах. И я увидел радугу на железе. Поляк, юноша с вьющимися баками, смотрел на них с деревенским любопытством. Он подался всем корпусом вперед и открыл мне Голова, выползавшего из канавы, внимательного и бледного, с разбитой головой и винтовкой на отвес. Я протянул к Голову руки и крикнул, но звук задохся и разбух в моей гортани. Голов поспешно выстрелил пленному в затылок и вскочил на ноги. Удивленный поляк повернулся к нему, сделав полный круг, как на ученьи. Медленным движеньем отдающейся женщины поднял он обе руки к затылку, рухнул на землю и умер мгновенно.

Улыбка облегчения и покоя заиграла тогда на лице Голова. К нему легко вернулся румянец.

— Нашему брату матка таких исподников не вяжет,— сказал он мне лукаво.— Вымарай одного, давай записку на восемь штук...

Я отдал ему записку и произнес с отчаянием: — Ты за все ответишь, Голов.

— Я отвечу,— закричал он с невыразимым торжеством,— не тебе, очкастому, а своему брату, сормовскому. Свой брат разберет...

Девяти пленных нет в живых. Я знаю это сердцем. Сегодня утром я решил отслужить панихиду по убитым. В Конармии некому это сделать, кроме меня. Отряд наш сделал привал в разрушенном фольварке. Я взял дневник и пошел в цветник, еще уцелевший. Там росли гиацинты и голубые розы.

Я стал записывать о взводном и девяти покойниках, но шум, знакомый шум прервал меня тотчас. Черкашин, штабной холуй, шел в поход против ульев. Митя, румяный орловец, следовал за ним с чадящим факелом в руках. Головы их были замотаны шинелями. Щелки их глаз горели. Мириады пчел отбивали победителей и умирали у ульев. И я отложил перо. Я ужаснулся множеству панихид, предстоявших мне.

1923

Старательная женщина

Три махновца — Гнилошкуров и еще двое — условились с женщиной об любовных услугах. За два фунта сахара она согласилась принять троих, но на третьем не выдержала и закружилась по комнате. Женщина выбежала во двор и повстречалась во дворе с Махно. Он перетянул ее арапником и рассек верхнюю губу, досталось и Гнилошкурову.

Это случилось утром в девятом часу, потом прошел день в хлопотах, и вот ночь, и идет дождь, мелкий дождь, шепчущий, неодолимый. Он шуршит за стеной, передо мной в окне висит единственная звезда. Каменка потонула во мгле; живое гетто налито живой тьмой, и в нем идет неутомимая возня махновцев. Чей-то конь ржет тонко, как тоскующая женщина, за околицей скрипят бессонные тачанки, и канонада, затихая, укладывается спать на черной, на мокрой земле.

И только на далекой улице пылает окно атамана. Ликующим прожектором взрезывает оно нищету осенней ночи и трепещет, залитое дождем. Там, в штабе батько, играет духовой оркестр в честь Антонины Васильевны, сестры милосердия, ночующей у Махно в первый раз. Меланхолические густые трубы гудят все сильнее, и партизаны, сбившись под моим окном, слушают громовой напев старинных маршей. Их трое сидят под моим окном — Гнилошкуров с товарищами, потом Кикин подкатывается к ним, бесноватый казачонок. Он мечет ноги в воздух, становится на руки, поет и верещит и затихает с трудом, как после припадка.

— Овсяница,— шепчет вдруг Гнилошкуров,— Овсяница,— говорит он с тоской,— отчего этому быть возможно, когда она после меня двоих свезла и вполне благополучно... И тем более подпоясуюсь я, она мне такое закидает, пожилой, говорит, мерси за компанию, вы мне приятный... Анелей, говорит, звать меня, такое у меня имя Анеля... И вот, Овсяница, я так раскладаю, что она с утра гадкой зелени наелась, она наелась, и тут Петька наскочил на наше горе...

— Тут Петька наскочил,— сказал пятнадцатилетний Кикин, усаживаясь, и закурил папиросу.— Мужчина, она Петьке говорит, будьте настолько любезны, у меня последняя сила уходит, и как вскочит, завинтилась винтом, а ребята руки расставили, не выпущают ее из дверей, а она сыпит и сыпит...— Кикин встал, засиял глазами и захохотал.— Бежит она, а в дверях батько... Стоп, говорит, вы, без сомнения, венерическая, на этом же месте вас порубаю, и как вытянет ее, и она, видать, хотит ему свое сказать.

— И то сказать,— вступает тут, перебивая Кикина, задумчивый и нежный голос Петьки Орлова,— и то сказать, что есть жады между людьми, есть безжалостные жады... Я сказывал ей — нас трое, Анеля, возьми себе подругу, поделись сахаром, она тебе подсобит... Нет, говорит, я на себя надеюсь, что выдержу, мне троих детей прокормить, неужели я девица какая-нибудь...

— Старательная женщина,— уверил Петьку Гнилошкуров, все еще сидевший под моим окном,— старательная до последнего...

И он умолк. Я услышал снова шум воды. Дождь попрежнему лепечет и поет и стенает по крышам. Ветер подхватывает его и гнет набок. Торжественное гудение труб замолкает на дворе Махно. Свет в его комнате уменьшился наполовину. Тогда встал с лавочки Гнилошкуров и преломил своим телом мутное мерцание луны. Он зевнул, заворотил рубаху, почесал живот, необыкновенно белый, и пошел в сарай спать. Нежный голос Петьки Орлова пополз за ним по следам.

— Был в Гуляй-Поле пришлый мужик Иван Голубь,— сказал Петька,— был тихий мужик, не пьющий, веселый в работе, много на себя ставил и подорвался насмерть... Жалели его люди в Гуляй-Поле и всем селом за гробом пошли, чужой был, а пошли.

И, подойдя к самой двери сарая, Петька забормотал об умершем Иване, он бормотал все тише, душевнее.

— Есть безжалостные между людей,— ответил ему Гнилошкуров, засыпая,— есть, это верное слово...

Гнилошкуров заснул, с ним еще двое, и только я остался у окна. Глаза мои испытывают безгласную тьму, зверь воспоминаний скребет меня, и сон нейдет.

...Она сидела с утра на главной улице и продавала ягоды. Махновцы платили ей отмененными бумажками. У нее было пухлое, легкое тело блондинки. Гнилошкуров, выставив живот, грелся на лавочке. Он дремал, ждал, и женщина, спеша расторговаться, устремляла на него синие глаза и покрывалась медленным, нежным румянцем.

— Анеля,— шепчу я ее имя,— Анеля...

1923

Соль

Дорогой товарищ редактор. Хочу описать вам за несознательных женщин, которые нам вредные. Надеюся на вас, что вы, объезжая гражданские фронты, которые брали под заметку, не миновали закоренелую станцию Фастов, находящуюся за тридевять земель, в некотором государстве, на неведомом пространстве, я там, конешно, был, самогон-пиво пил, усы обмочило, в рот не заскочило. Про эту вышеизложенную станцию есть много кой-чего писать, но, как говорится в нашем простом быту, господнего дерьма не перетаскать. Поэтому опишу вам только за то, что мои глаза собственноручно видели.

Была тихая славная ночка семь ден тому назад, когда наш заслуженный поезд Конармии остановился там груженный бойцами. Все мы горели способствовать общему делу и имели направление на Бердичев. Но только замечаем, что поезд наш никак не отваливает, Гаврилка наш не крутит, и бойцы стали сомневаться, переговариваясь между собой — в чем тут остановка? И действительно, остановка для общего дела вышла громадная по случаю того, что мешочники, эти злые враги, среди которых находилась также несметная сила женского полу, нахальным образом поступали с железнодорожной властью. Безбоязненно ухватились они за поручни, эти злые враги, на рысях пробегали по железным крышам, коловоротили, мутили, и в каждых руках фигурировала небезызвестная соль, доходя до пяти пудов в мешке. Но недолго длилось торжество капитала мешочников. Инициатива бойцов, повылазивших из вагона, дала возможность поруганной власти железнодорожников вздохнуть грудью. Один только женский пол со своими торбами остался в окрестностях. Имея сожаление, бойцы которых женщин посадили по теплушкам, а которых не посадили. Также и в нашем вагоне второго взвода оказались налицо две девицы, а пробивши первый звонок, подходит к нам представительная женщина с дитем, говоря:

— Пустите меня, любезные казачки, всю войну я страдаю по вокзалам с грудным дитем на руках и теперь хочу иметь свидание с мужем, но по причине железной дороги ехать никак невозможно, неужели я у вас, казачки, не заслужила?

— Между прочим, женщина,— говорю я ей,— какое будет согласие у взвода, такая получится ваша судьба.— И обратившись к взводу, я им доказываю, что представительная женщина просится ехать к мужу на место назначения и дите действительно при ней находится и какое будет ваше согласие — пускать ее или нет?

— Пускай ее,— кричат ребята,— опосля нас она и мужа не захочет.

— Нет,— говорю я ребятам довольно вежливо,— кланяюсь вам, взвод, но только удивляет меня слышать от вас такую жеребятину, вспомните, взвод, вашу жизнь и как вы сами были детями при ваших матерях и получается вроде того, что не годится так говорить.

И казаки, проговоривши между собой, какой он, стало' быть, Балмашев, убедительный, начали пускать женщину в вагон, и она с благодарностью лезет. И кажный, раскипятившись моей правдой, подсаживает ее, говоря наперебой:

— Садитесь, женщина, в куток, ласкайте ваше дитя, как водится с матерями, никто вас в кутке не тронет, и приедете вы, нетронутая, к вашему мужу, как это вам желательно, и надеемся на вашу совесть, что вы вырастите нам смену, потому что старое старится, а молодняка видать мало. Горя мы видели, женщина, и на действительной и на сверхсрочной, голодом нас давнуло, холодом обожгло. А вы сидите здесь, женщина, без сомнения...

И пробивши третий звонок, поезд двинулся. И славная ночка раскинулась шатром. И в том шатре были звезды — каганцы. И бойцы вспомнили кубанскую ночь и зеленую кубанскую звезду. И думка полетела, как птица. А колеса тарахтят, тарахтят...

По прошествии времени, когда ночь сменилась с своего поста и красные барабанщики заиграли зорю на своих красных барабанах, тогда подступилися ко мне казаки, видя, что я сижу без сна и скучаю до последнего.

— Балмашев,— говорят мне казаки,— отчего ты ужасно скучный и сидишь без сна?

— Низко кланяюсь вам, бойцы, и прошу маленького прощения, но только дозвольте мне переговорить с этой гражданкой пару слов...

И задрожав всем корпусом, я поднимаюсь со своей лежанки, от которой сон бежал, как волк от своры злодейских псов, и подхожу до нее и беру у ней с рук дите и рву с него пеленки и тряпье и вижу по за пеленками добрый пудовик соли.

— Вот антиресное дите, товарищи, которое титек не просит, на подол не мочится и людей со сна не беспокоит...

— Простите, любезные казачки,— встревает женщина в наш разговор очень хладнокровно,— не я обманула, лихо мое обмануло...

— Балмашев простит твоему лиху,— отвечаю я женщине,— Балмашеву оно немногого стоит, Балмашев за что купил, за то и продает. Но оборотись к казакам, женщина, которые тебя возвысили как трудящуюся мать в Республике. Оборотись на этих двух девиц, которые плачут в настоящее время, как пострадавшие от нас этой ночью. Оборотись на жен наших на пшеничной Кубани, которые исходят женской силой без мужей, и те, тоже самое одинокие, по злой неволе, насильничают проходящих в их жизни девушек... А тебя не трогали, хотя тебя, неподобную, только и трогать. Оборотись на Рассею, задавленную болью...

А она мне:

— Я соли своей решилась, я правды не боюсь. Вы за Рассею не думаете, вы жидов Ленина и Троцкого спасаете.

— За жидов сейчас разговора нет, вредная гражданка. Жиды сюда не касаются. Между прочим, за Ленина не скажу, но Троцкий есть отчаянный сын тамбовского губернатора и вступился, хотя другого звания, за трудящийся класс. Как присужденные каторжане вытягают они нас — Ленин и Троцкий — на вольную дорогу жизни, а вы, гнусная гражданка, есть более контрреволюционерка, чем тот белый генерал, который с вострой шашкой грозится нам на своем тысячном коне... Его видать, того генерала, со всех дорог, и трудящийся имеет свою думку-мечту его порезать, а вас, несчетная гражданка, с вашими антиресными детками, которые хлеба не просют и до ветра не бегают,— вас не видать, как блоху, и вы точите, точите, точите...

И я действительно признаю, что выбросил эту гражданку на ходу под откос, но она как очень грубая — посидела, махнула юбками и пошла своей подлой дорожкой. И увидев эту невредимую женщину и несказанную Рассею вокруг нее, и крестьянские поля без колоса, и поруганных девиц, и товарищей, которые много ездют на фронт, но мало возвращаются, я захотел спрыгнуть с вагона и себя кончить или ее кончить. Но казаки имели ко мне сожаление и сказали:

— Ударь ее из винта.

И сняв со стенки верного винта, я смыл этот позор с лица трудовой земли и Республики.

И мы, бойцы второго взвода, клянемся перед вами, дорогой товарищ редактор, и пред вами, дорогие товарищи из редакции, беспощадно поступать со всеми изменниками, которые тащут нас в яму и хотят повернуть речку обратно и выстелить Рассею трупами и мертвою травой.

За всех бойцов второго взвода — Никита Балмашев, солдат революции.

1923

Линия и цвет

Александра Федоровича Керенского я увидел впервые двадцатого декабря тысяча девятьсот шестнадцатого года в обеденной зале санатория Олила. Нас познакомил присяжный поверенный Зацареный из Туркестана. О Зацареном я знал, что он сделал себе обрезание на сороковом году жизни. Великий князь Петр Николаевич, опальный безумец, сосланный в Ташкент, дорожил дружбой Зацареного. Великий князь этот ходил по улицам Ташкента нагишом, женился на казачке, ставил свечи перед портретом Вольтера, как перед образом Иисуса Христа, и осушил беспредельные равнины Амударьи. Зацареный был ему другом.

Итак — Олила. В десяти километрах от нас сияли синие граниты Гельсингфорса. О Гельсингфорс, любовь моего сердца! И небо, текущее над эспланадой и улетающее, как птица!

Итак — Олила. Северные цветы тлеют в вазах. Оленьи рога распростерлись на сумрачных плафонах. В обеденной зале пахнет сосной, прохладной грудью графини Тышкевич и шелковым бельем английских офицеров.

За столом рядом с Керенским сидит учтивый выкрест из департамента полиции. От него направо — норвежец Никкельсен, владелец китобойного судна. Налево — графиня Тышкевич, прекрасная, как Мария-Антуанетта.

Керенский съел три сладких и ушел со мною в лес. Мимо нас пробежала на лыжах фрекен Кирсти.

— Кто это?— спросил Александр Федорович.

— Это дочь Никкельсена, фрекен Кирсти,— сказал я,— как она хороша.

Потом мы увидели вейку старого Иоганеса.

— Кто это?— спросил Александр Федорович.

— Это старый Иоганес,— сказал я,— он везет из Гельсингфорса коньяк и фрукты. Разве вы не знаете кучера Иоганеса?

— Я знаю здесь всех,— ответил Керенский,— но я никого не вижу.

— Вы близоруки, Александр Федорович?

— Да, я близорук.

— Нужны очки, Александр Федорович.

— Никогда.

Тогда я сказал с юношеской живостью:

— Подумайте, вы не только слепы, вы почти мертвы. Линия, божественная черта, властительница мира, ускользнула от вас навсегда. Мы ходим с вами по саду очарований, в неописуемом финском лесу. До последнего нашего часа мы не узнаем ничего лучшего. И вот вы не видите обледенелых и розовых краев водопада там, у реки. Плакучая ива, склонившаяся над водопадом,— вы не видите ее японской резьбы. Красные стволы сосен осыпаны снегом. Зернистый блеск роится в снегах. Он начинается мертвенной линией, прильнувшей к дереву и на поверхности волнистой, как линия Леонардо, увенчан отражением пылающих облаков. А шелковый чулок фрекен Кирсти и линия ее уже зрелой ноги? Купите очки, Александр Федорович, заклинаю вас...

— Дитя,— ответил он,— не тратьте пороху. Полтинник за очки — это единственный полтинник, который я сберегу. Мне не нужна ваша линия, низменная, как действительность. Вы живете не лучше учителя тригонометрии, а я объят чудесами даже в Клязьме. Зачем мне веснушки на лице фрекен Кирсти, когда я, едва различая ее, угадываю в этой девушке все то, что я хочу угадать? Зачем мне облака на этом чухонском небе, когда я вижу мечущийся океан над моей головой? Зачем мне линии, когда у меня есть цвета? Весь мир для меня — гигантский театр, в котором я единственный зритель без бинокля. Оркестр играет вступление к третьему акту, сцена от меня далеко, как во сне, сердце мое раздувается от восторга, я вижу пурпурный бархат на Джульетте, лиловые шелка на Ромео и ни одной фальшивой бороды... И вы хотите ослепить меня очками за полтинник...

Вечером я уехал в город. О Гельсингфорс, пристанище моей мечты...

А Александра Федоровича я увидел через полгода, в июне семнадцатого года, когда он был верховным главнокомандующим российскими армиями и хозяином наших судеб.

В тот день Троицкий мост был разведен. Путиловские рабочие шли на арсенал. Трамвайные вагоны лежали на улицах плашмя, как издохшие лошади.

Митинг был назначен в Народном доме. Александр Федорович произнес речь о России-матери и жене. Толпа удушала его овчинами своих страстей. Что увидел в ощетинившихся овчинах он — единственный зритель без бинокля? Не знаю.

Но вслед за ним на трибуну взошел Троцкий, скривил губы и сказал голосом, не оставлявшим никакой надежды:

— Товарищи и братья...

1923

Публикация А. ПИРОЖКОВОЙ

СТОИТ ШАГНУТЬ

Читателям значительно лучше известны критические статьи о стихах Александра Еременко и Ивана Жданова, чем сами их стихи — по одной простой причине: статей опубликовано намного больше. Интерес к творчеству этих поэтов вполне объясним: Еременко и Жданов относятся к наиболее ярким представителям так называемой «новой волны», поколения, пришедшего в литературу после «шестидесятников». Часто их причисляют к одному направлению, называя то «метареалистами», то «метафористами». В самом деле в их стихах метафора, как правило, присутствует, причем не как украшение, а как средство расширения бытового сознания. И все же Александр Еременко и Иван Жданов — настолько разные поэты, что само объединение их под каким бы то ни было обозначением представляется условным.

Сестра лирики А. Еременко — ирония, многие его стихи кажутся близкими обэриутам, Николаю Глазкову. Ивану Жданову ближе немецкие романтики, французские авангардисты... Вообще настоящий поэт выламывается из любого литературного направления.

Александр ЕРЕМЕНКО

* * *

Человек похож на термопару:
если слева чуточку нагреть,
развернутся справа для удара...
Дальше не положено смотреть.
Даже если все переиначить —
то нагнется к твоему плечу
в позе, приспособленной для плача...
Дальше тоже видеть не хочу.

СТИХИ О «СУХОМ ЗАКОНЕ», ПОСВЯЩЕННЫЕ СВЕРДЛОВСКОМУ РОК-КЛУБУ

Он голосует за «сухой закон»,
кайфуя на трибуне, как на троне.
Кто он? Писатель, критик, чемпион
зачатий пьяных в каждом регионе,
лауреат всех премий... вор в законе!
Он голосует за «сухой закон».

Он раньше пил запоем, как закон,
по саунам, правительственным дачам,
как идиот, забором обнесен,
по кабакам, где счет всегда оплачен,
а если был особенно удачлив —
со Сталиным коньяк «Наполеон».

В 20-х жил (а ты читай — хлестал),
чтобы не спать, на спирте с кокаином
и вел дела по коридорам длинным,
уверенно идя к грузинским винам,
чтобы в конце прийти в Колонный зал
и кончить якобинской гильотиной...
Мне проще жить — я там стихи читал.

Он при Хрущеве квасил по штабам,
при Брежневе по банькам и друзьям,
а при Андропове — закрывшись в кабинете.
Сейчас он пьет при выключенном свете,
придя домой, скрываясь в туалете.
Мне все равно, пусть захлебнется там!

А как он пил по разным лагерям
конвойным, «кумом», просто «вертухаем»,
когда, чтоб не сойти с ума, бухая
с утра до ночи, пил, не просыхая...
«Сухой закон» со спиртом пополам!

Я тоже голосую за закон,
свободный от воров и беззаконий,
и пью спокойно свой одеколон
за то, что не участвовал в разгоне
толпы людей, глотающей озон,
сверкающий в гудящем микрофоне.

Пью за свободу, с другом, не один.
За выборы без дури и оглядки.
Я пью за прохождение кабин
на пунктах в обязательном порядке.
Пью за любовь и полную разрядку!
Еще — за наваждение причин...

Я голосую за свободы клок,
за долгий путь из вымершего леса,
за этот стих, простой, как без эфеса,
куда хочу, направленный клинок.
За безусловный двигатель прогресса,
за мир и дружбу, за свердловский рок!

ДОБАВЛЕНИЕ К СОПРОМАТУ

Чтобы одной пулей
загасить две свечи,
нужно последние расположить так,
чтобы прямая линия,
соединяющая зрачок глаза,
прорезь планки прицеливания
и мушку,
одновременно
проходила бы через центры обеих мишеней.
В этом случае,
произведя выстрел,
можно погасить обе свечи
при условии, что пуля
не расплющится о пламя первой.

САМИЗДАТ

За окошком света мало,
белый снег валит, валит.
Возле Курского вокзала
домик маленький стоит.
За окошком света нету,
из-за шторок не идет.
Там печатают поэта —
«шесть копеек разворот».
Сторож спит, культурно пьяный.
Бригадир не настучит —
на машине иностранной
аккуратно счетчик сбит.
Без напряга, без подлянки
дело верное идет
на Ордынке, на Полянке,
возле Яузских ворот...
Эту книжку в ползарплаты
и нестрашную на вид
в коридорах Госиздата
вам никто не подарит.
Эта книжка ночью поздней,
как сказал один пиит,
под подушкой дышит грозно,
как крамольный динамит.
Но за то, что много света
в этой книжке между строк,
два молоденьких поэта
получают первый срок.
Первый срок всегда короткий,
а добавочный длинней
там, где рыбой кормят четко,
но без вилок и ножей.
И когда их, как на мине,
далеко заволокло,
пританцовывать вело,
кто-то сжалился над ними:
что-то сдвинулось над ними,
в небесах произошло.
За окошком света нету.
Прорубив его в стене,
запрещенного поэта
напечатали в стране.
«Против лома нет приема» —
и крамольный динамит
без особенного грома
прямо в камере стоит.
Два подельника ужасных,
два бандита — бог ты мой! —
недолеченных, мосластых,
по шоссе Энтузиастов
возвращаются домой...
И кому все это надо,
и зачем весь этот бред,
не ответит ни Полянка,
ни Ордынка, ни Лубянка,
ни подземный Ленсовет,
как сказал другой поэт.

Иван ЖДАНОВ

* * *

Если птица — это тень полета,
знаю, отчего твоя рука,
провожая, отпустить кого-то
невольна совсем наверняка.

Есть такая кровь с незрячим взором,
что помимо сердца может жить.
Есть такое время, за которым
никаким часам не уследить.

Мимо царств прошедшие народы
листобоем двинутся в леса,
вдоль перрона, на краю природы
проплывут, как окна, небеса.

Проплывут замедленные лица,
вскрикнет птица — это лист падет.
Только долго, долго будет длиться
под твоей рукой его полет.

* * *

Область неразменного владенья —
облаков пернатая вода:
в тридевятом растворясь колене,
там сестра все так же молода.
Обрученная с невинным роком,
не по мужу верная жена,
всю любовь, отмеренную сроком,
отдарила вечности она.

Как была учительницей в школе,
так с тех пор мелок в ее руке
троеперстием горит на воле,
что-то пишет на пустой доске.

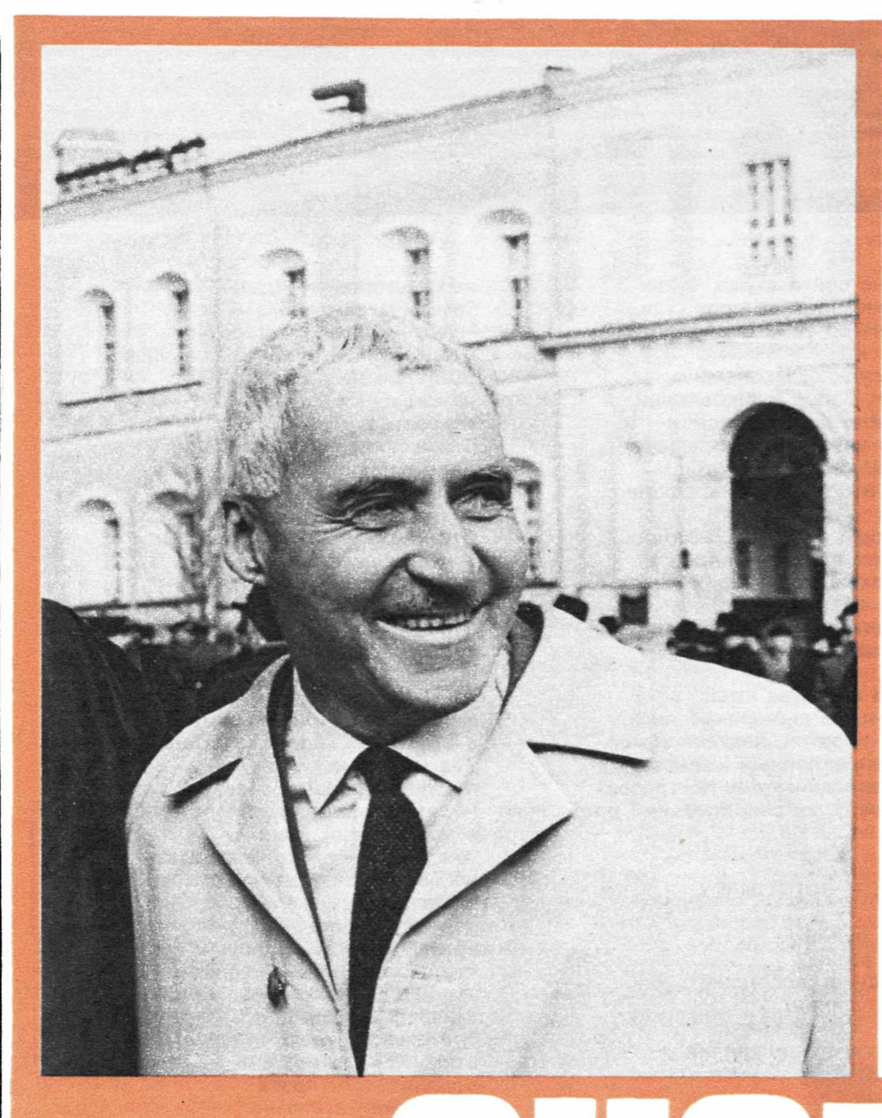
То ли буквы непонятны, то ли
нестерпим для глаза их размах —
остается красный ветер в поле,
имя розы на его губах.

И в разломе символа-святыни
узнается зубчатый лесок:
то ли мел крошится, то ли иней,
то ли звезды падают в песок.

Ты из тех пока что незнакомок,
для которых я неразличим.
У меня в руке другой обломок,
мы при встрече их соединим.

* * *

Стоит шагнуть — попадешь на вершину иглы,
впившейся в карту неведомой местности, где
вместо укола — родник, вырываясь из мглы,
жгучий кустарник к своей подгоняет воде.
Дальше, вокруг родника, деревень алтари,
чад бытия и пшеничного зноя дымы.
Там начинается воля избытком зари,
там обрывается карта в преддверии тьмы.
Все это можно любить, не боясь потерять,
не потому ли, что картой поверить нельзя
эту безмерную, эту незримую пядь,
что воскресает, привычному сердцу грозя.
Здесь что ни пядь под стопой,
то вершина и та
обетованная ширь, от которой и свету темно:
никнет гора, или рушится в ней высота,
или укол простирает по карте пятно.
Это твое восхожденье, в котором возник
облик горы, превозмогшей себя навсегда.
Стало быть, есть воскресенье и ты
проводник
гнева и силы, не ищущей цели стыда.
Это Георгий своим отворяет копьем
пленный источник, питающий падшую плоть.
Отблеском битвы, как соль, проступает на нем
то, что тебя ни на миг не смогло побороть.
Стало быть, есть красота, пред которой
в долгу
только она лишь сама как прибежище чар.
Всадник, заветную цель отдающий врагу,
непобедим, ибо призван растрачивать дар.
Здесь и теперь в этом времени вечности нет,
если, сражаясь, себя разрушает оно,
если уходит в песок, не стесняясь примет,
чуждое всем и для всех безупречно равно.
Не потому ли нацеленный в сердце укол
всей родословной своей воскресает в тебе,
взвесью цветов заливая пустующий дол,
вестью племен отзываясь в пропавшей судьбе.
Это нельзя уберечь и нельзя утаить,
не промотав немоту на избыток вестей.
Значит, шагнуть — это свежий родник отворить,
значит, пойти — это стать мироколицей всей.

Писатель Борис Панкин завершает роман о Константине Симонове: переданные им в «Огонек» фрагменты посвящены знаменательному периоду жизни и деятельности Константина Михайловича. Позади у К. М. Симонова — Ташкент, где он прожил вместе с семьей в своеобразной ссылке более двух лет — с 1958 года по 1960 год. Порвав со своими многочисленными литературно-организационными обязанностями редактора журнала, секретаря Союза писателей, он занимался здесь журналистской деятельностью — писал очерки для «Правды», а главное, заканчивал роман «Живые и мертвые». В Москву вернулся на «крыльях успеха». Роман был впервые опубликован в 1959 году в «Знамени» и сразу же обрел невиданную популярность. Последовали новые и новые книжные издания, в том числе и за рубежом, на Западе, в США. Как и следовало ожидать, в Москве пришлось вновь окунуться в волны так называемой литературно-общественной жизни. И все же главные его заботы и помыслы были связаны со вторым томом трилогии...

СНОВА В МОС

Борис **ПАНКИН**

ОТРЫВОК ИЗ БИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА

— Ставила ли жизнь перед вами вопросы, на которые вы так и не смогли ответить?
— По-моему, она только это и делала.
(Из интервью К. М. Симонова «Комсомольской правде»)

Звонкая, ликующая струна теперь снова зазвучала в душе. Как в те давние годы. И казалось, он снова молод, красив и неотразим. Застолье — так до утра. Работать — так до изнеможения. Сам удивлялся, как много он стал снова успевать... Двигался вперед новый роман, шла работа вместе со Столпером над фильмом по «Живым и мертвым». В интервью, от которых недавно еще, сидя в Ташкенте, он убегал как от чумы под любыми предлогами, теперь не отказывал. В «Вопросах литературы» появилось целое эссе — «Перед новой работой». Суеверное чувство — мол, будешь делиться планами, не сможешь ничего сотворить,— мучившее его несколько последних лет, теперь исчезло.

...Все возвращается на круги своя, не только хорошее, но и плохое. Баталии в литературной среде, да и вообще среди художественной интеллигенции, были, пожалуй, не менее ожесточенные, чем сразу после войны. Другое дело, что вмешательство в них политиков носило иной характер, во всяком случае, было, до поры, менее обязывающим, да и менее последовательным. Так же, как при Сталине, или почти так же, как при нем, начинали вдруг циркулировать ссылки на то или иное высказывание Хрущева. Как водится, с неписаным грифом «обязательно». Хрущев, подобно своему предшественнику, любил судить об искусстве. Высказываний его было много. Стрелка же их порой указывала в диаметрально противоположные стороны. Громы-молнии извергались то по поводу чрезмерного увлечения критикой Сталина, то — наоборот. Сегодня попадало очернителям действительности, завтра — ее лакировщикам. Не было такого публичного выступления, где бы Никита Сергеевич обошел своим вниманием деятелей литературы и искусства. Не говоря уж о приватных беседах, содержание коих становилось известным заинтересованным кругам с быстротой света.

К. М. был теперь, после возвращения из Ташкента, не вхож в «сферы», но не думал тужить по этому поводу. Испытанное чутье, однако, подсказывало ему, что слишком много противоборствующих сил развивалось и свивалось в клубки вокруг лидера партии и государства, чтобы художественную интеллигенцию, да, пожалуй, и весь народ, не лихорадило.

Вскоре после его возвращения из Ташкента в Москву грянул XXII съезд. Он на нем не был, но отчеты публиковались широко, да и было кого расспросить. Казалось бы, еще раз, и теперь уж навсегда, внесена была ясность в проклятый и вечный вопрос о культе личности. Ясность эта импонировала ему в его теперешнем настрое. Новые и новые факты о злодеяниях Сталина, в том числе в отношении кадров военачальников, выплескивавшиеся в речах, а затем и на страницы газет, лишь укрепляли его в том, что он намеревался сказать своим вторым романом. Но сразу же за съездом последовали эти встречи Хрущева с интеллигенцией, которые оставляли двойственное впечатление. Получалось: что позволено для политиков, негоже для художников. Да и посещение выставки в Манеже...

Но еще до XXII съезда, до выставки и встреч с творческой интеллигенцией произошло такое, что, хотя об этом тоже знал понаслышке, повергло его в тяжелые раздумья, граничившие со смятением. Из уст в уста передавалось, что вскоре после того, как Василий Гроссман — вот уж действительно бедолага: отличный писатель, но за что только его не били,— отправил рукопись своего нового романа в «Знамя», у него дома учинили обыск. Забрали рукопись со всеми черновиками, записями, блокнотами. Неизвестно, куда девался также тот экземпляр, который был отправлен автором в журнал. То есть догадаться — куда, было не слож-

но. Но Кожевников — с ним как с редактором его, симоновского, журнала, общаться доводилось повседневно — отмалчивался, и не в его, К. М., правилах было тормошить человека, если того это не устраивает.

В связи с этим загадочным и мрачным инцидентом, который произошел в 1961 году, вновь, конечно, заговорили о Пастернаке, умершем год назад. Находились, как положено, любители провести аналогию между этой историей и той*, что само по себе было неприятно. Он и теперь не раз повторял, что разошлись они с Пастернаком, собственно, только по одному поводу, по поводу романа. Уважение к личности, к творчеству Бориса Леонидовича,— неважно, что ему нравилось больше, что меньше,— оно, собственно, оставалось неизменным. Когда готовился том «Литературного наследства», который был посвящен Отечественной войне, К. М. настаивал на том, чтобы там были помещены несколько блестящих очерков Пастернака. Так что только недобросовестные, необъективные люди, любители сплетен и инсинуаций, а число таковых, увы, не поубавилось за годы борьбы с культом личности, могут усматривать здесь или притворяться, что усматривают, какие-то аналогии.

Василий Гроссман, Вася Гроссман — из их общей военной «Звездочки», мешковатый, среднего роста человек. Он всегда, кажется, только одним тем и занят, что протирает стекла своих очков в грубоватой оправе. Такие носят старики мастера на заводах. «Степана Кольчугина» К. М. прочитал, будучи еще салажонком в литературе. В «Красной звезде» подчеркнуто относился к нему как к старшему, как ученик к мастеру. Правда, сохранить эту формулу сколько-нибудь долго не удалось. Больно застенчив, непритязателен был в своих манерах Гроссман, всегда как будто бы слегка сконфужен чем-то... Ну, а его, Симонова, люди говорят, бог наградил энергичностью в движениях, практической сметкой, или, как пишут в характеристиках, «организаторскими способностями». Так что в тогдашнем их военном и полувоенном быту, если где собирались сразу два-три корреспондента «Звездочки», К. М. неизменно оказывался как бы за старшего.

Да и литературная их карьера тогда, как и в первые послевоенные годы, складывалась по-разному. У Гроссмана все, что рождалось, пробивало себе дорогу со скрипом. Очерки, опубликованные в «Красной звезде», не всегда удавалось собрать в книгу. Книга, если появлялась, вызывала кисло-сладкие рецензии, а то и разнос. А между тем очеркист был, положа руку на сердце, от бога. Да и повесть, первую повесть о войне, «Народ бессмертен», написал и напечатал именно он. Хорошая повесть. Ну, а потом, как началось в 1945 году с «Пифагорейцев», так и не остановилось. Собственно, началось даже раньше. Со «Степана Кольчугина», который был выдвинут на Сталинскую премию, как только она была учреждена, в начале сорок первого. Тогда К. М. еще не был лично знаком с Гроссманом, и вся эта история прошла мимо его внимания. Но потом, в «Звездочке», во время одного из многочисленных ночных бдений в редакции, тот поведал Симонову эту трагикомическую, по его словам, эпопею с несостоявшимся увенчанием. Гроссману четко сообщили, что он прошел все круги утверждения и стоит в списках, которые видел Сам. Вечером, накануне ожидаемого объявления в печати, была масса звонков, поздравлений. Корреспонденты, ссылаясь на имеющиеся у них поручения редакций и ТАСС, приезжали фотографировать и расспрашивать подробности биографии. Он на радостях заказал... нет, не банкет, туда он дороги просто не знал, а билеты в театр Революции для огромного числа близких ему людей. А наутро имени Гроссмана в газетах не появилось. «Оказался я, знаете ли, вроде того... с вымытой шеей»,— все еще, видимо, страдая от несуразности происшедшего, смущенно разводил он руками, и К. М. помнит, что сам испытал неловкость за две свои лауреатские медали.

В театр несостоявшийся лауреат все же вынужден был пойти — билеты-то все были у него. Стоял у входа и раздавал их друзьям, которые, он с благодарностью это ощущал, чувствовали себя еще более сконфуженно. Гадать, почему так случилось, вернее, от кого это пошло, не приходилось. Право изменить все в последнюю минуту, будь то в худшую или лучшую сторону, было лишь у одного человека, имя которого не было в той ночной беседе в «Красной звезде» названо между ними вслух.

Без слов ясно, что тень того же неприятия и гналась за Гроссманом с тех пор по всем дорогам, военным и мирным. В 1952 году в «Новом мире» Твардовского был напечатан роман «За правое дело». Еще до публикации пришлось изменить название. Гроссман еще тогда хотел назвать его «Жизнь и судьба», как и этот, теперешний роман, конфискованный у него органами.

Словом, тетива была оттянута, и первая стрела полетела в феврале 1953 года — разгромная статья Бубеннова. Импульс, заданный, как видно, все тем же лицом — Сталиным, был так силен, что и после его смерти стрелы продолжали сыпаться. И самой неожиданной, наверное, была посланная Фадеевым в том же году — его статья в «Правде». Он же сам потом и страдал душевно из-за этого, никем не понятого поступка, куда острее, чем даже Гроссман, который уже притерпелся к сыпавшимся на него увесистым тумакам. Симонов слышал, как Фадеев каялся потом с трибуны второго съезда Союза писателей. Об искреннем и безутешном раскаянии Фадеева К. М. слышал и от Эренбурга, в ту еще пору, когда они поддерживали добрые отношения, прервавшиеся, увы, с появлением его, Симонова, статьи об «Оттепели».

Подвела Сашу непоколебимая вера в Сталина, расставание с ней привело его к уходу из жизни.

Человек дела, Александр Александрович постарался тогда же практическими мерами исправить хотя бы отчасти нанесенный им ущерб. Благодаря его стараниям, письму в Воениздат, роман довольно быстро вышел отдельной книгой.

Симонов не был в те годы особенно близок с Гроссманом, но знал, что он продолжает работать над вторым томом своей эпопеи и что в основе его лежат события Сталинградской битвы, то есть тот же жизненный материал, что и у него во втором, или в третьем? — он и сам еще не решил, как считать,— романе.

Так что шло своеобразное, никем, естественно, специально не затевавшееся творческое соревнование, и у К. М. порой сосало под ложечкой при мысли, что роман Гроссмана может появиться раньше. Однако ни в каком, даже самом кошмарном, сне не могло ему присниться, что их невольное соревнование кончится так ужасно.

Он голову ломал, гадая, чем же, собственно, так напугала «заинтересованные организации» рукопись Гроссмана.

Чудовищный, нелепый контраст: в то время как его «Живые и мертвые», роман о первых месяцах войны, который, как к нему ни относись, лакировочным-то ни в коем случае не назовешь, совершал свое победное шествие по стране и по миру, детище его коллеги, однополчанина по "Звездочке" становится жертвою эпизода, которому место не в наших днях, а в тех, давно ушедших и заклейменных.

Что, собственно, могло быть в его рукописи такого, чего, например, не было в «Живых и мертвых»?! Не Советскую же власть он призывает там свергать?

Мысль о незаконности, преступности самого этого деяния по изъятию рукописи явилась ему позднее. И когда явилась, то оказалось, что это первый в его жизни случай, когда он не на шутку усомнился в действиях властей — так велика еще была инерция мышления, побуждавшая воспринимать как должное все, что исходит сверху,— хорошее или плохое. Не потому ли так нелегко ему, так страдальчески больно было расставаться в свое время с иллюзиями относительно Сталина — словно кожу с себя сдираешь собственными руками.

...А сейчас, сейчас у него в руках, как, к счастью, и всегда, было испытанное средство — с головой уйти в работу. Он не знал, почему и за что так обошлись с Гроссманом, который, как и он, посвятил свой роман все той же неисчерпаемой во веки веков теме — Великой Отечественной войне и одному из центральных нервных узлов ее — битве за Сталинград. Не ведал и мог только гадать, какой силы был этот разлученный со своим создателем роман. Уповал только на то, что, какая бы судьба ни постигла его собственное детище, он будет стремиться лишь к одному — к тому, чтобы, не лукавя и не отступая, сказать о войне всю правду, без прикрас и без утаек. Без оглядок. Уж кто-кто, а он-то знает цену этим оглядкам. И не только на «верха».

Серые, из толстого картона папки загромождали его рабочий кабинет. Каждая под завязку набита письмами читателей — огнедышащее эхо «Живых и мертвых». В них — восторги и проклятья, благословение, неприятие, просьбы совета, мольбы о помощи. Судьбы, вопросы, адреса. И такие истории, которых не придумает ни одно самое пылкое воображение.

Всю правду. Нет, всю правду о войне может сказать только весь народ. Одному художнику, самому великому, будь то даже Толстой, рядом с величием которого и не обидно признавать свою малость, дано сказать лишь малую толику ее. Только бы была она своей, незаемной, незамутненной.

Работа над романом шла у него параллельно с раздумьями об этой работе. Они выплескивались тут же, в письмах, ответах его корреспондентам, заметках и интервью. Размышлял он, размышляли его герои. И порою считанных месяцев хватало на то, чтобы вчера еще казавшееся откровением сегодня в твоих собственных глазах выглядело бы безнадежно общим местом, банальностью. Он перелистывал страницы того длинного интервью, данного только что родившемуся журналу «Вопросы литературы». То был 1961 год. «Перед новой работой». Нельзя было отказаться от этого интервью. Надо было поддержать новое издание, возникшее чуть ли не по давней его, полузабытой уже идее. Поддержать близких ему людей, которые с энтузиазмом пошли в журнал. Например, Лазарева. И трудился он над ним, как ни странно, с увлечением. Показалась вдруг заманчивой возможность «остановиться, оглянуться» посреди двух больших работ.

А сейчас вот перечитывает знакомые страницы и испытывает втайне чувство неловкости. Время, когда он на полном серьезе, с ощущением успеха на кончике языка, диктовал их, отделено от нынешнего трагедией, тем, что случилось с Гроссманом. И нелепыми, напыщенными, даже комичными — именно от того, что на полном серьезе,— выглядят теперь рассуждения о поиске композиции, о трех началах, особенно о типе современного романа. Роман семьи, роман судьбы, роман события... Будто бы от правильного выбора типа романа и зависит его успех.

«Есть лишь два типа романа,— говорил он теперь себе,— роман-правда и роман-неправда... Все остальные различия имеют значение для преподавателей литературы да педантов-критиков»...

С мыслью о правде он писал «Живые и мертвые». Но многого из того, что знает сегодня, после XXII съезда партии, он не знал тогда, хотя позади уже был судьбоносный двадцатый. «Знал» или «не знал» — это даже не те слова. Просто не представлял себе, не имел инструмента, которым можно было бы измерить всю глубину той пропасти, к которой Сталин подвел страну и народ перед самой войной. А не измерив ее, не измеришь и величия подвига народного.

Оттого, наверное, и чувство неудовлетворенности, звучащее в читательских письмах. А вдруг Гроссман-то как раз и видел эти глубины?

Упреки в преувеличении трудностей первого периода, в смаковании ошибок командования, в сгущении красок при описании мытарств Синцова с партбилетом, которые нет-нет да звучали в прессе, он теперь воспринимал как похвалу. Неудовлетворенность, звучавшая в иных письмах, задевала его куда больше. Читатели требовали крови Сталина. И он понимал их. Но не было ли в их категоричности той самой безапелляционности, с которой и Сталин убирал с дороги тысячи и миллионы своих истинных и мнимых противников? Впервые, может быть, в такой необычайной, поразительной простоте встал перед ним вопрос: можно ли правду резать на куски — как колбасу, например? От колбасы сколько ни отрезай, оставшаяся часть будет того же вкуса и запаха, что весь кусок. А правда? Вот этот отрывочек. Всего-то десяток-другой страниц. Двадцатая, если не тридцатая часть повести. А какая часть правды? И каков он сегодня, без этой одной двадцатой или одной тридцатой, вкус и запах всего куска?

* Имеется в виду письмо группы членов редколлегии журнала «Новый мир» во главе с его редактором К. М. Симоновым Б. Л. Пастернаку в связи с отклонением рукописи его романа «Доктор Живаго».

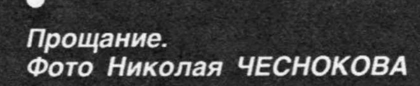

СЕГОДНЯ СКОРО

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

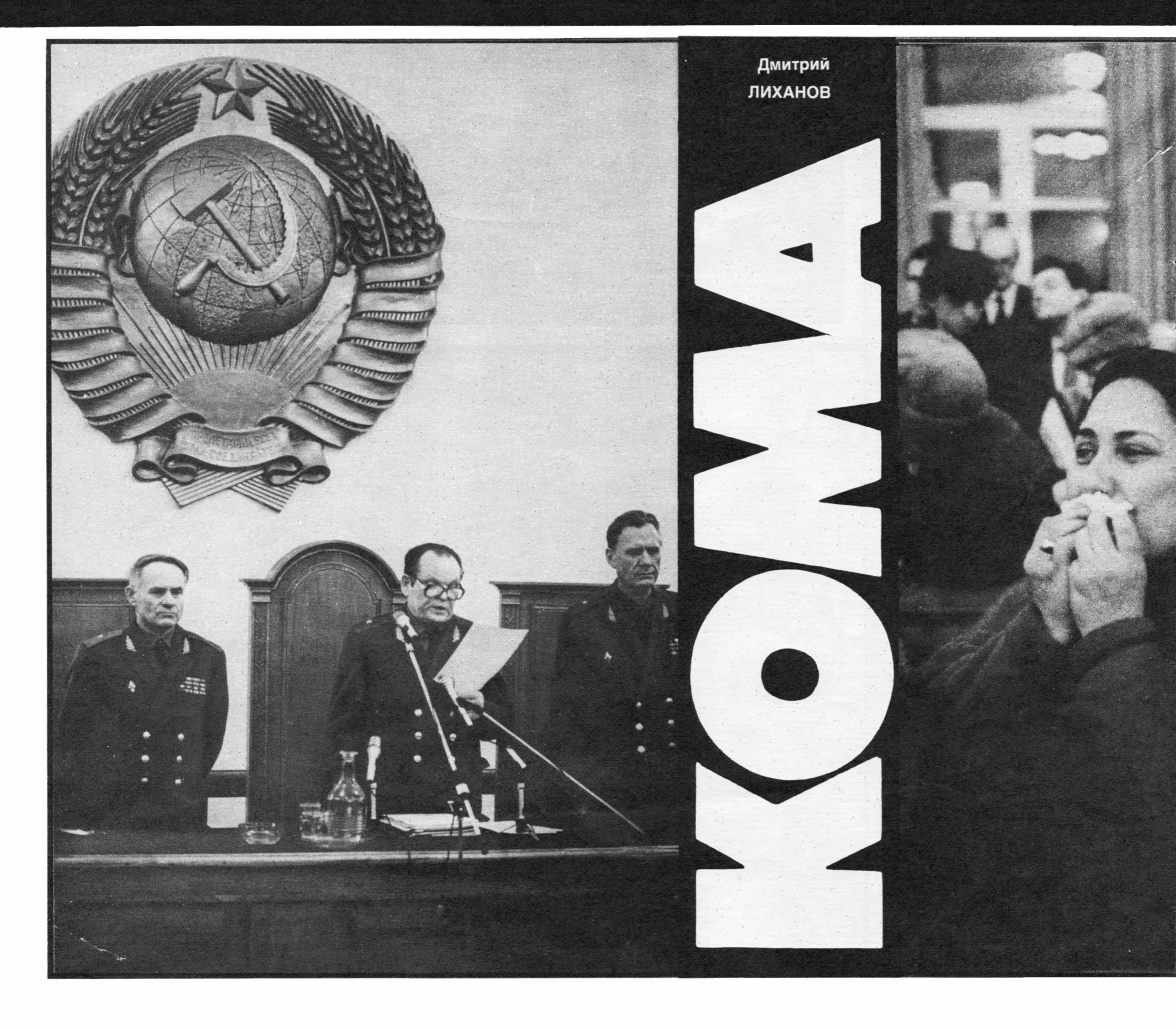

- Прощание.
  Фото Николая ЧЕСНОКОВА
- — А что́ скоро?..
  Фото Евгения ЕПАНЧИНЦЕВА
- «К нам едет генерал».
  Фото Георгия АРКАНТОВА
- Хорошее настроение.
  Фото Владимира ЛАРИОНОВА

Дмитрий ЛИХАНОВ

КОМА

Бухара. Март 1981 года.

Дело было нешуточное. Масло с Бухарского хлебозавода воровали центнерами и даже тоннами. Так называемые «несуны» тащили его через проходную каждый божий день. Узнав об этом, директор хлебозавода Казаков велел главному бухгалтеру Насырову сообщить о творящихся преступлениях в милицию. Вскоре в кабинете Казакова раздался телефонный звонок. Это был Ахат Музаффаров — начальник областного ОБХСС. Разговор получился короткий. «Зайдите»,— велел Ахат.

Вскоре Казаков явился в милицию. Долго, в деталях рассказывал Музаффарову о случившемся, объяснял, как удалось выявить хищения государственных ценностей. Реакция начальника ОБХСС была более чем неожиданной. Ахат Музаффаров налился кровью, принялся орать, называл Казакова вором, всячески оскорблял, угрожал и под конец пообещал, что посадит. Потом вроде бы поостыл, успокоился, велел зайти в шесть часов вечера. Вечером встретились вновь.

— Ты что принес? — спросил Музаффаров.

— Ничего. Разве я должен был что-то принести? — ответил директор хлебозавода.

— А разве ты не понял,— вновь заорал Музаффаров,— что прийти в шесть часов — значит принести шесть тысяч рублей?!

Да откуда же было знать об этом Казакову? Впрочем, он, конечно же, знал, что Ахат Музаффаров берет взятки и что его поддерживают такие влиятельные люди, как Абдувахад Каримов и Шоди Кудратов, у которых он работает навроде подручного. Но чтобы вот так, в открытую требовать деньги — с этим Казаков сталкивался впервые. Хотя что уж теперь говорить. Зная о безграничной власти начальника ОБХСС, он не мог воспринимать угрозу тюрьмой как безобидную шутку. Иного выхода не оставалось. Надо было давать.

Бухара — город контрастов. Непроглядными южными ночами на задворках глинобитных лачуг здесь совершались кровавые убийства. В окрестностях города шастали банды вооруженных наймитов, а лавки ремесленников обкладывали данью стаи бухарских рэкетиров. Продажная городская администрация торговала должностями направо и налево, ущерб от хищения госсобственности достигал астрономических цифр, беззаконие и террор воцарились на земле жемчужины Востока. И если бы директор хлебозавода Казаков попытался восстановить попранную справедливость, у него все равно ничего бы не вышло. Ведь Ахат Музаффаров исправно платил начальнику областной милиции Дустову, которого знал еще с юношеских лет. А начальник милиции Дустов столь же исправно платил министру внутренних дел Узбекистана Кудрату Эргашеву. Многим торговали в славном городе Бухаре.

Материалы дела.

Дустов. «Эргашева я знаю с 1972 года, то есть со времени его назначения на должность начальника УВД Кашкадарьинской области. Он работал у нас до 1975 года, пока его не перевели начальником УВД в Наманган. В это время отношения между нами были нормальные, служебные. В 1978 году Эргашева вновь назначили начальником УВД Кашкадарьинской области, и он работал у нас до 1979 года, пока не был назначен министром внутренних дел. В этот период времени я стал давать ему взятки. Это началось с того, что Эргашев стал намекать о взятках, говорил, что у него есть расходы, ему надо помочь. Тогда я дал Эргашеву триста рублей. В дальнейшем, встречаясь с ним по различным служебным вопросам, я почти ежемесячно передавал ему деньги».

Кахраманов. «Мне пришлось работать под началом министра Эргашева — человека крайне недалекого, грубого, корыстного, беспринципного, нетерпимого к критике, властолюбивого, мстительного...

Довольно быстро я убедился, что мне нечего искать защиты от Эргашева в лице Щелокова и Чурбанова. Они полностью поддерживали его во всем, а с Чурбановым у Эргашева вообще сложились особые отношения. Надо было быть слепым, чтобы этого не замечать. Эргашев чуть что, при случае и без случая упоминал Юрия Михайловича, буквально спекулировал его именем, чтобы держать в страхе подчиненных...»

Москва. 12 ноября 1982 года.

На следующий день, после того как страна узнала о смерти вождя, в Москве состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС. На повестке дня стоял всего один вопрос — избрание нового Генерального секретаря. Накануне этот же

Окончание. См. «Огонек» №№ 1—3.

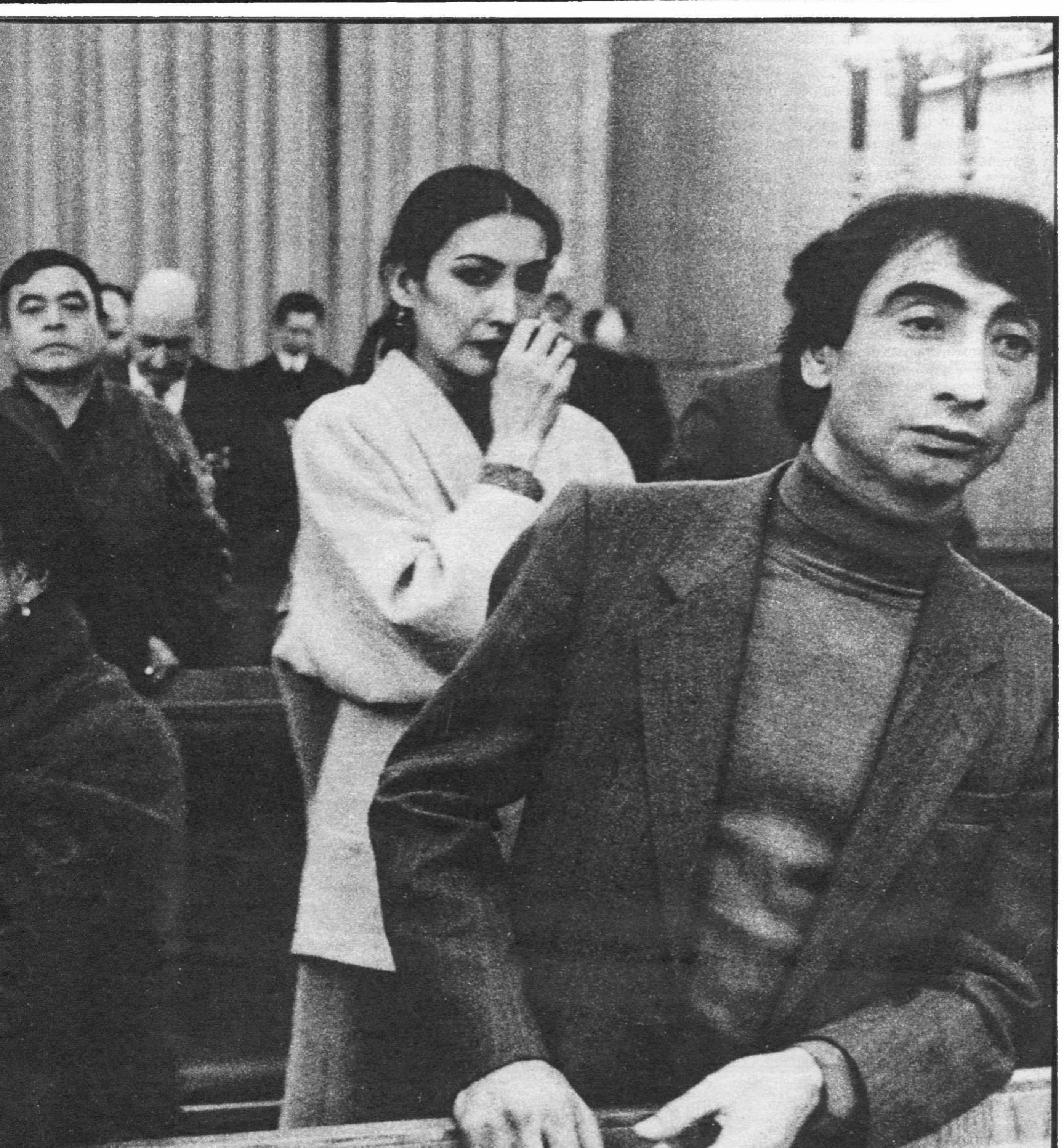

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА и Юрия ФЕКЛИСТОВА

вопрос обсуждался на экстренном заседании Политбюро, которое поручило Константину Черненко предложить участникам Пленума кандидатуру секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова.

Юрий Владимирович находился в своей должности сравнительно недавно, с мая восемьдесят второго. Но члены ЦК и Политбюро прекрасно знали его по работе в Комитете государственной безопасности, который он возглавлял в течение последних пятнадцати лет. С именем Андропова, кроме всего, было связано преодоление венгерского кризиса пятьдесят шестого года. В то время он был послом в ВНР и во многом способствовал стабилизации взрывоопасной ситуации. Юрий Владимирович прекрасно разбирался во всех нюансах мировой политики, а также доподлинно знал о нуждах и чаяниях собственной страны. Бывший председатель КГБ СССР обладал поистине неограниченным источником оперативной, лишенной конъюнктуры информации по самым различным аспектам как внутренней, так и внешнеполитической деятельности Советского государства. Все это позволяло Юрию Владимировичу сквозь мутную воду повальных приписок, охватившую страну парадность и чинопочитание видеть суть происходящих процессов, знать их истоки и причинные связи.

Все это рождало в нем ощущение острой необходимости кардинальных перемен, в которых — он не мог этого не понимать — нуждаются и партия, и народ. Вместе с тем Андропов был человеком предельной честности и душевной чистоты. Это знали не только близкие к нему люди, но и многие члены ЦК. Все это в конечном итоге повлияло на результаты голосования. Ноябрьский Пленум единогласно избрал Юрия Владимировича Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС.

В один из зимних простуженных дней Николая Анисимовича Щелокова вызвали в ЦК КПСС. По поручению Андропова с ним беседовал член Политбюро ЦК КПСС Константин Устинович Черненко. Щелокову было предложено покинуть пост министра внутренних дел СССР и перейти в группу генеральных инспекторов Министерства обороны Советского Союза. В противном случае его персональное дело будет передано в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Понимая, сколько за ним числится грехов, Николай Анисимович спорить не стал, только попросил позволить ему уйти в отставку после новогодних праздников. А вечером Юрий Владимирович Андропов пригласил к себе Председателя Комитета государственной безопасности СССР Виталия Васильевича Федорчука с предложением возглавить Министерство внутренних дел.

Через два дня после появления Виталия Васильевича в Министерстве внутренних дел начальник хозяйственного управления Виктор Калинин демонстративно подал в отставку. Посоветовавшись с Андроповым, Федорчук срочным порядком назначил комплексную финансовую проверку деятельности МВД СССР. Ее результаты повергли в изумление даже самых осведомленных профессионалов. За Щелоковым и его семейством значились тысячные растраты, нарушения финансовой и служебной дисциплины. Николаю Анисимовичу Щелокову ничего не оставалось делать, как внести в кассу министерства 124.000 рублей и вернуть присвоенные после московской Олимпиады автомобили: два «мерседеса» — свой и дочери. «Мерседес» сына Игоря и «БМВ» жены вернуть не смог, зато выплатил за них ровно... 30.000 рублей. Что же касается результатов финансовой проверки, то Федорчук направил их в распоряжение Главной военной прокуратуры.

Состоявшийся вскоре Пленум ЦК вывел Щелокова из состава ЦК КПСС.

А через некоторое время заместитель Главного военного прокурора Александр Филиппович Катусев подпишет санкцию на арест начальника хозяйственного управления МВД СССР Калинина. Сидя в Лефортовской тюрьме, он что ни день писал заявления на имя Генерального прокурора СССР, в которых не уставал повторять: все, что я совершил, сделано по указанию Щелокова.

Серебряный Бор.
19 февраля 1983 года.

Дело движется к роковой черте,— это Николай Анисимович понимал уже явственно. Понимали это и его домочадцы.

Сумеречным февральским вечером Игорь Щелоков и его жена Нонна приехали на родительскую дачу, расположенную в местечке Серебряный Бор. Игорю предложили покинуть ЦК ВЛКСМ, где тот работал в последнее время, и поэтому он хотел поговорить об этом с отцом. «Сделай же что-нибудь,— настаивала жена Щелокова Светлана Владимировна,— родной ты ему или нет?».

Что ему было ответить? Ведь сегодня он уже совсем не тот Щелоков, каким был всего год назад, нет былого авторитета, нет реальной власти. Все в прошлом. Безвозвратно. Об этом и сказал своим близким. Семейный совет закончился далеко за полночь. Дети уехали к себе домой. Николай Анисимович заснул с неспокойным сердцем.

Утром плотно позавтракали украинскими варениками и картошкой. Потом пошли прогуляться по заснеженному лесу. Но вскоре вернулись домой. Сославшись на недомогание, жена поднялась на второй этаж. А вскоре раздался выстрел. Щелоков побежал наверх. Светлана Владимировна лежала на полу, сжимая в руке маленький пистолет.

Бухара. 27 апреля 1983 года.

Турсуной Адиева приехала в Бухару по очень важному делу. Знакомый попросил ее похлопотать за одного человека, отбывающего наказание в городской спецкомендатуре, попросить, чтоб его побыстрее освободили. Знающие люди подсказали: такой сложный вопрос может решить только Ахат Музафаров. Записалась на прием. Встретились. Выслушав внимательно, Музафаров вызвал начальника отдела УВД, отдал ему бумаги с анкетными данными осужденного, обращаясь к Адиевой, обнадежил: мол, мы этот вопрос решим, но придется заплатить примерно тысячу рублей.

Возмущенная таким поворотом событий женщина прямо от Музаффарова направилась в областное управление КГБ. Здесь ее попросили написать заявление, пересчитали и переписали номера купюр. Деньги завернули в газету «Правда Востока» от 23 апреля. Благословили: идите и ничего не бойтесь.

На следующий день около четырех часов пополудни Турсуной Адиева появилась в здании УВД. Когда Ахат Музаффаров вышел из своего кабинета, она отозвала его в сторонку и протянула увесистый сверток: «Спасибо!» Сунув деньги во внутренний карман пиджака, Музаффаров вышел во двор и сел в машину. Следом двинулся автомобиль с оперативниками госбезопасности. Операция по захвату длилась недолго. Вскоре Ахат Музаффаров был обезоружен и на его запястьях защелкнулись «стальные браслеты». Спустя несколько часов специальным рейсом начальника областного ОБХСС доставили в изолятор КГБ Узбекской ССР.

Москва. Июнь 1983 года.

Следователя по особо важным делам Тельмана Гдляна неожиданно вызвали в Москву, к Генеральному прокурору СССР.

Александр Михайлович Рекунков выглядел, как всегда, бодро. Крепко пожал руку. Предложил сесть.

— Товарищи из Комитета государственной безопасности просят час помочь расследовать одно дело,— начал Александр Михайлович.

— А что за дело? — спросил Гдлян.

— Дело о взятках. Мы тут у себя посоветовались и решили поручить его вам. Собирайте бригаду и выезжайте в Ташкент. А на досуге почитайте вот это,— сказал Рекунков и протянул тонкую картонную папку с грифом КГБ.

Перелистав документы, Тельман Гдлян остался разочарованным. Дело рат министерства Эргашев стремится принимать людей не по деловым качествам, а тех, кто зарекомендовал себя как подхалим и угодник. Эргашев чрезвычайно неразборчив в связях, близкими ему являются люди, занимающиеся хищениями народного добра, разного рода дельцы. Эргашев не любит и лиц неузбекского происхождения.

Нет сомнения, что если будет проведена по моему заявлению объективная и тщательная проверка, то будет с полной очевидностью установлено, что он не может оставаться на посту министра внутренних дел республики».

Ташкент. Август 1983 года.

Арест Музаффарова чрезвычайно встревожил первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Шарафа Рашидова. Конечно же, не судьба начальника

Бухарского обэхэсника выглядело блеклым и неинтересным. Стоило ли ради этого городить огород. Такую историю с легкостью распутает любой областной прокурор, а поручают ему, следователю по особо важным делам. Ну да что теперь рассуждать! Надо съездить и посмотреть.

Досье.

Алимов. «Министру внутренних дел СССР генералу армии тов. Федорчуку.

Уважаемый Виталий Васильевич! Считаю своим долгом сообщить Вам о фактах незаконных действий, стяжательстве, недозволенных связях министра внутренних дел Узбекской ССР т. Эргашева. На территории колхоза им. В. Терешковой в Среднечирчикском районе он построил несколько собственных домов, огороженных железобетонной стеной, территория участка занимает более 0,5 га, все строения прекрасно отделаны и обставлены. Практически строительство этих объектов велось при активном содействии работников ГАИ Ташкентской области и так называемых друзей Эргашева. Достаточно отметить, что ими на строительство указанных домов было доставлено более 130 автомашин железобетона и 4 автомашины цемента. Все это бесплатно доставлялось на важнейших строительных объектах области.

На ответственные должности в аппа-

областного ОБХСС беспокоила Шарафа Рашидовича — кто он был для него в самом деле,— а то, что этот «бухарский кенар» вдруг «запел» на допросах. Музаффаров знал много, слишком много для одного человека. Потянись ниточка дальше, и дело может приобрести самые неприятные последствия. К тому же после смерти Брежнева Рашидов уже не обладал былой поддержкой в ЦК КПСС, и, уж если разразится катастрофа, никто ему не поможет.

Если бы дело Музаффарова вела республиканская прокуратура, он бы как-то еще попытался замять его, ну, во всяком случае, приглушить. Однако Ахат Музаффаров коротал время в специзоляторе КГБ, а влиять на Комитет Рашидов при всем желании не мог. Тем более что во главе ЦК стоял теперь бывший председатель КГБ. И все же события вокруг ареста Музаффарова разворачивались очень странным образом. Вдруг ни с того ни с сего был снят с должности и отправлен на дипломатическую работу председатель республиканского Комитета государственной безопасности Мелкумов, а следствие начало испытывать просто-таки фантастическое давление со стороны местных партийных органов. Кто-то отчаянно хотел передать расследование дела Музаффарова в органы республиканской прокуратуры. Я не знаю, был ли инициатором этих закулисных игр Шараф Рашидов, но то, что все это было ему на руку,— несомненно. Однако поезд уже ушел. Дело по обвинению Ахата Музаффарова официально передали к производству в следственную часть Прокуратуры СССР.

Сведения, полученные от «бухарского кенара», позволили следственной бригаде выйти на его сообщников и произвести целую серию точных арестов. Надеясь на высокое покровительство, многие из них молчали, но некоторые начали говорить. Вначале с осторожностью, потом все смелее и смелее. «Да,— признавались они,— мы брали взятки, но и давали их «наверх».

Ташкент. 1 ноября 1983 года.

В этот день «Правда» поместила на своих страницах краткое сообщение о том, что «31 октября 1983 года скоропостижно скончался видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Рашидов Шараф Рашидович».

На следующий день по каналам ТАСС из Ташкента был передан репортаж о похоронах первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. В нем, в частности, говорилось: «Приспущены флаги на площадях и улицах Ташкента. Остановилось сердце верного сына советского народа, чья жизнь без остатка

отдана великому делу строительства коммунизма.

В трауре Дворец дружбы народов СССР имени В. И. Ленина, где в зале установлен гроб с телом покойного.

В 17 часов в почетный караул у гроба становятся кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК В. И. Долгих, члены Бюро ЦК Компартии Узбекистана».

Их можно было узнать в лицо: Абдувахид Каримов, Рузмет Гаипов, Кудрат Эргашев стояли у гроба мертвого вождя, как стояли они у истоков коррупции, взяточничества и насилия. Политическая мафия Узбекистана провожала в последний путь своего великого босса, человека, ввергнувшего республику в пучину национальной трагедии и растоптавшего веру в какую бы то ни было справедливость. Но об этом знали немногие.

Москва. 13 декабря 1983 года.

После ареста Виктора Калинина Николая Анисимовича Щелокова несколько раз вызывали в Главную военную прокуратуру для участия в допросах и очных ставках. Щелоков держался сдержанно, не суетился, спокойно отвечал на вопросы, хотя и чувствовалось — он «на взводе».

А вскоре Александр Филиппович Катусев принимает решение провести на квартире и даче Николая Анисимовича тщательный обыск. В ноябре с разрешения КГБ СССР следователь военной прокуратуры Вячеслав Миртов и криминалист Владимир Антонов пришли в квартиру Щелокова, расположенную на Кутузовском, 26.

Казалось, Николай Анисимович ничуть не удивился этому внезапному обыску. Только спросил:

— За мной?

— Нет, к вам,— ответил Миртов.

Потом Щелоков показал расположение комнат, дал ключи от ящиков и столов.

6 ноября Николай Анисимович был лишен воинского звания, через две недели исключен из партии, а вскоре Президиум Верховного Совета СССР принял решение о лишении Щелокова всех государственных наград за исключением фронтовых. 13 декабря Николаю Анисимовичу позвонила сотрудница наградного отдела Президиума и сообщила, что приедет за наградами. В полдень Щелоков надел парадный мундир генерала армии, зарядил карабин и выстрелил себе в голову.

Ташкент. Август 1984 года.

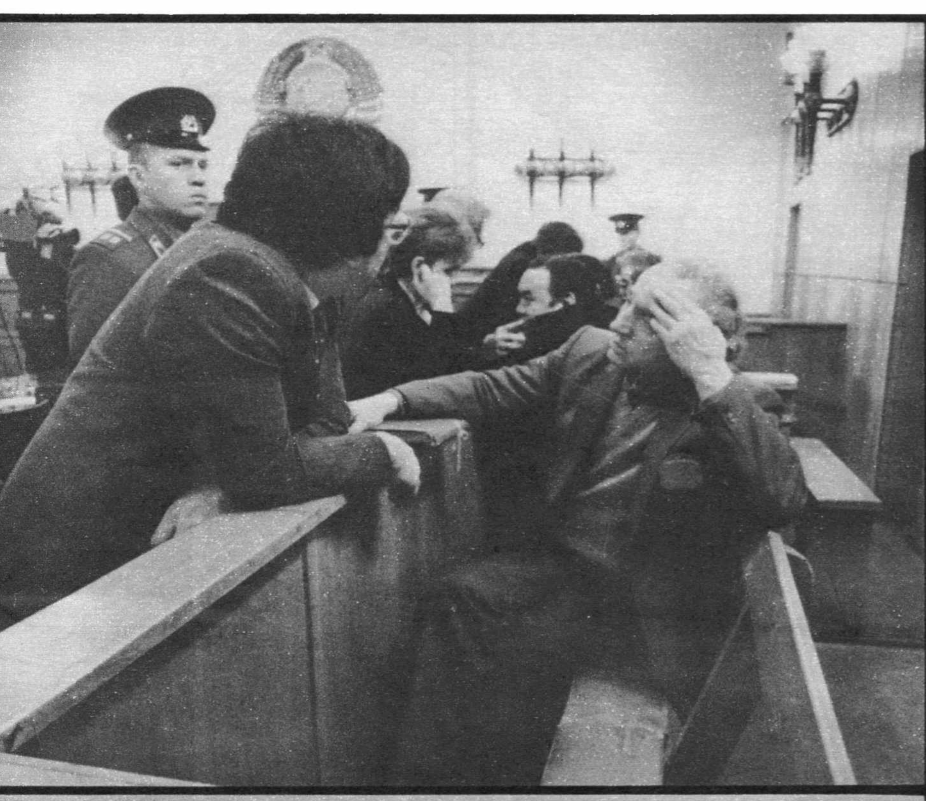
Катастрофа надвигалась необратимо. Кудрат Эргашев чувствовал это. Люди из его системы — самые верные, самые услужливые — один за другим перемещались в следственный изолятор КГБ.

При обыске у Ахата Музаффарова изъяли полтора миллиона рублей, а у Шоди Кудратова — четыре с половиной миллиона. Все это было вещественным доказательством их преступной деятельности. А от вещдоказательств уже не отвертеться. В начале августа арестовали первого секретаря Бухарского обкома партии Абдувахида Каримова, Рузмета Гаипова сняли с должности первого секретаря Кашкадарьинского обкома КП Узбекистана. Все это означало качественный скачок в происходящих событиях: уж если позволено привлекать к ответственности ближайших друзей Рашидова, то что говорить о министре. Кроме всего прочего, Кудрат Эргашев недавно узнал, что некоторые из арестованных не раз упоминали на допросах его имя, называя вдохновителем взяточничества в системе внутренних дел Узбекистана.

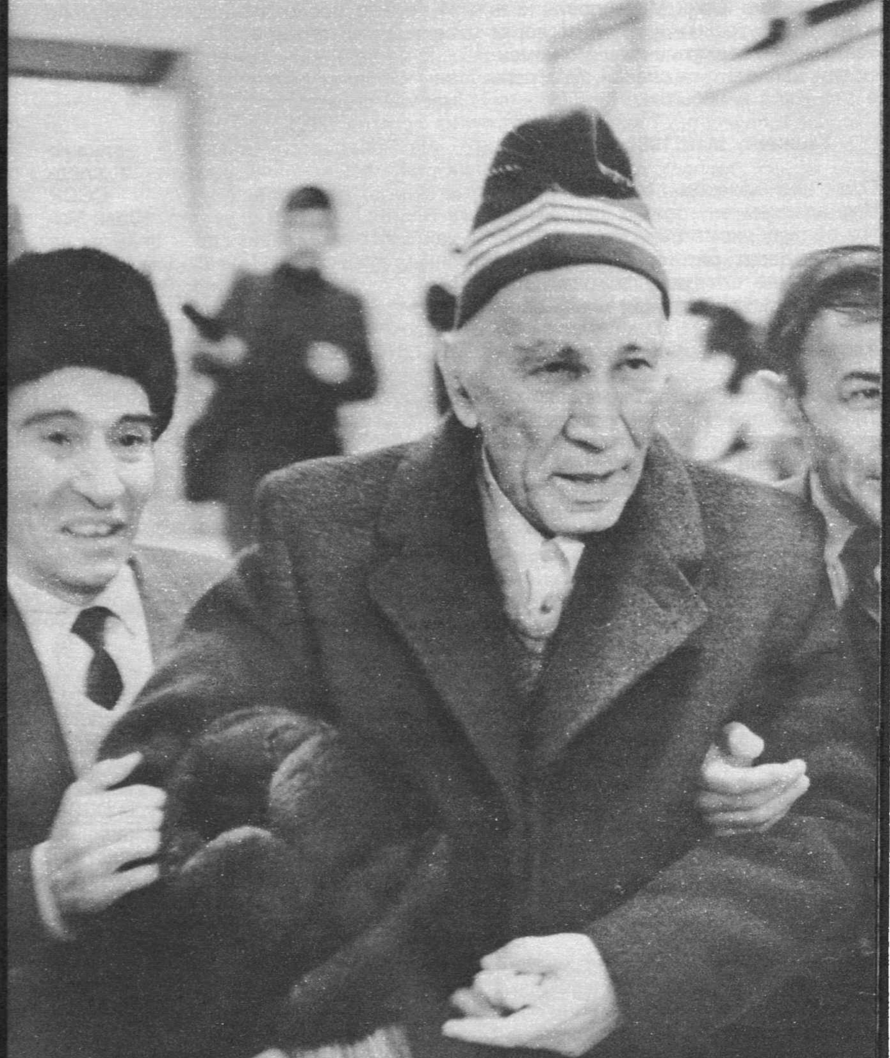
Тринадцатого августа его отозвали из депутатов Верховного Совета Узбекской ССР, лишив тем самым неприкосновенности. А вскоре надежные люди сообщили Эргашеву, что Генеральный прокурор СССР подписал санкцию на его арест. Круг замкнулся.

Ранним утром 15 августа, взяв ручку и листок бумаги, Кудрат Эргашев вывел неровным почерком свое последнее письмо: «Я абсолютно одинокий человек, сын бедняка, оклеветан Рашидовым и его шайкой. Я, честный член КПСС, марксист-ленинец — умер. Да здравствует КПСС! Марксизм-ленинизм! Да здравствует советский народ! Кудрат».

Затем он взял свой браунинг шестого калибра, лег на кровать, приставил дуло к виску, вздохнул и нажал на курок.

Москва. Ноябрь 1984 года.

Виталий Васильевич Федорчук уже давно горел желанием расстаться с Юрием Чурбановым, все еще занимавшим пост первого заместителя министра внутренних дел СССР. Их отношения с приходом Федорчука на министерскую должность ни разу не выходили за рамки служебных. Мало того, Виталий Васильевич нарочито держался с Чурбановым подчеркнуто холодно и не позволял перейти соответствующей их возрасту и положению дистанции. Вместе с тем он неоднократно ставил вопрос об отстранении Чурбанова с занимаемой должности. Вначале посоветовался с Андроповым, но тот велел подождать, мол, пока не время. После смерти Юрия Владимировича обсуждал этот вопрос с Черненко и даже предло-

жил ввести в штатное расписание министерства должность еще одного первого зама. Но вскоре после того разговора Федорчуку позвонил Романов. Сообщил конфиденциально, что принято решение новой должности не вводить. Что же касается Чурбанова, то с ним можно распрощаться и так. В тот же день Виталий Васильевич вызвал Юрия в свой кабинет и предложил написать рапорт. Однако через несколько дней Федорчуку стало известно, что за Чурбанова активно хлопочет теща — Виктория Петровна уверяла, что зять исправится, просила дать испытательный срок. Чурбанова перевели на должность заместителя начальника внутренних войск МВД СССР. На новом месте Юрий Михайлович запил пуще прежнего. То и дело на почве пьянки у них с Галиной Леонидовной вспыхивали жуткие скандалы, сопровождаемые драками и размахиванием топором. Однажды Галина оставила Чурбанова пьяным на снегу, набросив сверху только одеяло, чтоб не замерз окончательно. И если раньше Юрий Михайлович хоть как-то мог утешиться в разговорах с Брежневым, поехать в пышную командировку, насладиться славой, то теперь все это ушло в небытие.

Ташкент. Май 1986 года.

Суд над Ахатом Музаффаровым и Управлением внутренних дел Бухарского облисполкома начался в сентябре восемьдесят пятого, а закончился только в мае следующего года. Этот процесс был, пожалуй, самым серьезным испытанием на прочность следственной бригады и ее руководителей.

Тельман Гдлян и его ближайший соратник Николай Иванов, работавший прежде в прокуратуре Мурманской области, исходя из соображений презумпции невиновности, не стали составлять представление на свидетельский состав суда. Однако, несмотря на это, многие свидетели задолго до начала процесса были изгнаны с работы. Теперь над ними довлел страх за будущее и они не очень-то охотно рассказывали о преступлениях банды УВД. Это был очень тонкий, заранее продуманный расчет. Мафия не была заинтересована в их откровенности. Свидетелей то и дело запугивали, намекали: «Подумай, что ты говоришь. Ведь это может плохо кончиться». А представителей следственной бригады Прокуратуры СССР просто выдворили из зала суда. Ахата Музаффарова и Шоди Кудратова приговорили к исключительной мере наказания — расстрелу. Остальных — к длительным срокам заключения.

Этот суд был хорошим уроком для узбекских взяточников: будете много болтать — вас ждет то же самое. Что касается Иванова и Гдляна, то они вовсе не жаждали крови. Наоборот. Ведь многие обвиняемые активно помогали следствию, а потому, согласно закону, заслуживали смягчения наказания. Так они считали, об этом говорили на суде. Но Верховный суд Узбекской ССР не прислушался к доводам следствия. Его приговор был жесток и неоправдан. А Гдляну и Иванову объявили по выговору за вмешательство в судебную деятельность. Именно тогда они посчитали своим долгом приготовить своих жен к самому худшему. Сказали без недомолвок: если нас вдруг посадят — не удивляйтесь. Нет, они были чисты перед совестью и законом. Просто понимали, что столкнуться им пришлось не просто с начальниками милиции и секретарями райкомов, а со сплоченной, всесильной мафией.

Позже, когда Гдлян узнает, что на него готовилось покушение, когда при аресте генерала Норбутаева через взлетно-посадочную полосу будет натянут стальной трос, когда они будут чувствовать за собой постоянную слежку наемных филеров, а в следственную группу внедрятся чужие, позже они поймут это наверняка и тогда напишут заявление с просьбой о выдаче личного оружия.

Москва. 14 января 1987 года.

Аресты следовали один за другим. В августе восемьдесят пятого были задержаны заместитель министра внутренних дел Бегельман и начальник УВД Кашкадарьинской области Норбутаев, чуть позже попал в следственный изолятор Хайдар Халикович Яхъяев.

Все эти люди были достаточно тесно связаны с прежним руководством МВД СССР и теперь без стеснения рассказывали об этом на допросах. Но Щелоков был уже мертв. Остался Чурбанов.

Материалы о его преступной деятельности откладывались в отдельную папку. Однако Юрий Михайлович все еще сохранял вес в обществе, у него оставались прежние связи, знакомства.

Следственной группе пришлось пойти на крайние меры: докладная записка о преступлениях Чурбанова и других осенью 1986 года ушла в ЦК КПСС. И только после этого была получена санкция на его арест.

В августе 1986 года Юрий Михайлович Чурбанов был освобожден от занимаемой должности, а в сентябре уволен из органов МВД.

Четырнадцатого января к полудню Юрия Михайловича вызвали в следственную часть Прокуратуры СССР в Благовещенском переулке. Юрий Михайлович уже бывал здесь дважды на очных ставках с Абдувахидом Каримовым. Вот и сегодня он не спеша шел по морозной улице Горького, обдуваемый ветром и автомобильными выхлопами. На ботинках таял соленый снег. В вестибюле встретил следователь прокуратуры Олег Литвак — невысокий человек с мягким украинским выговором.

— Здравствуйте, Юрий Михайлович! Как-то вы изменились.

— После больницы, наверное. Знаете, воспаление легких.

Зашли в лифт. Литвак нажал кнопку четвертого этажа. Через мгновение кабина остановилась. «Прошу вас, Юрий Михайлович». Вскоре начальник следственной части Прокуратуры СССР Герман Каракозов предъявит Чурбанову санкцию на арест.

При обыске у Чурбанова нашли пластиковую расческу, пенсионное удостоверение и пропуск в Кремлевскую больницу.

Через сорок минут в 411-м кабинете следственной части Прокуратуры СССР он начнет давать первые показания. А в 16.00 с наручниками на запястьях будет доставлен в Лефортовскую тюрьму, где к его приезду заново покрасят и побелят просторную камеру.

Много позже в одной из бесед он спросит следователей:

— Скажите, правда ли говорят, что в Москве нет мяса и колбасы? А вот во времена Леонида Ильича все это было. Как объяснить?

— Но в ваше время не было правды. Это куда как хуже,— ответят ему.

Чурбанов задумался, улыбнулся едва заметно:

— Время покажет...

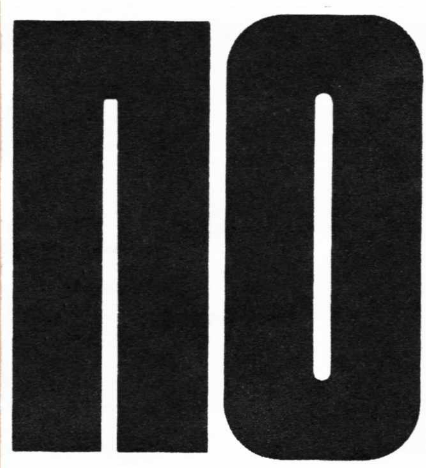
Я прилетел в Ташкент ранним утром, в тот час, когда над городом поднималось к зениту яркое азиатское солнце. В тенистом парке напротив Ташкентского филиала Центрального музея В. И. Ленина кипела работа, тарахтели огромные катки, пахло горячим асфальтом. Друзья объяснили мне, что сегодняшней ночью отсюда вывезли полуистлевший гроб Рашидова. И вот теперь закатывают. Остановились. Долго смотрели на мускулистых ребят, лихо крутящих «баранку» своих катков. Мы даже не заметили, как он вынырнул из-за кустов — веселый, смуглый, рот до ушей — мальчишка. Подбежал к свежей кромке асфальта и — раз! — шлепнул в него своей пыльной сандалией. Остался след. Остался он и на другой день — рабочие не стали его укатывать. Пусть будет он всегда. Детский след на горячем асфальте. И время не повторится.

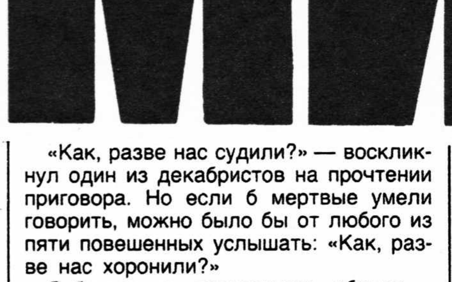
БОЛЬ ОТЕЧЕСТВА

ЗДЕСЬ, НА БЕРЕГУ ОСТРОВА ГОНОРОПУЛО, ТАЙНО ПРЕДАНЫ ЗЕМЛЕ КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ, ПАВЕЛ ПЕСТЕЛЬ, СЕРГЕЙ МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ, ПЕТР КАХОВСКИЙ, МИХАИЛ БЕСТУЖЕВ-РЮМИН. 160 ЛЕТ И ПОЧТИ 2 ГОДА ДЛИЛСЯ ПОИСК.

Андрей ЧЕРНОВ

ПРОРОЧЕСТВО

В комментарии к «Евгению Онегину» Набоков называл аракчеевские военные поселения прообразом сталинских колхозов. Исторические аналогии условны. Но представим, что живет человек, способный провидеть, как современные частности густо прорастают в грядущем, как единичное событие тянет за собой нерасторжимую цепь других — тяжкую, кандальную.

Вглядываясь в казарменное рабство российских пахарей, Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» пророчил пепелище на месте романовского дома.

Чертя виселицы на черновиках, угадывал грядущие возмущения и казни.

Что воображал он, стоя над братской могилой повешенных? Неужто Колыму и Курапаты, десятки километров отечественных рвов XX столетия?

Не будем приписывать поэту вульгарного ясновидения привокзальной гадалки. И все же...

Сестре Сергея Муравьева-Апостола император изволил разъяснить, почему не может она взять смертные останки брата. Мол, это «неудобно».

Отняв жизнь, верховная власть этим не удовольствовалась. Она предъявила права и на саму смерть. В примечаниях к «Полтаве» поэт спорит: при Петре казнили, но тел не прятали — отдавали родственникам.

«Как, разве нас судили?» — воскликнул один из декабристов на прочтении приговора. Но если б мертвые умели говорить, можно было бы от любого из пяти повешенных услышать: «Как, разве нас хоронили?»

Соблюдение похоронного обряда — это еще и гарантия цены человеческой жизни.

Что-то Пушкин, несомненно, угадал, стремясь «привычною мечтою» на голодаевский берег, покрывая рукописи рисунками разверстых ям, пытаясь заглянуть в стихах в психологию средневекового опричника, воспевая «любовь к отеческим гробам».

И многому ужасался в грядущем, чья тень уже легла на чело столетия.

Не случайно и мы пришли сюда, лишь когда стали приоткрывать грозную правду о нашей недавней истории.

Укрыв, а по сути, украв тела казненных, русские цари исторически были обречены на реплику вещего Олега: «...Мне смертию кость угрожала!» И мало кто хотел знать, что по логике преступления кровь отворяет кровь, а та — другую, и... дальше, дальше...

Сегодня мы открываем то, что вело к послереволюционной трагедии.

Нам страшно задним числом.

Пушкину было страшно впрок.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

У каждой экспедиции — свой маршрутный лист. У голодаевской экспедиции «Огонька» таким листом стал пушкинский устный «путеводитель» из по-

Рисунок Татьяны ОЗНОБИШИНОЙ

НОВЕНИЕ

вести, записанной со слов поэта его московским приятелем В. Титовым (см. «Огонек» №№ 23 и 35 за 1987 г. и № 6 за 1988 г.). О том, что это и есть описание пути к декабристской могиле, догадалась Анна Ахматова. Догадалась, ибо волей исторических сближений разделила пушкинскую боль: сама искала гумилевскую могилу. Нашла? Говорят, что это где-то за городом, в Бернгардовке. Но ходили слухи и о Голодае.

Пойдем же еще раз пушкинской дорогой, держа в руках «План столичного города Санкт-Петербурга», изданный в 1828 г. генералом Ф. Шубертом. Тем более что недавно, выдав известную версию за открытие, ленинградская газета присвоила авторство гипотезы А. Тархова, согласно которой тела декабристов вывезли не на Голодай, а на остров Вольный. А на Петровском некие экстрасенсы бульдозером вырыли «кости декабристов». (О чем сообщила телепередача «600 секунд».)

Итак, «путеводитель» Пушкина:

«Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга. Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных огромных строений, и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косою в сонные воды залива...»

Прервемся и осмыслим услышанное. Идти надо от Василеостровской стрелки по берегу Малой Невы. Идти по направлению к «длинной косе». Голодай — северная часть Васильевского острова — заканчивался километровой косой, состоящей из трех самостоятельных островков.

Другой дороги от крепости на Голодай нет. Здесь, через мостик на Восьмой и Девятой линиях, должны были везти казненных. Слева — как рассказал Пушкин — «просторные огороды», за ними — рощи Смоленского кладбища. И дорога на высокой насыпи идет как раз параллельно берегу. С этой дороги при всем желании не свернуть: с одной стороны болота, с другой — ряд огородов.

«...он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями. Ров, заросший высокою крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий...»

Да, и это так. На плане Шуберта между высоткой с рыбачьей избушкой и руинами фортификационного вала — восьмиметровый ров.

«...а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье».

За валом в основании косы и начинается для Пушкина взморье: коса — это уже в «дремотных рядах залива», это морское побережье.

«Топкий» болотистый луг хорошо читается на шубертовском плане. Но мы на него не ступаем: пришли!

«И летом печальны сии места пустынные, еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова...»

И впрямь — вон он, Петровский, и бор на нем против нашего места заканчивается, сменяется лиственным лесом. (Что особенно видно зимою.)

«...все погребено в седые сугробы, как будто в могилу».

Слово, наконец, названо.

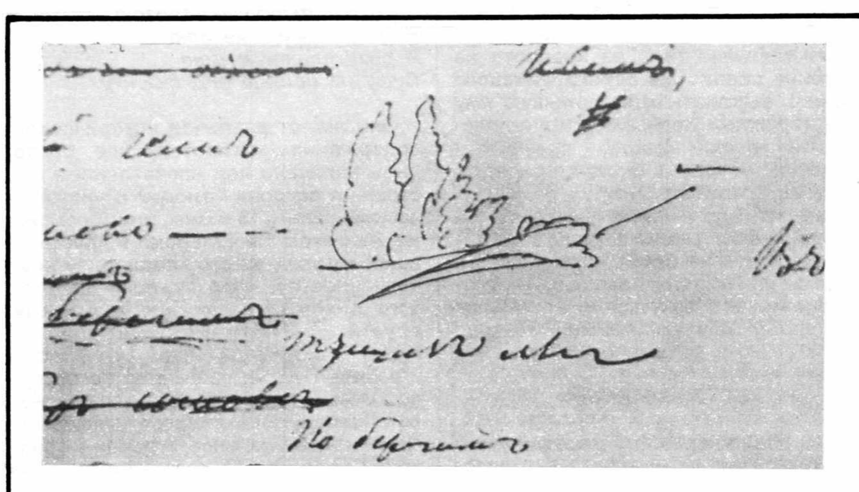
Ахматовскую догадку проверил историк Геннадий Невелев. Он документально подтвердил: да, это на Голодае. Но плана Шуберта Невелев не видел.

Первый островок в длинной косе по фамилии трех братьев-греков назывался Гунаропуло. Но в XIX веке эту фамилию писали всяко: Гунаропуло, Гонаропуло, Гоноропуло. Последнее утверждается и в картографии. Так и мы станем писать название островка, чтобы не путать с фамилией владельцев.

Три брата, единственные дворяне-землевладельцы на Голодае. Первый, Егор,— адъютант главного следователя по делу декабристов Татищева. Он служил в одном полку с ближайшим рылеевским другом Александром Бестужевым. Второй, Феопемпт, был видным масоном и, как сообщил историк А. Сериков, общался с братьями Муравьевыми-Апостолами, Пестелем и Рылеевым. И хотя занимал скромную должность в канцелярии начальника Главного штаба, дважды всемилостивейше награжден в 1826 г. орденами. А вскоре, как установили по архивным материалам Я. Леонтьев и С. Львов, получит из царских рук еще и бриллиантовый перстень. Третий брат, Афанасий,— в будущем белостокский губернатор. И ему покровительствовал Николай.

Петербургский дом Гунаропуло стоял на Мойке у Синего моста, наискосок от рылеевского.

Зарыть казненных в земле Гунаропу-

● *Пейзаж острова Гоноропуло в «Медном всаднике». Горизонтальным штрихом поэт отметил основание избушки рыбаков. Диагональным — указал место захоронения. А саму «последнюю возвышенность» Голодая рисовать не стал: с этой точки ее гребень перекрывает стрелку вала на Гоноропуло.*

● *Реконструкция пейзажа по ориентирам обер-полицмейстера Б. Княжнина. (Вид с противоположного берега Петровского острова.)*

ло без ведома и согласия владельцев было невозможно. Что двигало братьями? Карьера или милосердие? Ведь кто-то же показал-таки место вдове Рылеева...

ОЧНАЯ СТАВКА СВИДЕТЕЛЬСТВ

А вдруг все-таки мы ошиблись (вместе с Пушкиным, Ахматовой и историком Невелевым), и могила — впрямь где-нибудь на Вольном острове?

Если отбросить анонимные слухи, все свидетели на удивление единодушны. Декабристы В. И. Штейнгель, М. А. Бестужев, Д. И. Завалишин, Н. В. Басаргин не сомневались: Голодай. (Напомним, что островок Гоноропуло входил в состав Голодая, как сам Голодай в Васильевский остров). Колеблются (сами не видели!), но тоже называют Голодай А. Е. Розен и И. И. Горбачевский. Прибавим сюда и свидетельство Марии Николаевны Волконской.

А что скажут представители власти? О голодаевском взморье повествует участвовавший в захоронении помощник квартального надзирателя Шипов. Начальник кронверка Беркопф говорит о телеге с телами казненных, что через Тучков мост в сопровождении караула (и василеостровского (!) полицмейстера Дершау) ночью 14 июля покатила на Васильевский. Но особенно ценна запись полицейского чиновника Н. С. Щукина: тела закопали на Голодае, в одной яме «в конце острова на пустынном месте за немецким кладбищем».

Надо пояснить: Смоленское кладбище состояло из трех — православного, армянского и немецкого. За немецким как раз и находится остров Гоноропуло.

И еще. О Голодае говорят А. А. Жандр, М. Ф. Каменская (приходившая сюда восьмилетней девочкой с вдовой Рылеева), скульптор Н. А. Рамазанов и сын петербургского гражданского губернатора художник Л. М. Жемчужников. Последний уточняет: если смотреть со Смоленского поля, то слева будет Галерная гавань, а прямо — рощи Смоленского кладбища, и за ними «известный нам курганчик над телами казненных декабристов».

С этой точки рощи Смоленского кладбища закрывают только северную сторону Голодая. Где и лежит у взморья островок Гоноропуло. Вспомним, что и Пушкин в своем «путеводителе» видит эти рощи. Только с противоположной стороны.

Но вот свидетельство обер-полицмейстера Княжнина: **«Я приказал вывезти мертвые тела из крепости на далекие скалистые берега Финского залива, выкопать одну большую яму в прибрежных лесных кустах и похоронить всех вместе, сравнявши с землей, чтобы не было и признака, где они похоронены...»**

Кажется, здесь можно лишь развести руками: какие скалы в дельте Невы? Скалы — это не ближе, чем у Лахты. Пешком или на телеге за короткую летнюю ночь не обернуться. (Надо ж еще и копать!) Или полицейский генерал сознательно и нагло врет?

«ОСТРОВ МАЛЫЙ»

«...а ровно через два месяца нужно *сходить* (так! — А. Ч.) с дочерьми моими в известную Вам сторону, отслужить панихиду и вместо Вас там на самом месте пролить слезы моления о успокоении души друга Вашего». (Ф. П. Миллер — Н. М. Рылеевой. 13 мая 1827 г.)

Федор Петрович Миллер, сослуживец Рылеева по конноартиллерийской роте, оказался надежным другом. Прибавив к дате его письма «ровно два месяца», получим день казни.

Через две недели он отправляет Наталье Михайловне второе письмо о том же самом. А 3 июня — третье:

«Через месяц и десять дней, испросив от Вас позволение и получив, в надежду на дружбу Вашу, согласие — пущусь с Божиею помощью на уединенный остров и принесу усерднейшую молитву о известном Вам лице».

Итак, остров «малый», «уединенный», но туда можно пройти пешком. Такой на всей Малой Неве только один — Гоноропуло. Потому что глубина трехсотметровой протоки между Вольным и Голодаем — до четырех метров!

Анна Андреевна Ахматова нашла у Пушкина два стихотворных отрывка, где, по ее мнению, описан остров с декабристской могилой. Сначала черновик 1830 г.:

...Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там,
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок.

И — описание островка из «Медного всадника». Место, где похоронят бедного Евгения:

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке, в воскресенье
Пустынный остров...

Описания почти тождественны. Место, куда «порой» или «иногда» приплывает рыбак с неводом. Место, где он «расстилает невод» и готовит ужин. На плане Шуберта как раз против вала на Гоноропуло отмечено строение: «Избушка Рыбаковъ». Других рыбачьих избушек на всем побережье Голодая нет.

Сюда наведывается по воскресеньям некий чиновник. В белой рукописи еще откровеннее — «мечтатель».

Пушкин пишет о волновой погоде, занесшей сюда его челнок. Но чего ради плыть на взморье в шторм?

Впрочем, вот мнение Г. Невелева: **«Обратимся к строкам стихотворения «Арион», датированного поэтом в беловой рукописи 16 июля 1827 г.:**

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Они имеют реальное историческое содержание... Стихотворение могло быть написано под впечатлением посещения острова Голодай в «исторический день», 13 июля, или, возможно, на самом «печальном» и «пустынном острове», на его «последней возвышенности», «под скалою» на «береге диком»... на могиле казненных друзей».

Мы рассуждали так: что, если и впрямь Пушкин поплыл на Гоноропуло в лодке, в пути его застигла «волновая погода», и метафора декабристской грозы (зимние грозы — редкость) родилась из реального переживания?

В «Санкт-петербургских ведомостях» изменение погоды фиксировалось утром, в полдень и вечером.

Полдневная, с сильным ветром с залива буря была 15 июля.

Утром 15 июля 1827 г. поэт написал письмо другу, у которого умерла мать. На почтамт надо было успеть до полудня. Что было дальше? В двух шагах Сенатская площадь, Исаакиевский мост на Васильевский. А там на стрелке можно было взять ялик... Но лодку можно нанять и на Исааковском перевозе: «И перевозчик беззаботный Его за гривенник охотно...»

Он не мог отправиться к «длинной косе» 13-го или 14-го. По свидетельству современника, народ «валил толпами» на могилу казненных. В годовщину казни или погребения поэт, только что добившийся разрешения жить в столице, мог быть опознан. Но 15 июля — это как раз день казни Искры и Кочубея. День, подсказанный могильным камнем из Киево-Печерской лавры. И отмеченный Пушкиным в примечаниях к «Полтаве».

День, ставший актом исторического протеста поэта.

СЕМЬ ПУШКИНСКИХ РИСУНКОВ

Наш поиск начался с атрибуции рисунков поэта в тетради ПД 836. Рисунков, предсказанных исследованием Г. Невелева. Историк пишет: «Сам факт существования у Пушкина текстовых или, возможно, графических записей о месте захоронения казненных декабристов... не вызывает сомнения».

Три пейзажа были обнаружены нами на развороте рабочей тетради (л. 28 и 27 об.). «Арион» написан в июле. Рисунки, по мнению пушкинистов, сделаны в июле или августе.

Нависшая «скала» и груда булыжников под ней. Их собрала еще прошлым летом вдова Рылеева. Не исключено, что и в этом помог ей Федор Миллер. И вновь тот же обрыв, только вместо камней — вертикальная плита с закругленным верхом. Могильный памятник. Третий рисунок — тот же большой булыжник, за ним сломанное дерево, заросший крапивой ров и откос «последней возвышенности». И загородь из жердей, что перегораживает береговую полку от стрелки вала до рва. Гоноропуловские пейзажи в рабочих тетрадях поэта параллельны пушкинскому «обживанию» этого места, его текстовому, топографическому и творческому освоению.

Лето 1827 года. На рисунках два крупных плана одной «скалы» и, наконец, на третьем — крутой обрыв «последней возвышенности». Так и в «Арионе»: единственная примета пейзажа — скала.

Весна 1828 года. 18 апреля Пушкин и Вяземский совершают прогулку по Петропавловской крепости, и Вяземский подбирает пять щепок на месте виселицы. Именно к этому времени относится и пушкинский набросок топографического плана: берег Малой Невы, очень узнаваемый ров. Чертой обозначена «последняя возвышенность» и полукруглым штрихом сделана отметка, где именно пройти на Гоноропуло посуху. (Тетрадь ПД 838, л. 14.) План сразу под строкой «В безумстве гибельной свободы...».

Осень 1828 года. В той же тетради на обороте листа 95 большой рисунок пером: ров, «последняя возвышенность» с избушкой, а напротив стрелка подмытого вала, сломанное дерево и т. д. И там, где на пушкинском эскизе топографического плана штрих, указывающий, как пройти на Гоноропуло,— на рисунке ясно видно перекинутое через протоку бревно.

То, что весной конспективно зашифровано на эскизе плана, теперь представлено наглядно. Столь наглядно, что, когда ленинградские архитекторы П. Прохоров и Т. Ознобишина на специальном чертежном приборе построили по плану Шуберта перспективный рисунок, изображения совпали. (См. четвертую страницу обложки этого номера «Огонька».)

Осень 1830 года. Холерные карантины. 11 октября он пишет невесте: «Болдино имеет вид острова, окруженного скалами».

В те же дни, возродив в стихах пейзаж «открытого», «печального острова», под стихотворением рисует устье рва меж валом и высоткой. И вспоминает ту «волновую погоду» и рисует то, что еще не рисовал,— реку и себя в челноке.

Рисует уже не саму могилу — вид с нее.

1833 год. На первой странице черновика «Медного всадника» виньетка: та же стрелка вала на Гоноропуло. Сделана она стальным пером, черной тушью. Закончится поэма описанием «острова малого», а пока под строкой «На берегу пустынных волн...» возникает ювелирный микрорисунок. На нем различимы и «скала», и осыпь вала, и его стрелка. Вот только нет уже торчащего обломка засохшей сосны. И камней тоже нет. И поэт диагональным штрихом отмечает место могилы...

Смертное страдание, перебродив в крови, стало преданием: «Печален будет мой рассказ...»

Андрей Белый высчитал по тексту поэмы, что Евгений месяца за три до 14 декабря бросил на Сенатской площади свое «ужо!» кумиру государства. И месяца за три до 14 июля 1826 года (снег сходит в апреле) несчастного нашли и схоронили «ради Бога» на «острове малом».

Именно Христа ради, без гробов, в одну яму с известью здесь опустили нагие тела кронверкских мучеников.

Семь рисунков поэта семикратно указывают на одно и то же место. Оно, по моему расчету, было на три — пять метров южнее стрелки гоноропуловского вала, между ним и засохшим деревом.

Это дерево на краю ямы с известью и впрямь должно погибнуть. Мало того, что корни перерубили... Температура при гашении извести доходит до 700°С.

Неожиданно мы получили «расписку» от самого обер-полицмейстера Княжнина. Т. Ознобишина разыскала польский текст воспоминаний киевского помещика Руликовского, где княжнинские слова приведены полностью:

«...И только мне одному известно место этой могилы. Когда я стоял на скале над самым берегом моря, то с этого места видел два пункта выпуклых скал, от которых прямая линия показывает место этого захоронения».

Маловразумительный текст становится понятным при помощи того же Шуберта: «скала» с избушкой рыбаков раза в три выше вала. Прямая между ними своим наклоном указывает на пушкинскую точку.

А сам Княжнин стоит тоже «на скале», на обрывистом валу на берегу Петровского острова. Здесь брандвахта, пост полиции, куда Княжнин должен был частенько наведываться.

Но и Пушкин в 1833 г. рисует вал на Гоноропуло с протянутым к нему наклонным штрихом!

Оба — поэт и генерал — выбирают для привязки одну «систему координат». Шуберт свидетельствует: иного такого или похожего места на прибрежье Голодая нет.

Гатчинский архитектор Александр Семочкин заметил, что на рисунках поэта в тетради ПД 836 не «скалы», а «сколотые кручи», и предположил, что это руины неких фортификационных сооружений.

Да, на планах начала XIX века здесь были батареи. Ну а как все-таки быть со «скалами»?

Помните: «Я приказал вывезти мертвые тела из крепости на далекие скалистые берега Финского залива...»?

В том-то и дело, что под скалой человек первой половины XIX века вовсе не всегда имел в виду каменный утес. Ни Словарь Российской Академии, ни современный Словарь языка А. С. Пушкина не знает такого простого для нас слова, как «обрыв». Скалой называлась и скала, и скалоподобная почва (см. у Даля). Княжнин не врал: «скалистые», то бишь обрывистые, берега на низменном и болотистом Голодае есть только здесь, у начала косы. Подмытый хладной пеной вал на Гоноропуло и круча «последней возвышенности».

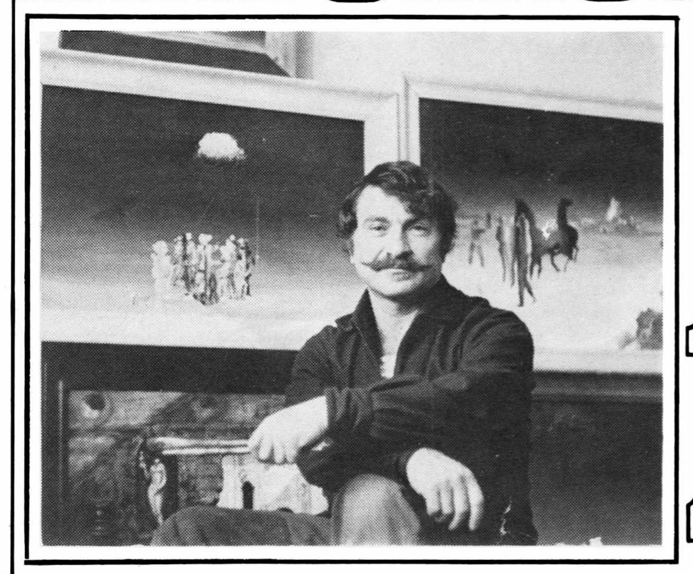
ПОИСК

В июле 1917 года петроградский журнал «Огонек» № 23 статьей «Таинственная находка на о. Голодай» сообщил о том, как при копании водопровода в районе Голодаевского переулка солдаты наткнулись на гроб военного «в форме александровского времени». Известие это облетело даже провинци-

Л. В. ДУЛЬФАН. Род. 1942. БЕСЫ. 1987.

ПАЛИТРА

ЖИВОПИСНЫЕ ФАНТАЗИИ ЛЮСЬЕНА ДУЛЬФАНА

О живописи Люсьена Дульфана говорить сложно, ее надо смотреть. И ее смотрят активно, с большим интересом в Москве и Ленинграде, Киеве и Одессе, Париже и Нью-Йорке, Мехико и Торонто, в Осло и Дамаске, в Праге, Софии, Будапеште... Статистические данные творчества Дульфана за 25 лет работы таковы: участие в 30 международных выставках, 17 — всесоюзных, 7 — республиканских, две — в родной Одессе и персональная — в Москве. Диплом и первая премия ЦК ВЛКСМ и Министерства культуры СССР, восторженные отклики как в советской, так и зарубежной прессе.

В чем причина неподдельного и широкого интереса к творчеству Люсьена Дульфана у нас и за рубежом и в то же время почти классического безразличия, равнодушия, неприятия его творческой манеры, порой доходящих до конфликтных ситуаций,— в родной Одесской организации Союза художников УССР? Отвечая на первую часть вопроса, можно предположить: вероятно, прежде всего в ярком таланте. А отторжение, может быть, объясняется личностной и творческой неординарностью

чатлевает как бы сюжеты из странных снов, которым присущи повторяющиеся живописные мотивы. Так, например, на многих полотнах возникает абрис одесского оперного театра. Иногда у Дульфана повторяются образы птиц, одна из которых сказочная, как из небытия, с очень живыми глазами, символ света, полета и просветления, а другая птица, например, попугай, вносит в полотно диссонанс, напряжение.

Море и корабли, белоснежные дома, золотые облака, сказочные птицы, города — все это одухотворено поэтической романтикой.

Его творческая манера постоянно обновляется. Мощный темперамент ищет творческого выхода в нетрадиционных приемах живописи с применением сложной техники, своеобразных фактурных и композиционных решений. Художественная материя на его полотнах как бы вырывается за пространственные рамки. Его импульсивное творческое воображение при создании многих работ перетасовывает реалии, гротескно перемешивает людей и предметы, будничные ситуации с абсурдными, привычные пейзажи с фантастическими ландшафтами. «Моя задача,— говорит Люсьен Дульфан,— постоянно познавать себя и окружающий мир как единственный источник информации, осваивать наследие многотысячелетней человеческой культуры».

Художник творит вдохновенно, с удивительной легкостью, с полной самоотдачей, увлекая окружающих неистощимой энергией и жизнелюбием, новизной образных ассоциаций и творческих интересов.

Ростислав КОРЖУЕВ.

Л. В. ДУЛЬФАН
КАЗНЬ
ДЕКАБРИСТОВ. 1987.

художника, его некоторых свойств характера, а более всего закостенелостью привычек и устаревших представлений у части из тех, кто пытается постарому «руководить искусством». Думаю, что для нашего художественного климата и времени, в котором мы живем, все более характерно многообразие и многоликость искусства, сумма ярких индивидуальностей, а не разность посредственностей, не примитивная «одинаковость»...

Известно, искусство развивается в противоречиях. И когда нет борьбы и соперничества течений, стилей, индивидуальностей, наступает застой — тот хорошо известный период нашего искусства, многие годы вталкивавшегося в состояние бесплодного художественного анабиоза.

Кто хоть раз видел работы Люсьена Дульфана, понял: это глубокий и серьезный художник, обладающий неповторимой индивидуальностью. И еще отменным одесским юмором. В его мастерской на видном месте висит большая картина, нечто вроде семейного портрета в интерьере. В центре картины — сам Дульфан с роскошными усами старого морского волка. Все в этой живописи так ярко, иронично и задушевно, что сразу попадаешь в атмосферу веселья, доброты и сердечности, в круг людей, соединенных счастливой нитью понимания прекрасного.

Как-то друзья-одесситы ради шутки подарили Люсьену Дульфану медаль, на которой была выгравирована надпись: «Основателю дульфанизма». Но, как говорится, в каждой шутке есть доля правды, каждый истинный талант имеет свой стиль. Художник восхищает и удивляет зрителей живописными ассоциациями, необычными метафорами. На своих полотнах временами он запе-

ГРОЗА. 1986.

альные газеты: в России шла революция. Сохранились фотографии: откуда эполеты? и почему в гробу бутылка от спиртного?.. Эксперты — Г. Габаев и П. Щеголев — были категоричны: форма на военном не александровского, а николаевского времени.

И хотя раскопки были продолжены в 1925-м и удалось найти обломки еще нескольких гробов, энтузиазма это уже не вызывало.

Теперь-то мы знаем, что к декабристам те находки не имели никакого отношения: копали на кладбище самоубийц, существовавшем вблизи от немецкого кладбища до 70-х годов XIX века. Но легенда о «пяти гробах» с тех самых пор пошла гулять по декабристской литературе.

Мы начинали наш поиск тоже с ошибки: приняли рельеф очистных сооружений комбината «Марксист» за остатки вала и рва.

Другая ошибка — голодаевское фото начала века (см. «Огонек» № 6, 1988 г.). На нем действительно наша коса, но не вся, а лишь ее окончание. Вал на переднем плане, так похожий на шубертовский, появился здесь в более позднее время.

Указанная Пушкиным точка находится на территории промышленного предприятия на неширокой дороге между двумя заводскими корпусами. Экспедиция наша работала на общественных началах, и завод дал денег на бурение. (Спасибо вам, главный инженер, Алексей Андреевич Пономарев!)

В ноябре 1987 года мы сделали пробный раскоп метрах в двухстах к западу и уже знали, что копать здесь невозможно: с начала XX века берег регулярно подсыпали, и трехметровая толща культурного слоя высится над былой поверхностью прошлого столетия. А с двухметровой глубины начинается плывун. Рыть в таких условиях — уничтожить место и ничего не найти. Да и химики нас предупредили, что негашеная известь и грунтовая вода должны были уничтожить останки: известь гасится, а потом вымывается током грунтовых вод.

Вот почему могильщики выбрали столь «неудобное» место, прямо на берегу рва и Малой Невы, где — копай не копай — яма все равно заплывает. Вот почему и Горбачевский пишет: «работали яму... солдаты инженерной команды Петербургской крепости вместе с палачами». По науке работали.

Четверо (Розен, Лунин, Волконская и преосвященник Исидор) говорят об извести. Волконская даже уточняет: «два больших ящика». Не было ни гробов, ни одежды. Их зарыли нагими.

И все же власти чего-то боялись. До холодов стоял у могилы караул. (О карауле целых пять свидетельств.) Но когда доносчик Шервуд-Верный через несколько лет сообщит, что некто выкрал тела казненных, а черепа держит дома, в III Отделении только посмеются. (Этот сюжет обнаружен в архиве студентом-историком Ярославом Леонтьевым.)

Геологи из ВСЕГЕИ Г. Беляев и В. Угаров разработали программу поиска.

«Севзапгеология» дала нам технику. 14 декабря 1987 г. (так уж вышло!..) мы начали бурение.

Первая скважина. Вторая. Сорок четвертая...

Отбойниками пробивали асфальт и выгребали тусклую маслянистую щебенку. Потом два-три метра желтенького песка — намывной слой двадцатилетней давности. Под ним — похоронная почва, супесь, дышащий на морозе бесплотным дымком мокрый песок.

Виталий Алексеевич Угаров протоколирует скважину и отогревает пальцы под выхлопной трубой ГАЗа. Растет синяя горка мешочков с пробами, уже установлены границы древнего рва.

— Виталий Алексеевич, а если нам бурить не через два метра — чаще?

— Я против. Будем рассчитывать на прямую находку — ничего не найдем. А так исследуем всю площадку и определим по химии.

И когда к весне на стол легли долгие столбцы цифр, а рядом рыжие миллиметровки с горизонтальными разрезами, стало ясно, что прямо в пушкинской точке — химическая аномалия. Пятно кальция, магния и фосфора — на глубине около пяти метров.

ЭКСПЕРТИЗА

— А давайте проверим на белок!

Это предлагает московский геолог Давид Кочев.

Передаем ему часть проб.

Есть белок! В том же месте и в том самом горизонте.

В. Андреев, начальник Бюро судебно-медицинской экспертизы Ленинграда, подтвердил: в ЛГУ разработан новейший чудо-метод. С его помощью можно определить и места залегания нефти, и древние могильники. Главное достоинство — скорость: достаточно капли реактива...

Из акта судебно-медицинского исследования физико-технического отделения Бюро судмедэкспертизы ГУЗЛ:

«Для песчано-глинистых отложений Ленинградской области подобные значения суммарного белка не являются типичными и характеризуют высокую степень активности биохимических процессов, которые могут быть обусловлены захоронением биологических объектов». (Экспертизу проводили И. Мазикин, Т. Нижарадзе и Марина Лаздовская.)

Много белкового вещества оказалось в древесных угольках и в сосновой коре. То, что угольки и кора сосновые, определили московские криминалисты Ж. Никифорова, Е. Ломакина и сотрудник МГУ В. Филин.

Кора и угольки из скважин в том месте, где на пушкинском рисунке в тетради ПД 836 торчит из земли кривой ствол засохшего дерева. Мы считали, что дерево погибло от извести. Звали его меж собой сосенкой. Так и вышло.

У криминалистов есть правило: один отбирает материал, другой исследует.

Мы это правило соблюли. По геологическим описаниям скважин сотрудник ВНИИ МВД Андрей Лазарев построил разрезы. И обнаружил древнюю яму. Она глубоко под намывным слоем, над ней — ненарушенный почвенный слой XIX—XX веков. Если учесть, что в XVIII веке здесь вообще была протока (об этом говорят ранние планы и нарушенная при копании ямы линия торфа), ясно, что рыли в XIX веке.

Генерал Княжнин не соврал: яма большая — 3 на 6 (не меньше) метров у поверхности и глубиною более двух метров. А от поверхности сегодняшней это около пяти.

Первая же скважина пришлась в край ямы. И подтвердила собой и точность пушкинских рисунков, и корректность работы военных топографов наших дней В. Егорова и А. Исаева. Это они перенесли точку с плана 1828 г. на современный.

В трех первых скважинах инородные для грунта включения. Среди них два крохотных фрагмента кости (экспертиза Н. Иванова и Ж. Никифоровой). На одном фрагменте эксперт А. Лазарев обнаружил пленку карбоната кальция. То есть извести.

Оба кусочка кости с глубины около пяти метров. А расстояние между ними было три с половиной метра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ОТДЕЛА ПОЧВЕННО-БОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭКСПЕРТИЗЫ А. АЛЕКСЕЕВА:

НАЛИЧИЕ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ И ВКЛЮЧЕНИЙ КАРБОНАТА КАЛЬЦИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ЗАХОРОНЕНИИ В ЭТОМ МЕСТЕ С ИЗВЕСТЬЮ.

Итак, братское, но локальное захоронение первой половины XIX века (или около того). В месте, точно указанном Пушкиным и к тому же обер-полицмейстером Княжниным.

Не верить Пушкину у нас нет оснований: когда по его рисункам на кронверкском валу выбрали место для обелиска на месте виселицы, рабочие наткнулись на плахи от спиленных столбов.

Повторим вслед за историком: «Истина сильнее царя».

ПО ВСПЫШКЕ СВЕТА

От прямого раскопа наша экспедиция отказалась.

Не надо копать. И переносить прах не надо. Невозможно это не технически, а человечески. Здесь их положили. Сюда приходили и Пушкин, и Наталья Михайловна Рылеева.

Готовя эту публикацию, мы собирались привести в ней геологический чертежик. Но вообразив на журнальной полосе слова «разрез ямы» или «профиль могилы», отказались от такого «наглядного доказательства». Выворачивать на всеобщее обозрение чрево земляного пласта — выше сил.

Фотофикацию вместе с актами экспертизы и томом материалов мы передаем на хранение в Музей истории Ленинграда. Там они станут доступны исследователям. А граммы праха давайте вернем земле. В одной урне. В том самом месте.

А если науке будущего потребуется определить, что все-таки сохранилось там, на пятиметровой глубине,— она найдет способ исследования, не нарушающий тяжких земных пластов.

Потому что археология здесь ни при чем: слишком близко от нас эти люди. Даже через полтора века. Их дважды казнили при жизни, их тела казнили негашеной известью по смерти. И копать здесь, когда мы уже знаем, что это здесь,— тоже род надругательства.

Поисковая наша экспедиция завершена. Ее организовали «Огонек» и Музей истории Ленинграда вместе с видеоканалом ленинградского телевидения «Пятое колесо» и геологами ВСЕГЕИ. Увы, здесь мы не можем назвать всех организаций и всех имен. Нам помогали сотрудники Пушкинского Дома, московские и ленинградские криминалисты, два университета, историки, археологи, художники, военные, студенты, топографы и архитекторы, рабочие и ленинградские школьники. Всем — названным здесь и неназванным — спасибо.

Мы шли за словом поэта, шли за Пушкиным и Ахматовой. Это они привели нас на берег безвестного островка Гоноропуло. И указали место.

Пусть пушкинский эскиз памятника встанет в граните.

Обретение утраченной святыни издревле почитается чудом. А чуду от века положено быть сопровождаему небесными и прочими знамениями.

Напомним французское стихотворение Сергея Ивановича Муравьева-Апостола, услышанное в крепости одним из его товарищей:

Земным путем сойти до срока,
Медлительно и одиноко,
Не узнанным при свете дня,—
Но там, где небо тьмой одето,
В конце пути по вспышке света
Вы опознаете меня.

В подлиннике: «...в конце моего пути, внезапно озаренный, поймет мир, кого он лишился».

26 сентября, под вечер, когда дополнительное бурение уже не оставило сомнений в реальности места, инженер-геолог Тимур Галеев ткнул промасленной рукавицей в сторону Петропавловского собора. Зову в свидетели питерских метеорологов: над шпилем стояла радуга.

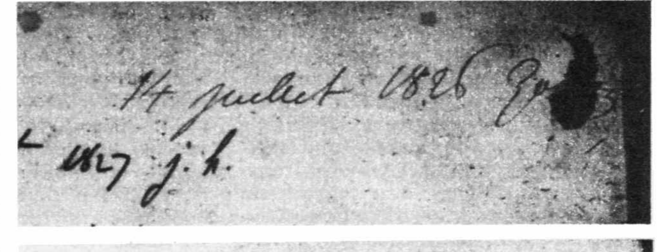
Очень вероятно, что к нашему делу она не имела ровно никакого отношения, только назавтра по церковному календарю было Крестовоздвижение, и, чтя традиции предков, мы оставили в последней скважине тут же сбитый из деревянного бруска крест. Потому что казненные были не только революционерами, но и христианами. Как бы необычно ни звучал этот факт для современного атеистического уха.

А потом были «знамения» земные. Ленсовет подписал-таки проект решения о Музее декабристов в заповедной зоне города.

Есть в решении и пункт о филиале на углу Наличной и Уральской улиц. Здесь на первом этаже МЖК «Декабрист» будет выставка пушкинских рисунков, посвященных декабристам.

Ну, а завод обещает, что организует доступ на бывший берег малого островка Гоноропуло. Решили же такую проблему на московском заводе «Динамо», где покоится прах воинов-монахов Дмитрия Донского.

Ибо, как писал Пушкин,— «Могила праведника — достояние потомства». Изречение, смысл которого мы только-только учимся понимать.

Эта французская запись Пушкина (ПД 833, л. 66) в подлиннике почти не видна: поэт сделал ее «симпатическими», донельзя разведенными чернилами. Последнее слово он не дописал, закончил росчерком, а две буквы замазал.

В лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР эксперт Д. Эрастов переснял эту строку в отраженных ультрафиолетовых лучах и ослабил пятно люминисценцией. Под ним оказалось и зачеркнутое, и замазанное «Gonar...». (Прорись по снимку.)

Итак, дата и место братской могилы казненных: «14 июля 1826 Гонар(опуло)».

Судя по орфографии, запись появилась до выхода плана Шуберта, и по двум другим шифрованным записям на том же листе — «2 авг. 1827...»; «4 авг. 1827 Р(ылеев), Ж(анно), П(естель), Жих(арев) во сне» — может быть датирована июлем 1827 года.

Илья ШАТУНОВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛЮ ЗАМЕТКИ НИ В КОЕЙ МЕРЕ НЕ ПРЕТЕНДУЮТ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ М. А. СУСЛОВА, СУДЬБА И РОЛЬ КОТОРОГО В ИСТОРИИ ПАРТИИ И НАШЕГО ОБЩЕСТВА ЕЩЕ ЖДУТ ВНИМАТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ. ЭТО СКОРЕЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ, НО И ОНИ, ВЕРОЯТНО, ПОЗВОЛЯТ ЧИТАТЕЛЮ СОСТАВИТЬ СВОЕ МНЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ, ДОЛГИЕ ГОДЫ КОМАНДОВАВШЕМ НАШЕЙ ИДЕОЛОГИЕЙ И СНИСКАВШЕМ НА ЭТОМ ПОПРИЩЕ ПРОЗВИЩЕ «СЕРОГО КАРДИНАЛА». АВТОР ЗАМЕТОК, ИЗВЕСТНЫЙ ЖУРНАЛИСТ ИЛЬЯ ШАТУНОВСКИЙ, РАБОТАЛ В «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ», ЗАТЕМ ДОЛГИЕ ГОДЫ ВОЗГЛАВЛЯЛ ОТДЕЛ ФЕЛЬЕТОНОВ «ПРАВДЫ».

Субъективные заметки о М. А. СУСЛОВЕ

В нашей семье по традиции, столь же давней, сколь и печальной, Михаила Андреевича Суслова величали Михаилом Алексеевичем. На то были свои причины. И если я в своих заметках буду называть его то так, то эдак, прошу простить: застарелая привычка.

АНДРЕИЧ-АЛЕКСЕИЧ

В официальных документах, которые должны еще храниться в архивах Узбекского телеграфного агентства (УзТАГ), есть прямое указание на то, что перепутал отчество товарища Суслова не кто иной, как мой родной брат. Это неверно. Пострадал действительно он, а вот ошибку допустили другие. И не ошибку вовсе — описку.

А случилось вот что. В отчете о предвыборном собрании избирателей, переданном УзТАГом для местных газет, кандидат в депутаты Верховного Совета был назван Михаилом Алексеевичем Сусловым. В какой-то редакции, кажется, в андижанской, это обнаружили, сообщили в УзТАГ. И УзТАГ тут же по телетайпу отстучал поправку. Но в трех районных газетах, выходящих на узбекском языке, так описка и прошла.

С утра в высших республиканских инстанциях начался переполох. Никто не знал, как к этому чрезвычайному событию отнесутся в Москве и лично товарищ Суслов. А вдруг там сочтут, что налицо вражеская вылазка, троцкизм, диверсия иностранной разведки против одного из самых ближайших соратников... Немедленно учредили авторитетную комиссию с самыми широкими полномочиями. В конце концов установили, что описка пошла от машинистки. А все остальные, от корректора до ответрука УзТАГа, читали, но ничего не заметили.

Конечно, надо принимать строгие меры, наказывать. Но кого? Машинистку? Смешно. Руководство? Еще смешнее. Так, спускаясь все ниже, комиссия добралась до «стрелочников». Опять вопрос: у одного — дядя в ЦК, у другого — папа в Совмине, у третьего, бери выше, тесть — директор Алайского базара. А вот четвертого кто рекомендовал? Да никто. Пришел с улицы, попросился на работу. Да разве так подбирают кадры? Пусть же все это будет уроком на будущее...

Брата уволили. Как гласил приказ, «за грубую политическую ошибку». Куда идти с такой формулировкой? Кто возьмет?

Один умный человек дал, как выяснилось позже, совсем неумный совет: а ты, говорит, обратись к самому товарищу Суслову. Одернет он перестраховщиков, не оставит в беде...

Брат написал письмо, попросил прощения. Хотя не был ни автором отчета, ни ответственным за выпуск, но виноват: тоже не заметил описки. И вот остался без работы, с семьей, ребенком, без средств, без своего угла. До этого четыре года был на фронте — командир роты. Участник обороны Сталинграда и штурма Сапун-горы. Четыре ордена, десять благодарностей от Верховного Главнокомандующего. Помогите, дорогой товарищ Суслов, на вас вся надежда...

Ответа он так и не дождался. Ни от Михаила Андреевича, ни от Михаила Алексеевича. Может, и впрямь обиделся товарищ Суслов? Посчитал за диверсию, не простил. А может, просто не видел письма? Не показали ему письмо помощники-референты, не решились побеспокоить государственного мужа по таким пустячкам.

НАШ ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ

А вот мое письмо товарищ Суслов прочитал. Сам при этом присутствовал...

Месяца за два до открытия очередного съезда ВЛКСМ добрую половину работников «Комсомольской правды» бросили на подготовку предсъездовских, съездовских и послесъездовских материалов. Я сидел в Отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ и вымучивал текст Приветствия ЦК партии комсомольскому съезду. Инструктор, в чье распоряжение я поступил, объяснил, что в этом документе должны быть определены задачи, которые станут программными для комсомола на ближайшее будущее. Высокая ответственность давила меня стотонным грузом, я выкарабкивался изо всех сил. Но у меня ничего не получалось.

В соседнем кабинете томился мой коллега Семен Арбузов. Он был опытным газетным зубром. Прославился тем, что подготовил целевой разворот к десятилетию со дня выхода в свет «Краткого курса». Он постоянно писал речи и доклады комсомольских и некомсомольских вождей, резолюции всевозможных пленумов, конференций и слетов. А я был зеленым новичком. И вот теперь мы должны были вступить с ним в переписку, я — написать ему, а он потом мне: Арбузову было поручено подготовить ответное слово съезда.

Я с ужасом глядел на свою начатую страничку с зачеркнутой первой фразой и понимал, что подвожу старшего товарища, обрекаю его на простой. Ведь пока я не отдам ему своего «приветствия», он не сможет писать ответ. Стрелки настенных электрических часов с пугающим треском скакали по цифрам, а я по-прежнему сидел на «нуле».

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату влетел Арбузов. «Надоело ждать, сейчас будет мне выволочка»,— похолодел я.

— Ну, как успехи?— спросил он дружелюбно.

Я тоскливо развел руками, он понял все.

— А у меня готово!— весело сообщил он.

— Как готово? Ведь я еще ничего не написал. Откуда вы знаете?..

— Не знаю, но догадываюсь. Вот послушай!

Я слушал, раскрыв рот. Передо мной был виртуоз мысли, маг слова, волшебник литой мускулистой фразы. В жизни я никому так не завидовал, как ему.

— А ты не тушуйся,— ободряюще сказал мне Арбузов.— Не боги горшки обжигают, и не они пишут приветствия комсомольским съездам. Возьми мой текст, он поможет тебе очертить круг вопросов, я последовательно отвечал по тем позициям, которые должны быть и у тебя...

На следующий день я закончил работу и понес ее своему инструктору. По его указанию я вписал два абзаца. Зав. сектором сказал, что текст слишком растянут, и я эти вставки выбросил. Зам. зав. отделом дал мне свои замечания, я опять вставил два абзаца. Заведующий отделом пропаганды этих абзацев не утвердил, и мой проект принял первозданный вид. Потом он понес его секретарям. А мне сказал, чтобы я возвращался в редакцию; если потребуюсь, то позвонят.

Никто меня больше не беспокоил, и я понял, что мой вариант зарублен окончательно и бесповоротно.

В день открытия съезда ВЛКСМ я был в зале. На сцене Большого Кремлевского дворца появились руководители партии и правительства, встреченные бурными, продолжительными аплодисментами. Объявили, что слово для оглашения Приветствия ЦК КПСС предоставляется товарищу Суслову. Из президиума поднялся какой-то перекрученный, сухой человек со впалой грудью и, подтягивая на ходу локтями брюки, пошел к трибуне. Недружелюбно оглядев зал, он высоким голосом стал оглашать текст. Мой текст! Слова, которые я выстрадал в кабинете инструктора Отдела пропаганды, какими-то неведомыми путями попали в руки дорогого Андреича-Алексеича...

Минуло не одно десятилетие, а мне все так же трудно разобраться в чувствах, которые охватили меня тогда. Нет, я не испытывал никакой радости от того, что мои фразы повторяет столь важная персона. Я был подавлен, вы-

Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

бит из седла. Мне было стыдно: я участвую в странной игре. Ведь съезд хотел знать, что скажет он, а говорил со съездом я... Мои мозги сместились со своего места, что-то оборвалось во мне в ту минуту, во что-то я перестал верить, какие-то светлячки перестали мне светить...

Через несколько дней я встретил в редакции Семена Арбузова.

— Слышал, как оглашали твое произведение?— спросил он.

— Слышал,— ответил я безо всякого энтузиазма.— Прошел мой вариант. Заменили всего несколько слов.

— А меня переписали начисто!— сказал он весело.— Ни одной запятой не оставили...

— Не оставили?— переспросил я.

Как я ему завидовал и на этот раз!

«ТРИ СЕМЕРКИ»

Следующая встреча с Андреичем-Алексеичем состоялась у меня, можно сказать, на бутылочной основе. Нет, упаси боже, с ним я не выпивал, иначе не имел бы морального права писать эти критические заметки. А выпить в те времена было очень просто. Даже не выходя из редакционного здания. Спиртное продавалось в буфетах «Комсомолки», «Правды», «Огонька». А пьяных не было. Они появились потом, когда начались всякие ограничения и запреты. А тогда позволяли себе пригласить на чашечку кофе с коньяком уважаемого гостя, знакомого автора, чтоб в спокойной обстановке потолковать о делах.

...Был канун революционного праздника. В середине дня все, кто не был связан с номером, уже освободились, скоро в нашем «Голубом зале» должен был начаться концерт. Мой хороший товарищ из международного отдела встретился в коридоре:

— Давай пообедаем на «Савелии». Ты как?

Мы отправились на Савеловский вокзал, посидели в ресторане, вернулись, разошлись по своим отделам. В ожидании концерта я сел отвечать на письма, их всегда было много.

Вдруг в комнате появился наш хозяйственник Михаил Самсонович в сопровождении двух бравых молодых людей, которых я видел впервые.

— Что поделываете под праздничек? — спросил меня Михаил Самсонович, подходя очень близко. Мне показалось, что он принюхивается.— А вы случаем не выпивали? — спросил он напрямик.

— Михаил Самсонович! Такой деликатный вопрос. При посторонних...

— Да что с ним разговаривать! — рявкнул один из молодых людей.

Меня привели в кабинет ответственного секретаря. Весь цвет редакции был уже в сборе: два очеркиста, репортер, театральный критик. В углу на диване скучал международник, его разоблачили раньше меня. Распоряжался здесь человек средних лет в спортивном костюме.

— А вы что пили? — обратился ко мне «спортсмен».

— Водку,— признался я.

Все остальные, собранные теперь под секретариатской крышей, тоже говорили, что пили водку.

— А может быть, вино? — все допытывался «спортсмен». Пытаясь сбить нас с толку, он начал перекрестный допрос и окончательно запутался сам. Его осенила спасительная идея:

— А ну, рассядьтесь по компаниям, кто с кем пил! А то с вами не разберешься!

Я плюхнулся на диван рядом с международником.

— Нас что, уже арестовали? — озорно спросил он.

Я не успел ответить. Группа захвата (наш хозяйственник и два молодца) приволокла дежурного литправщика.

— Что вы пили? — грозно спросил его «спортсмен».

В обычное время литправщик едва заметно заикался, а когда волновался, то его было очень трудно понять.

— П-п-порт-т...

— Портвейн! — почему-то обрадовался незнакомец.— Это уже ближе. Какой марки?

— Т-три... с-сем...

— «Три семерки»! — хлопнул в ладоши «спортсмен».— Ты, голубчик, нам и нужен! — И приказал своим молодцам: — Спускайте его вниз и в машину! Да глядите в оба, чтоб не смылся!

Литправщик что-то пытался объяснить, но его уже повели. Следом выбежал «спортсмен». Он не возвращался. Мы сидели молча, все еще не веря, что вновь обрели свободу. Из «Голубого зала» донеслись звуки музыки, праздник набирал силу.

— Что ж, друзья, пойдем теперь повеселимся,— мрачно сказал театральный критик.

А вот у литправщика веселья не получилось. Все праздники он просидел в каталажке и появился в редакции перепуганным, съежившимся и изрядно похудевшим.

— Я ведь тоже выпил рюмку водки, как все,— сказал он.— Но когда увидел, что началась какая-то страшная проверка, перетрусил и оговорил себя. Подумал, что за «столичную» попадет больше, чем за дурацкие «Три семерки».

— Ну, а что, если кто и пил «Три семерки»? Что это, теперь преступление? Какая-то дикая история...— молвил репортер.

Литправщик огляделся по сторонам и шепотом стал рассказывать нам о том, что узнал в каталажке. Оказывается, в тот вечер в «Правду» приезжал Суслов (недавно он по совместительству был назначен главным редактором.— И. Ш.). Хотел, очевидно, взглянуть на праздничный номер. И вот, когда он только скрылся в подъезде, вдогонку ему полетела бутылка из-под этого самого трехсемерочного портвейна. Почему-то подумали, что бутылку кинули с шестого этажа, где размещалась «Комсомолка».

— Что за чушь! — воскликнул репортер.— Бутылка, сброшенная сверху, падает отвесно, она не может лететь вдогонку за человеком по горизонтали!..

— Бутылку можно было сбросить только с балкона, а он уже полгода заколочен наглухо...— добавил международник.

Скорее всего все это было выдумкой охраны, которая хотела набить себе цену. Показать шефу, что не зря ест хлеб... К счастью, та мифическая бутылка просвистела и мимо нас. А ведь вполне могли посадить, как террористов. Время было еще сталинское. Дело же закончилось тем, что после несостоявшегося покушения на товарища Суслова в гастрономе напротив перестали покупать портвейн «Три семерки». Продавцы удивлялись, почему такой ходовой товар вдруг потерял всякий спрос...

ТЕЩА НА КОБЫЛЕ

В следующем сюжете, помимо Андреича-Алексеича, действует, вернее, бездействует еще одно очень влиятельное лицо.

Как-то под вечер меня вызвал заместитель главного редактора «Правды».

— В следующий номер пойдет твой фельетон. Вот тебе готовый заголовок: «Теща на «Волге». Замысел ясен?

— Не совсем.

— Заголовок все объясняет. Речь идет об использовании персональных машин. Выделяют руководителям, а разъезжают на них тещи, жены, всякие шурины. Попадется тебе зам. министра — хорошо, попадется министр — еще лучше. Постарайся сдать фельетон сегодня. Крайний срок — завтра, двенадцать ноль-ноль...

Я был просто обескуражен. Мало того, что у меня не было ни одного факта, смущала тема. О номенклатурных привилегиях мы никогда не писали. Вообще не упоминали спецпайки, спецмагазины, спецбольницы... Появились новые веяния? Вряд ли...

У дверей моего кабинета меня дожидался мой старый товарищ, наш спецкор.

— Ну как, получил задание? Учти, оно из первых рук!

В последние дни моего товарища не было в редакции, он был в бригаде, которая в загородном особняке писала очередной доклад Л. И. Брежневу.

— И вот позавчера к нам приехал Леонид Ильич, узнать, как идут дела. Нам подали чай, сели в гостиной, завязалась непринужденная беседа о том да о сем, о пятом-десятом. Леонид Ильич завел разговор о персональных машинах. «Когда я еще работал в районе, то всем колхозным председателям дали по бричке, чтоб им удобнее было объезжать свои хозяйства. Только поля председатели по-прежнему обходили пешком. А на бричках их тещи ездили в город на базар торговать картошкой. И тогда в нашей районке появился фельетон «Теща на кобыле». Замечательный фельетон. Так всех этих тещ с бричек как ветром сдуло. А сейчас посмотрите, что творится. Мы раздали нашим руководящим товарищам персональные «Волги», взяли на себя все расходы, а на машинах разъезжают все те же тещи. Так и просится новый фельетон «Теща на «Волге»... Я рассказал об этом разговоре нашему начальству, а остальное ты знаешь,— закончил спецкор.

Я позвонил начальнику УВД Москвы, старому знакомому еще по комсомолу.

— Что ж, поможем тебе собрать материал,— сказал генерал.— Дело несложное...

Рано утром за мной заехал сотрудник ГАИ капитан Дьяков, и мы отправились по Москве. К Центральному рынку на Цветном бульваре мы подъехали в тот самый момент, когда теща республиканского министра, обхватив руками гогочущего гуся, по-хозяйски усаживалась в персональный «ЗИМ». Отличное начало! Потом мы сидели в засаде у подъезда к Елисеевскому гастроному, у Дома тканей на Ленинском проспекте, у кондитерской на Арбате. Отъезжая от Сандуновских бань, я обнаружил, что в моем блокноте нет уже чистых страничек. Капитан Дьяков доставил меня в редакцию, я быстро написал фельетон и в назначенный срок отнес заместителю главного редактора. Тот прочитал и пришел в восторг:

— Молодец! Квартальная премия тебе обеспечена.— Отдал распоряжение в секретариат: — Поставить на самом видном месте, ни строки не сокращать!

Все следующее утро я ходил именинником. Принимал поздравления от сослуживцев, от товарищей, от незнакомых людей. После обеда мне позвонил редактор «Крокодила» Мануил Семенов:

— Я только что из «большого дома». Твой сегодняшний фельетон в пух и прах разделал Суслов. Кричал, что «Правда» натравливает народ на руководящий аппарат... Так что смотри!

Я усмехнулся. А чего мне смотреть? Суслов не в курсе дела. Узнает, кто подсказал тему, и умоется... Я принимал поздравления еще два дня. На третий грянул гром. Случилось это на редколлегии, которую вел все тот же заместитель главного (главный редактор болел).

— Так вот, товарищи, мы получили очень строгое замечание от Михаила Андреевича,— сказал он.— Фельетон «Теща на «Волге» признан ошибочным и вредным...

Мне показалось, что я ослышался. Что происходит? Брежнев против того, чтоб чьи-то тещи ездили на персональных машинах, а Суслов, выходит, «за»! Брежнев считал, что такой фельетон должен появиться в газете, а Суслов увидел в нем антисоветчину. Почему же Брежнев, зная о выступлении Суслова на совещании, молчит? Так кто же у нас в партии главнее: тот или этот... Между тем в мою голову продолжали лететь кирпичи:

— Натравливает народ на руководящий аппарат... Потрафляет обывательским вкусам... Пытается вбить клин в морально-политическое единство...

Заместитель редактора возбуждался все больше и возбуждал против меня редколлегию, не посвященную в суть дела. Я попробовал защищаться:

— Но вы же знаете, кто дал мне задание, кто требовал, чтоб я в самом срочном порядке писал фельетон...

Заместитель редактора оборвал меня на полуслове:

— Что ты хочешь этим сказать? Посадил газету в лужу, а теперь ищешь виновных?

Жаловаться товарищу Суслову на этого бесстыжего человека я почему-то не стал.

НЕ В ШУТКУ, ВСЕРЬЕЗ

Несколько раз я видел Андреича-Алексеича настолько близко, что при желании мог бы потрогать его руками. Был даже представлен ему лично. Это событие состоялось в приемной главного редактора «Правды» П. А. Сатюкова ровно через пять минут после того, как он был снят со своего поста.

В работе октябрьского Пленума шестьдесят четвертого года Сатюков участия не принимал, он находился в Париже. Вряд ли эта командировка была случайной. Скорее всего его как человека, близко стоявшего к Н. С. Хрущеву, постарались отправить подальше.

Сатюков появился в редакции дней через десять. Он проследовал в свой кабинет, собрал редколлегию. Был смущен, но, в общем, держался. Мы смотрели на него и не знали, является ли он нашим редактором, или уже нет.—

— Узнав о состоявшемся Пленуме,— сказал нам Сатюков,— я в тот же день дал телеграмму в ЦК о своем полном согласии с принятыми решениями. По приезде сразу же позвонил Леониду Ильичу, спросил, как мне быть. Он ответил: «Вы наделали много ошибок,

вам их и исправлять. Беритесь за дела».

И Сатюков взялся за дела. С присущей ему энергией и удивительной работоспособностью. Составлялись общередакционные и отдельческие планы по реализации решений Пленума, давались задания собкорам, спецкоры разъезжались по всей стране. Сатюков был в редакции с утра и до позднего вечера. Перед подписанием полос он надевал свой неизменный кожаный пиджак, спускался в типографию и там прямо у талера вносил последнюю правку. Никто из нас уже не сомневался, что он останется редактором. Как и он сам, ведь Брежнев сказал ему, что он остается на своем месте.

Свой последний день Сатюков начал, как обычно: вычитал полосы, провел редколлегию, совещался с отделом писем, встречался с редакторами других отделов, потом пригласил меня.

— Вот письма новоселов о низком качестве мебели,— сказал он, вручая мне папку.— Ты знаешь, как сейчас остро стоит вопрос о товарах для народа? Нужен острый фельетон. Кто бы мог сделать?

— Мог бы Семен Нариньяни. Он оправился после болезни и сейчас в боевой форме.

— Пусть пишет. Попроси его от моего имени, чтоб не тянул. А завтра зайдешь, скажешь, как дела...

Назавтра я уже не зашел: быть редактором Сатюкову оставалось минут сорок... Едва я вернулся в отдел, как по коридорам электрическим разрядом пронеслась новость: к нам едет Суслов, машина уже вышла из ЦК.

В кабинете главного спешно собралась редколлегия. Тут же появился Суслов. Он прошел к редакторскому столу, сел слева на стул.

— Понял, зачем я приехал?— спросил он у Сатюкова.

Суслов вынул из папки пачку экземпляров «Правды».

— Вот полюбуйся, в последний год жизни Сталина «Правда» дала девять его портретов. А сколько ты напечатал снимков Хрущева?

Если не ошибаюсь, Суслов назвал цифру 283.

На наших глазах разыгрывалась какая-то комедия. Будто и впрямь можно было подумать, что все эти десять лет Суслов приказывал редактерам снимков Хрущева не давать, а те сопротивлялись и по собственной инициативе протаскивали на каждую полосу по пять клише! И что бы Суслов сотворил с Сатюковым, если бы он еще совсем недавно не опубликовал хоть одну обязательную фотографию Никиты Сергеевича?

...Весь процесс снятия Сатюкова занял считанные минуты. Суслов вышел из кабинета, за ним вся редколлегия гурьбой. Я очутился прямо за его спиной. В приемной к Суслову кинулся помощник редактора М. А. Шатунов. Представился и доложил:

— Вам только что сюда звонили... Кто звонил, я не расслышал.

— Это вы, что ли, тут фельетончики пописываете?— вдруг спросил его Суслов.

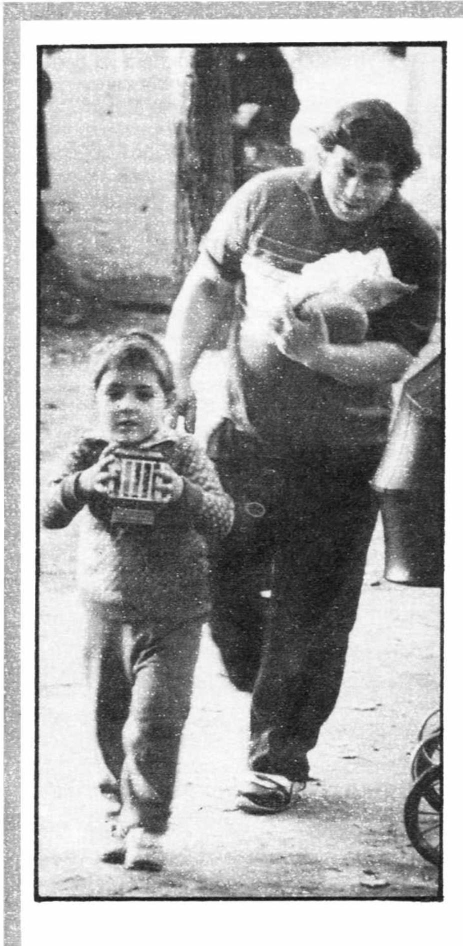
— Не я, не я,— перепугался Шатунов.— Это Шатуновский! Вот он! — Он показал на меня пальцем.

Суслов оглянулся, смерил меня своим тяжелым взглядом и, сказав: «То-то!»— пошел дальше.

— Ну, теперь, Илья, жди оргвыводов,— пошутил кто-то.

Я ждал. Не в шутку, всерьез...

С дорогим Андреичем-Алексеичем я сталкивался постоянно и каждодневно. Не с человеком, с его тенью. Тенью мрачной, гнетущей. Его называли «серым кардиналом». Мне же он всегда казался человеком в футляре. В тысячу раз ухудшенным переизданием чеховского Беликова. Он и сам замуровал себя в непроницаемом футляре, отгородившись от живой жизни, и упрятал бы в такой же футляр всех и каждого, если б смог.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Начало на 2-й стр. обложки.

начальника первого цеха, в котором тогда работало 800 человек).

— Почему ушли с завода? — спросил я.

— Не видел перспектив,— ответил Одинцов.— Суета, дрязги, авралы, укрощение непокорных... В такой обстановке я не мог ни сам работать, ни помочь Бровенко, единственному в цехе, кто пытался бороться.

— Вы были с Валерием друзьями?

— Мы и сейчас дружим. Валерий необыкновенный рабочий. И человек удивительный: доверчивый, с обнаженной душой, не ведающий страха. А его ломали! Удивляюсь: как он до сих пор еще держится?

Бывший мастер слесарно-сборочного участка (ныне мастер другого завода) Николай Дмитриевич Никитин с горечью вспоминал, как Бровенко во второй раз ударили из-за угла, и ударили так, что он долго не мог прийти в себя.

— Тут была, конечно, и моя вина,— рассказывал Никитин.— Уговорил Валеру снова взять бригаду. План горел, и Повх понимал, что без Бровенко-бригадира на сборке просто не обойтись. Бровенко взял бригаду, вытащил сборку из прорыва, получил знамя Ворошиловградского обкома ВЛКСМ. Но вскоре опять «сорвался». На собрании заявил: «Цеху дают определенную сумму за повышение производительности труда. Пусть начальник цеха ответит — какова эта сумма, куда идет и почему мы ее никогда не видим?» Этого вопроса ему, конечно, простить не могли. Снова стали искать предлога...

Я с интересом ознакомился с «Распоряжением № 45».

Дело-то было, в общем, самое обычное. Бригадиры Бровенко и Канцура не поделили детали для сборки, перебои с которыми возникают чуть не каждый месяц. Из такого дела ЧП никак не вылепишь. Но цехком вынес решение: «За проявленную невыдержанность, высокомерие, угрозы в адрес общественных организаций цеха, дискредитацию их деятельности слесаря-сборщика Бровенко В. А. от руководства бригадой освободить».

— Я тогда был в отпуске,— продолжал Никитин,— когда вернулся, ходил в завком, в партком, дирекцию — все безрезультатно.

— Тогда и решили уйти?

— Тогда мысль возникла. А ушел после того, как Повх с помощниками сыграли с Бровенко очередную шутку: столкнули его лоб в лоб с другими рабочими. Обернули дело так, будто от него, Валерия, зависит снижение расценок в одном из производственных моментов. И, конечно, тут же вспыхнул конфликт.

Придя утром на работу, Бровенко увидел перед собой стену из сорока рабочих, которая угрожающе двинулась на него.

— Гнида! — крикнул кто-то.— Это ты, небось, все подстроил!

Валерий побледнел от гнева.

— Ну, ладно,— яростно сказал он.— Жду всех после смены за проходной. Там посмотрим, кто кого.

После смены он целый час ждал в условленном месте. Никто не пришел...

Может быть, Бровенко вообще нетерпим для окружающих, с ним невозможно договориться? Бывают же такие люди... Но вот я знакомлюсь еще с одним «делом», которое началось очередным «повышением» Бровенко до звания бригадира и закончилось опять же очередным его «разжалованием» в рядовые. Все произошло из-за того, что начальник цеха Повх сломал себе руку, и на несколько месяцев его место занял инженер Сергей Яковлевич Разумный. Обстановка в цехе опять была тревожная, план горел, и Разумный, зная об отношении к Бровенко начальства, все же поставил его бригадиром.

— У меня не было другого выхода,— говорил мне Сергей Яковлевич.— Цех крупноблочного монтажа, здесь на 50 процентов решается судьба заводских изделий. Я ему сказал: «Валерий, делай что хочешь, к концу квартала все «шкафы» должны быть сданы». Я знал, что в работе он зверь. Но такого бешеного темпа даже от него не ожидал.

В работе неумолим, в бригаде — диктатор, но ребята его принимают: при нем всегда заработки. Сачков ненавидит. Дал задание, увидел, что выполняют с прохладцей — выгонит из бригады. Как-то ворвался ко мне в кабинет: «Забери от меня троих лентяев — справимся без них!» Я забрал — и без них справились...

— Кое-кто считает, что Бровенко рвач...

— Это такой слух пустили. Никакой он не рвач. Жаден до работы — это да. Что же касается заработков... Плох тот рабочий, который не требует полной отдачи за труд.

— Долго вы работали с ним в контакте?

— Все время, пока исполнял обязанности начальника цеха. Вскоре после возвращения Повха я ушел в другой цех мастером, на менее оплачиваемую должность, но чувствую себя гораздо лучше: здесь не надо хитрить, изворачиваться. Потом узнал, что Бровенко снова сняли с бригадиров — в который уже раз...

Недавно я получил от Бровенко письмо. И с горечью убедился, что даже бурные события перестройки ничего не изменили в его судьбе. Он писал, что снова принял отстающую бригаду, вывел ее на уровень почти двухсотпроцентной выработки, но в будущее смотрит без всякого оптимизма: работать в цехе все сложнее и сложнее.

Письмо было тревожное. И я не удивился, когда вслед за ним ночью вдруг зазвонил телефон: «Слушай, может, приедешь?»

Я приехал. И не сразу узнал в этом, внешне все еще могучем человеке, того парня, которого встретил несколько лет назад. Того уверенного в себе, в своей силе непокорного чудака, который в обеденный перерыв, делая у всех на виду физзарядку, использовал в качестве штанги только что собранные «шкафы»... Человек, к которому я заехал домой прямо из аэропорта, был молчалив, мрачен, порой невпопад отвечал на вопросы... Чувствовалось, он держался на каком-то пределе. На кухню, где мы пили чай, вышла теща и, пользуясь моим присутствием, начала высказывать семейные горести:

— Вы бы ему посоветовали: пусть плюнет на эту работу! Дети его совсем не видят...

А когда Валерий вышел на минутку к соседу, сообщила:

— И еще не легче: нашумится, наконфликтуется в цеху — потом выпьет! Куда же это годится?

— А что, дебоширит?

— Нет, этого-то не бывает.

— На работе приметили?

— Если выпил — полночи под душем простоит. На работе он, как стеклышко.

— Так что же вас тревожит?

— Раньше-то совсем не пил...

В тот же день я побывал у первого секретаря Северодонецкого горкома партии Бориса Евгеньевича Микитона.

— Вы помните Валерия Бровенко?

— Еще бы! — воскликнул Борис Евгеньевич.— Даже помню, как он играл за футбольную команду завода. Уже тогда спорил с другими игроками и даже судьями.

— А нынче он каков?

— Характер не изменился. Но работает здорово. Неплохой организатор, с хозяйственной жилкой, бездельникам жизни не даст. Правда... Есть один момент. Вы, наверное, слышали о его драке с Канцурой?

— Это было давно...

— Но говорит-то о многом. В этом поступке, как в капле воды, отразилась вся суть Бровенко. Любой ценой вырвать для себя детали, чтобы заработать. Цель производства никогда его не интересовала. Ему важно собирать «шкафов» как можно больше, чтобы заработать. Ему говорят: «Завод затоваривается от твоих «шкафов»! А он: «Мне-то что до этого? Мое дело — собирать!»

— Зачем же ему себя сдерживать? Ведь он сдельщик. Разве он виноват, что завод работает неритмично?

— Не виноват. Но понимать ситуацию обязан...

Но не зря надрывался Бровенко все эти прошлые годы — его слышали и одобряли, просто поддержать до сих пор боялись! Перелом в сознании произошел как-то неожиданно, прямо на моих глазах. Мы стояли, разговаривали — и стихийно, прямо на площадке, посреди оборудования, возникло собрание. Быть может, желание людей высказаться подогрело присутствие журналиста, а может, просто пришел конец терпению? Так или иначе, но это было самостоятельное цеховое собрание. Тон на нем задавали слесари-сборщики, монтажники, операторы... Администрация, мастера и технологи явились после того, как рабочие потребовали их присутствия.

— В цехе создана жесточайшая система администрирования,— говорил слесарь-сборщик Дмитрий Сарбаш.— Все решает только один человек — начальник цеха!

...Когда расходились, кто-то произнес, не глядя на меня: «Хозяина нет. Жаль, Станислав Семенович Повх в отпуске, он бы вам показал встречу с рабочими!»

Подбежала Антонина Кондакова, председатель цехкома. В ее глазах застыл неподдельный ужас.

— Я должна вас предупредить,— взволнованно сказала она.— Многое из того, что вы здесь услышали, неверно. Станете печатать — будем опровергать!

Мне почему-то было жалко ее. Чего же вы так боитесь, Тоня?

28—29 ЯНВАРЯ СОСТОИТСЯ УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ», В КОТОРОЙ ПРИМУТ УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНИЦИАТИВНЫХ ГРУПП И ОТДЕЛЕНИЙ ПОЧТИ ИЗ СТА ГОРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ — Ю. Н. АФАНАСЬЕВ, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, РЕКТОР МОСКОВСКОГО ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА. КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСТОИТ ОБСУДИТЬ И ПРИНЯТЬ УСТАВ «МЕМОРИАЛА».

УСТАВ

ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ» (ПРОЕКТ)

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Всесоюзное добровольное историко-просветительское общество «Мемориал» (далее — общество «Мемориал») — общественная организация, осуществляющая свою деятельность в соответствии с Конституцией СССР, законодательством Союза ССР и союзных республик, а также настоящим уставом.

1.2. Учредителями общества «Мемориал» являются: Союз архитекторов СССР, Союз дизайнеров СССР, Союз кинематографистов СССР, «Литературная газета», журнал «Огонек», Союз театральных деятелей СССР, Союз художников СССР.

1.3. Общество «Мемориал» действует на всей территории СССР.

1.4. Общество «Мемориал» состоит из центральных органов, республиканских и территориальных отделений и Фонда «Мемориал».

Республиканские и территориальные отделения, разделяя цели устава и осуществляя свою деятельность уставными способами, сохраняют свою организационную и финансовую самостоятельность, признаются юридическими лицами в установленном законом порядке и при согласии центральных (республиканских) органов общества «Мемориал».

Фондом «Мемориал» распоряжается общественный совет Фонда «Мемориал».

1.5. Общество осуществляет свою деятельность в сотрудничестве с государственными и общественными организациями СССР, а также с зарубежными и международными организациями и фондами.

2. ЦЕЛИ И ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

2.1. Общество «Мемориал» ставит перед собой следующие цели:

а) сохранение и увековечение памяти о жертвах сталинизма;

б) оказание помощи лицам, пострадавшим от репрессий, и создание их ассоциаций в рамках общества;

в) создание в городе Москве на средства Фонда «Мемориал» Мемориального комплекса, включающего Памятник жертвам сталинизма, а также научно-информационный и просветительский центр с общедоступным архивом, музеем и библиотекой, материалы которых содержат информацию о репрессиях сталинизма;

г) содействие созданию на территории СССР других мемориальных комплексов и памятников жертвам репрессий;

д) восстановление исторической правды о беззакониях сталинизма, изучение их причин и следствий; содействие признанию преступлений сталинизма преступлениями против человечности; содействие Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и в начале 50-х годов; помощь комиссиям при Советах народных депутатов, созданных для оказания содействия советским органам в обеспечении прав и интересов реабилитированных, создания памятников жертвам репрессий и содержания в надлежащем порядке мест их захоронения;

е) содействие полной реабилитации жертв сталинизма;

ж) содействие демократическим преобразованиям, развитию гражданского и правового сознания сограждан в духе осуждения сталинизма.

2.2. Для осуществления своих уставных целей общество проводит следующую деятельность:

а) мобилизует общественное мнение для решения уставных задач общества путем выступлений в средствах массовой информации, лекционной пропаганды, сбора добровольных пожертвований, сбора подписей под обращениями и другими законными способами;

б) собирает, приобретает, обрабатывает и хранит в соответствии с действующими нормами информацию, а также материальные реликвии и ценности, связанные с фактами и обстоятельствами репрессий и сопутствующих им событий;

в) содействует открытию доступа к источникам информации (архивам, библиотечным и музейным фондам и проч.), публикует книги, документы и материалы по предмету деятельности общества; проводит лекции, диспуты, встречи, выставки и пр.;

г) издает периодический информационный бюллетень о своей деятельности.

3. ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

3.1. В общество «Мемориал» на равных правах входят индивидуальные и коллективные члены.

3.2. Членами общества «Мемориал» могут быть граждане и организации СССР, разделяющие цели общества, участвующие в его деятельности и уплачивающие членские взносы.

Членство в обществе «Мемориал» несовместимо с сотрудничеством или членством в группах и организациях, практикующих или пропагандирующих социальную, национальную и религиозную нетерпимость.

3.3. Члены общества «Мемориал» имеют право избирать и быть избранными во все органы общества, а также представлять общество в рамках предоставленных им руководящими органами общества полномочий.

3.4. Прием членов общества осуществляется в территориальных отделениях по письменному заявлению граждан и организаций.

3.5. Прекращение членства в обществе «Мемориал» наступает вследствие:

а) письменного заявления члена общества;

б) решения территориального отделения, принятого в связи с нарушением устава, систематической неуплатой членских взносов, а также серьезным ущербом, нанесенным авторитету общества «Мемориал».

3.6. Размеры вступительных и членских взносов, порядок и периодичность их уплаты определяются отделениями общества. Члены общества «Мемориал», подвергавшиеся репрессиям, от уплаты взносов освобождаются.

4. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

4.1. Центральными органами общества «Мемориал» являются:

а) конференция;

б) общественный совет Фонда «Мемориал»;

в) правление;

г) ревизионная комиссия.

4.2. Конференция является высшим руководящим органом общества «Мемориал». Она созывается правлением общества не реже одного раза в три года. В работе конференции участвуют с решающим голосом представители республиканских и территориальных отделений общества, члены Общественного совета Фонда «Мемориал», представители организаций — учредителей общества. Норма представительства и порядок избрания делегатов определяются конференцией общества.

Конференция принимает устав общества «Мемориал» и вносит в него изменения: утверждает планы работы правления и бюджет общества, заслушивает и утверждает отчеты правления и ревизионной комиссии; выбирает членов правления, членов ревизионной комиссии и другие выборные органы общества.

Решения конференции принимаются простым большинством голосов в присутствии не менее половины избранных на нее делегатов с решающим голосом. По персональным вопросам голосование тайное, по остальным вопросам — открытое.

Правление общества созывает внеочередную конференцию по требованию не менее одной трети территориальных отделений или по своей инициативе.

4.3. Общественный совет Фонда «Мемориал», выбираемый по результатам опроса населения из видных общественных деятелей — последовательных борцов за демократию и гласность, за необратимость процессов перестройки, утверждается конференцией общества.

Общественный совет контролирует работу правления общества, утверждает сметы расходов на сооружение и деятельность Мемориального комплекса в г. Москве, представляемые правлением общества, а также программы работы научно-информационного и просветительского центра Мемориального комплекса.

4.4. Правление общества «Мемориал» формируется конференцией из делегатов республиканских и территориальных отделений с решающим голосом, а также организациями — учредителями общества, которые делегируют в правление своих представителей (от каждой организации — учредителя общества в правление делегируется по одному представителю).

Правление избирается на срок между конференциями. Члены правления и председатель правления общества могут быть избраны повторно, но не более двух сроков подряд. Численный состав правления определяется конференцией. Правление по представлению председателя утверждает его заместителей из числа членов правления.

Правление разрабатывает планы своей работы и бюджет общества, представляет их на утверждение конференции и отчитывается перед конференцией об их исполнении. Правление контролирует передачу территориальными отделениями материалов для научно-информационного и просветительского центра Мемориального комплекса в Москве. Правление координирует работу отделений и руководит расходованием бюджетных средств, находящихся на центральном счете общества, созывает очередные и внеочередные конференции общества.

Правление, а также республиканские организации общества принимают в общество новые отделения. В случае несоответствия деятельности отделения уставу общества правление общества и республиканские организации «Мемориала» имеют право приостановить членство отделения в обществе, вплоть до окончательного решения конференции.

Заседание правления проводится не менее четырех раз в год. Решения правления принимаются простым большинством голосов и являются правомочными при участии в голосовании не менее половины членов правления.

Для ведения текущей работы правление из своего состава может избрать президиум.

4.5. Председатель правления избирается правлением общества. Председатель правления общества руководствуется в своей деятельности решениями конференции и правления; председатель и его заместители регулярно отчитываются о своей деятельности на заседаниях правления общества.

4.6. Ревизионная комиссия общества «Мемориал» контролирует административную и финансовую деятельность правления общества, состояние и учет материальных ценностей, находящихся на балансе общества, и отчитывается о результатах своей деятельности на конференции. Ревизионная комиссия действует на основе положения о ревизионной комиссии, утверждаемого конференцией. Председатель ревизионной комиссии участвует в работе правления с совещательным голосом.

5. ФИНАНСОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕСТВА И ФОНДА «МЕМОРИАЛ»

5.1. Финансовые средства общества и Фонда «Мемориал» образуются из:

а) добровольных пожертвований, дарений, завещаний и иных взносов граждан, учреждений, предприятий и организаций в СССР и за рубежом;

б) доходов от издательской, лекционной и иной уставной деятельности общества, а также поступлений от концертов, вечеров и других мероприятий, проводимых в пользу общества или Фонда «Мемориал»;

в) государственных целевых субсидий.

Финансовые средства общества «Мемориал» образуются также из:

— вступительных и членских взносов;

— отчислений организаций-учредителей.

5.2. Общество имеет центральный счет в Жилсоцбанке СССР, а также валютный счет во Внешэкономбанке СССР.

5.3. Средства в Фонд «Мемориал» поступают на счет № 700454 в Жилсоцбанке СССР, а также на счет № 70000005 В/О Союзсоврасчет во Внешэкономбанке СССР.

5.4. Все членские взносы и доходы от деятельности территориальных отделений в соответствии с их собственными программами поступают на счета соответствующих отделений. Все доходы от общесоюзных программ поступают на центральный счет общества.

5.5. Республиканские и территориальные отделения могут производить отчисления на центральный счет общества, а общество — на счета территориальных отделений. Порядок, условия отчислений устанавливаются соглашением правления общества и территориальных отделений.

5.6. Общество «Мемориал», его территориальные отделения и Фонд «Мемориал» освобождены от уплаты налогов, государственной пошлины, таможенных и иных сборов, вносимых в государственный бюджет СССР.

6. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

6.1. Общество «Мемориал» является юридическим лицом.

6.2. Общество «Мемориал», его территориальные отделения и Фонд «Мемориал» не несут ответственности по обязательствам друг друга.

6.3. Правление общества «Мемориал» имеет штамп и печать установленного образца со своими наименованиями. Общество может иметь свои эмблемы и значки.

6.4. Общество «Мемориал» может быть ликвидировано по решению конференции, которая — после удовлетворения законных претензий — решает вопрос о его имуществе в соответствии с действующим законодательством.

6.5. Местонахождение центральных органов общества «Мемориал» — город Москва.

Проект устава согласован с общественным советом Фонда «Мемориал» и организациями — учредителями общества.

Авторы проекта устава:
Э. АМЕТИСТОВ, доктор юридических наук, П. ЗЕНКЕВИЧ, доктор физико-математических наук, И. ЛИСАКОВСКИЙ, секретарь правления Союза кинематографистов СССР, А. РЫБАКОВ, писатель, Ю. САМОДУРОВ, кандидат геолого-минералогических наук, Ю. ЩЕКОЧИХИН, журналист.

Телефон оргкомитета «Мемориал»: 151-92-86.

ТРЕЩИНЫ В ЗДАНИИ

Этим материалом мы продолжаем разговор, начатый доктором философских наук, профессором В. Чурбановым в статье «...Принадлежит народу» (№ 37, 1988 г.).

Борис ЛЮБИМОВ

На дверях одной из театральных библиотек висит надпись: «Хода нет». А рядом: «Плотно закрывайте дверь с той стороны».

Это символ.

Одни расшибают голову о плотно закрытую дверь, для других дверь открыта, и важно, плотно закрыв ее, не пустить лишних. Есть еще и третьи — те, кто, не обращая внимания на обе надписи, стараются открыть двери пошире — новым людям и новым идеям...

Буря в «Стакане воды». Репертуарная политика современного театра перестала определяться вопросом: что можно? Можно все. «Бесы», Набокова и Мережковского; «Мандат» Н. Эрдмана и «Закат» И. Бабеля, про Берию и Троцкого, про Колыму и допросы, можно тридцать пять лет назад запрещенных «Гостей» Л. Зорина и пять лет назад запрещенного «Бориса Годунова», можно «Доктора Живаго» и «Матросскую тишину» А. Галича...

С неизбежностью возникает другой вопрос: а что нужно? Как нужно? И кому?

Премьеры театра имени Е. Вахтангова «Брестский мир» М. Шатрова, «Русь, браво» по повести «Джон Осмеркин-американец» и «Стакан воды» Э. Скриба показательны для репертуарного кича последнего времени.

Неизбежно возникает и другой вопрос, ответ на который должен был бы заинтересовать и социолога, и культуролога: почему одной из вершин 1987 года оказался спектакль Малого театра «Холопы» по пьесе малоизвестного П. Гнедича, а в 1988-м неожиданно потребовался Э. Скриб, при одном имени которого Герцена трясло, причем понадобился не в годы застоя, а в самый разгар перестройки? В чем тут дело?

Тяга к «костюмной пьесе» — как реакция на бесцветие современной пьесы; восторг перед пьесой с «хорошо сделанной» политической интригой — в знак протеста против пьес с плохо сделанной политической интригой; искра, высекаемая контрастом между безудержным азартом Л. Максаковой и иронией Ю. Яковлева в сочетании с лучшей ролью Ю. Борисовой за многие годы, или все это вместе взятое, но, видимо, и у театра, и у части зрителей есть потребность в таких спектаклях.

Будущий историк театра когда-нибудь напишет о том, как в 1959 году с разрывом чуть ли не в месяц вахтанговцы показали подряд премьеры по пьесам А. Галича, А. Софронова и А. Арбузова, и одни и те же актеры с одинаковым мастерством и талантом переходили из спектакля в спектакль. Но ныне у нас на дворе не 59-й, а 89-й, и сочетание М. Шатрова и Э. Скриба, признаться, производит странное впечатление. Именно сочетание, потому что взятые сами по себе спектакли имеют право на существование и каждый будет иметь своих поклонников. Одни придут ради битвы политических идей, а другие услышат веселые куплеты: «Не на заседаньях делают карьеру»... Вольно или невольно спектакли вступают в полемику между собой, в которой М. Шатров, Р. Стуруа, М. Ульянов, В. Лановой и И. Купченко спорят с Э. Скрибом, А. Белинским, Ю. Борисовой, Л. Максаковой и Ю. Яковлевым. Причем, думаю, что победителя в этом споре не будет, ибо за исключением тонкого слоя театральных и околотеатральных людей зритель на этих спектаклях будет разный. Три тенденции в театре, которые условно можно было бы назвать развлечение, разоблачение и поучение, имеют своих приверженцев, и, потеряв такую категорию зрителей, как «зритель этого театра», мы получили новую: «зритель этого спектакля».

Как бы то ни было, не приходится доказывать, что политическое значение театра в 1988 году было неизмеримо меньше, чем общественная необходимость литературы; что в этом году театр играл меньшую роль в жизни общества, чем в 1985—1986-м; что резонанс театрально-критических статей несопоставим с отзвуками большого количества статей литературно-критических; что новых имен в театре появилось за последние годы еще меньше, чем в других сферах культуры, а «прежние» не сказали ничего такого, чего бы они не говорили десять, двадцать, а то и тридцать лет назад.

Проблемы эти стары. Замечательный писатель И. Шмелев писал летом 1917 года: «Глубокая социальная и политическая перестройка сразу вообще немыслима»... Во всяком случае, в современном театре, где экономические, правовые, идейные, личные отношения запутаны и засорены, надеяться на быстрые реальные перемены было явно опрометчиво.

Словом, и практика театра, и текущая театральная критика, и работы по истории театра свидетельствуют о том, что в сегодняшней общественной и культурной жизни театр играет второстепенную роль. Как обстоит дело с теорией?

Небытие определяет сознание. В теории театра сделано довольно много, здесь закладывается фундамент нового театрального учения.

Эпиграфом к новому театральному учению можно было бы взять нашумевшую в свое время фразу: «Признаем же нашу некультурность».

Что ж, экономическая и правовая «некультурность» нашего театра может считаться доказанной. Вопрос только в одном: как достичь результатов, минуя процесс? На чем зиждется театральная экономика в капиталистических странах? На частном предпринимательстве и муниципальной поддержке. Что ж, наши подпольные миллионеры могли бы содержать Большой и Малый театр, вместе взятые, но ведь не на них же рассчитывать? Думается, что и иные драматурги могли бы открыть свои театры на гонорары от пьес, написанных во время застоя, но и они пока не торопятся с этим делом. Значит, остается надежда на «город».

Чем же привлечь сегодня зрителя, да еще так, чтобы он платил большие деньги, ну, скажем, такие, какие платит зритель на Бродвее? «Развесистая клюква» эпохи застоя набила нам оскомину. Надо ли полагать, что сопутствующим товаром перестройки будет «клубничка»? Развлечение вместе с разоблачением сводится к разоблачению актрис до максимального предела, дозволенного нашей нравственностью и ее блюстителями. Выяснилось, что фигуры наших актрис куда более стройны, чем можно было бы предположить в предшествующий период, и все же вряд ли к этому открытию должны сводиться все наши усилия, и вряд ли только таким способом можно развивать нашу театральную экономику. Лотерея на футбольном стадионе, ВИА перед началом спектакля могут на какое-то время закрыть глаза на содержание зрелища, но только до поры до времени. В конце концов есть ведь еще более простой способ привлечения зрителей в театр: открыть свободную продажу винно-водочных изделий и мыла для тех, кто досидит до конца спектакля. Тут и инсценировка «Целины» соберет аншлаг...

Шутки в сторону, 1988 год отчетливо прояснил то,

что, в сущности, было ясно и раньше: без глубокой идейной и творческой перестройки, духовной реформы, преображения театра в целом разорванные связи — как внутритеатральные, так и межцеховые — между театром и драматургией и самые важные — между театром и зрителем — невосполнимы.

Мировоззрение и эстетика — наиболее уязвимое место нового театрального учения. Однако даже наши лидеры вот уже два-три года не могут разродиться новым спектаклем.

Конечно, можно сказать, что перестройка заставила их задуматься, они копят силы, художник имеет право и т. д. Но и зритель имеет право задуматься, и ему перестройка открыла глаза на многое, и в частности на то, что в 1988 году не стоило платить дорого за спектакль, поставленный в 1978-м.

Попытки других заканчиваются или оглушительным провалом, или полуудачей. Надежды на то, что поколение «промежутка», задержанного в период застоя, продемонстрирует нечто отличное от того, что они делали в предшествующие годы, пока не оправдываются. Это видно даже на примере одной Москвы. Как ни привлекательна бьющая через край молодая энергия театра под руководством О. Табакова и «Современника-2», у обоих коллективов потенциальные возможности кажутся куда бо́льшими, чем реально сделанное. Дружная и талантливая студия «Человек», в сущности, держится двумя спектаклями, а, кроме того, вспомним старую притчу о том, что, когда был создан человек, Бог сказал: нехорошо ему быть одному, и создал женщину. Театр, состоящий из пяти-шести актеров, чья одаренность была очевидна и пять-шесть лет назад на дипломных спектаклях, но не имеющий хоть одной сильной актрисы, пока еще может числиться театром только на бумаге. Огромный талант А. Васильева существует, прокладывая свои пути самостоятельно.

Застой в области эстетики новое театральное учение пытается компенсировать движением в театральной политике, внутренней и внешней. Тут есть и несомненные сдвиги. Инициатива Союза театральных деятелей относительно доплаты к пенсиям его членам есть истинное МИЛОСЕРДИЕ в действии, и одно это оправдывает те перемены, которые произошли в театральной жизни в 1986 году, при всех очевидных издержках. Надо помнить только о том, что большие права, которыми обладает теперь член СТД, создадут в ближайшие годы и новые трудности, без предвидения которых можно сильно снизить положительный эффект.

Вот, скажем, человек изо всех сил стремится правдами и неправдами устроиться перед пенсией на работу в институт. Я думаю: что́ это он так рвется, и понимаю: если он сейчас будет принят в штат, то через 5 лет получит прекрасную пенсию, которую в другом месте он нипочем не заработал бы.

Увеличение прав члена Союза театральных деятелей делает членство лакомым куском и рычагом регулировки поведения труппы. Хочешь стать членом Союза — веди себя хорошо и слушайся худсовета, главного режиссера, председателя секции и т. д. И если раньше ведущая актриса старалась обделить свою соперницу ролями, званием, зарплатой, то теперь она будет стараться не принять ее в Союз. Кстати говоря, это, несомненно, скажется и на положении местной критики. Если раньше критик был слугой одного господина, то сейчас он станет зависимым от руководства местного отделения Союза: слишком велик соблазн стать его членом. Можно не сомневаться, что прочитать критический отзыв о местном руководителе Союза станет труднее, чем в прежние годы, а восторженных станет (и уже становится!) больше. Появились и «профессиональные специалисты» по театральным лидерам, которые только о них и пишут.

Быть членом СТД в ближайшее время будет важнее, чем иметь звание народного артиста, тем более что почетные звания сегодня не в чести. Что ж, спору нет, без званий куда демократичнее. Попутно стоит заметить, что звание народных и заслуженных артистов скомпрометировано ничуть не больше, чем академиков и член-корров, профессоров и доцентов. Словом, если демократизироваться, то всему обществу в целом, а не отдельной его части, да еще столь правово не обеспеченной в глазах многих и многих людей. «Ну ты, артист»,— высшую степень неодобрения можно услышать еще и сейчас.

Представим себе такую картину. Некий народный артист республики переезжает, скажем, из Вологды в Иркутск. Не успел он переехать, как приходит весть об отмене почетных званий. А еще через месяц его переводят на пенсию. Пенсия-то хорошая, но лекарства и продукты, запчасти и книги, коммунальные услуги как были в дефиците, так и остались. А город новый, где, как говорится, ничто необходимое у него «не схвачено». А для начальства он просто «артист», в отличие от заслуженных механизаторов, рационализаторов, учителей, деятелей науки и техники, вовсе не собирающихся, судя по всему, отменять свои почетные звания.

Равенство хорошо, когда есть изобилие. Философ И. Ильин утверждал, что справедливость есть **искусство** неравенства. Подчеркиваю — искусство. Когда у театра будет возможность в с ю труппу перевозить в СВ, в с ю труппу расселять в люксовых гостиничных номерах — звания не потребуются. Увы, сегодня они помогают реализовать искусство неравенства, то есть относительную справедливость.

«Твое творение не орден: награды назначает власть»,— писал Пастернак. И звание тоже — пусть дает, если хочет. А вот отказ от привилегий — это дело общественности, это и есть залог подлинной демократизации.

У нового театрального учения есть и своя внешнеполитическая программа, и в этой сфере есть действительные достижения. И обилие поездок, и свобода контактов, и несомненный успех наших театров на фестивале в Мюнхене, и дальнейшие перспективы — все это ничего, кроме радости, не должно вызывать. Не должно бы. Потому что у этой проблемы есть и оборотная сторона.

Я как-то задал одному актеру бестактный вопрос: сколько зарабатываешь? «150, да не в этом дело, я сейчас в поездку съездил, и мог бы эту зарплату вообще не получать».

И если раньше лишь о Большом балете ходили легенды, то сейчас устные рассказы о зарубежных гастролях начинаются с того, какую японскую машину привезла одна кинозвезда и как удачно продал «систему» другой киногерой. И пока суд да дело, зарубежная поездка оказывается мощным рычагом руководителя театра для регулировки взаимоотношений в коллективе — и форма поощрения, и форма наказания. И если в какой-нибудь достаточно несвежий спектакль неожиданно вводят две-три суперзвезды, знайте, дело пахнет Лондоном и Парижем. Думаю, что многие актеры ушли бы из своих театров, если бы не перспективы зарубежных поездок.

Уже бывали примеры, когда режиссеры бросали собственную труппу на произвол судьбы ради возможности поставить спектакль где-нибудь на полустанке одной из братских стран. Ну, а кроме того, давайте вспомним, что, кроме далекого Запада, есть еще и Дальний Восток, а помимо Занзибара и Мадагаскара есть Сыктывкар. Призыв Гоголя «нужно проездиться по России» сейчас как никогда уместен, и не только по России, не только в Мурманск и Ставрополь, Псков и Красноярск, но и в Вильянди и Шяуляй, Чирчик и Телави, ведь разрыв между жизнью театральных столиц и периферии огромен, и увеличивается, а не уменьшается. Нельзя осуществлять театральную политику в огромной многонациональной стране, полагаясь исключительно на мнение аппарата, фактически управляющего театрами страны от имени театральной общественности.

...Межпрофессиональные расколы и разрывы (между режиссерами, актерами, драматургами, критиками), внутритеатральные (между частями трупп), между «звездами» и рядовым актером, столицами и периферией,— ремонт творческих и личных взаимоотношений обходится куда дороже, чем ремонт зданий.

Замечательный у нас все же был лозунг: превратим Москву в образцовый коммунистический город. Третьяковская галерея и консерватория, десятилетний ремонт одного здания МХАТа, нынешний ремонт другого, предстоящий ремонт Большого и Малого... Пока средства массовой информации бурно обсуждали стены ГИТИСа, выяснилось, что потолок театра имени Вахтангова ненамного прочнее. В сущности, все культурное наследие прошлого — музыка, живопись, книги (Ленинская библиотека), театр — взбунтовалось против варварского обращения с культурой. На этом фоне приятным исключением является восстановленный из мерзости запустения Даниловский монастырь — культура явно отстает от культа.

Как починить ГИТИС, я знаю. Глядя на то, как буквально в считанные дни перед приездом Р. Рейгана расцвела улица Воровского (московские остряки недаром прозвали ее «Рейган-авеню»), я понял, что ситуация небезнадежна.

Дорогие президенты из капиталистических стран, когда вам доведется побывать в Москве, пожалуйста, изъявите желание посетить ГИТИС. Не сомневаюсь, что к вашему приезду он будет реконструирован во всей прежней красоте.

Но ликвидировать трещину в здании Театра мы можем только своими силами, теми, что пока еще не востребованы, не введены в действие. Имя им терпение, милосердие, умение слушать друг друга, а иногда и слушаться, понимать, а подчас и принимать чужую точку зрения, самоотдача, а подчас и самоотречение. На этом пути «остаточного» принципа не бывает, здесь можно отдать всего себя, без остатка.

ОТКАЗ ОТ ПОЛЕМИКИ

На протяжении всего прошлого года отдел литературы «Огонька» не раз приходил к решению отказаться от полемики с некоторыми нашими оппонентами. Дело в том, что мы стали с прискорбием замечать: любой спор по существу вызывает у них лишь озлобление. Неаргументированные обвинения, наконец, политические доносы на «Огонек», его авторов и сотрудников, выдаваемые рядом журналов за критические статьи, могут составить уже целый том. Не будем снова листать его.

Увы, на то, чтобы выявить и проанализировать выраженную там систему взглядов, толкающих страну к новому застою, чтобы опровергнуть каждую ложь и ответить на каждое оскорбление, пришлось бы отдать всю журнальную площадь. Мы вынуждены были бы резервировать дефицитные полосы журнала для защиты Наталии Ильиной, публично оскорбленной редактором «Нашего современника» С. Викуловым на пленуме писателей России, для разоблачения клеветы на Анатолия Рыбакова, до которой опустились критики В. Бондаренко, Н. Федь и А. Байгушев, для того, чтобы отстаивать честь многих и многих достойных людей.

К сожалению, пользы от этого мало. После каждой отповеди наши «оппоненты» только больше ожесточаются и совсем уже не стесняются в средствах и выражениях. А некоторые читатели недоумевают: о чем это мы? Кроме того, возникает ощущение, что в тех редких случаях, когда «Огонек» все же вступает в полемику с неДУэлеспособными коллегами, мы, не желая того, создаем им рекламу и невольно тиражируем их, мягко говоря, невоздержанные суждения.

Так что же, промолчать? Сделать вид, что ничего не происходит? Пропустить мимо ушей предложение прозаика В. Личутина о создании в стране резерваций для нацменьшинств? Закрыть глаза на выступления других литераторов, которые, не утруждаясь доказательствами, твердят об «узаконенной государственной русофобии»? Не замечать ярлыков, навешиваемых на «Огонек» некоторыми писателями: и желтый-то он (в отличие от софроновского — красного!), и антирусский, и масонский?

Что касается сравнения «двух «Огоньков», о вкусах, как говорится, не спорят. Ну, кому-то больше нравится «Огонек» трехлетней давности — что тут поделаешь? По их мнению тот «Огонек» был истинно народным. Это, наверно, потому, что в любом киоске, ателье, даже в любой парикмахерской лежал он свободно, стопками и, таким образом, несмотря на куда меньший тираж, был доступен народу, с удовольствием решавшему «огоньковские» кроссворды. В общем, любили, любили они «Огонек» — и вдруг... Увы, от любви до ненависти...

И вот уже в № 12 «Москвы» опубликована пространная статья А. Байгушева, обвиняющего во всех смертных грехах «Огонек», лично В. Коротича и целый ряд авторов журнала. Отвечать на прямую клевету считаем занятием бесплодным: нет, герои книги А. Рыбакова «Кортик» не доносили на своих отцов — достаточно перечитать эту любимую в юности книжку; нет, не играли «новомирцы» никакую «неблаговидную роль... в попытке изничтожения целого литературного направления «мужиковствующих» прозаиков, приверженных традиции», наоборот, именно «Новый мир» публиковал в те годы В. Шукшина, В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, С. Залыгина, резко отделяя от них в своих критических статьях М. Алексеева, редактора «Москвы», и П. Проскурина, и т. д. и т. п.

Мы не хотим говорить с нашими «оппонентами» на их языке. И все же, хотя нам и не нравится такой уровень аргументации, скажем нечто вполне понятное нашим «оппонентам» и охарактеризуем личность автора статьи (так сказать: «А судьи кто?»). Тем более, номером «Москвы» со статьей А. Байгушева потрясали «дети Шарикова» из общества «Память», мобилизованные на срыв выступления Коротича перед избирателями (см. «Огонек» № 3), и, таким образом, его произведение нашло своих адресатов и перешло границы, хотя и насквозь лживого, но все-таки «писательского разговора».

Наконец, другая причина: имя А. Байгушева мало что говорит читателям. Между тем он тоже, по его словам, жертва застоя. Может быть, имеется в виду эта история?

«ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

партийного собрания парторганизации Студии художественных телефильмов т/о «Экран» от 3 октября 1985 года:

Члена КПСС Байгушева Александра Иннокентьевича за грубое нарушение требований Устава КПСС, выразившееся в длительной и систематической неуплате членских партийных взносов с получаемых гонораров, а также поведение, компрометирующее высокое звание коммуниста, недобросовестное выполнение служебных обязанностей за время работы на руководящей должности, нечестность, беспринципность в оценке своих поступков, несоблюдение партийной дисциплины, неискренность перед товарищами по партии исключить из рядов КПСС.

Постановление принято большинством голосов: за — 32, против — 1».

Не станем пояснять, что стоит за скупыми формулировками протокола, скажем только, что отнюдь не защита личного мнения, расходящегося с партийным решением, а именно недобросовестность и нечестность, из-за которых автор «Москвы» еще раньше подвергался «гонениям»: из АПН и издательства «Современник». Словом, человек пострадавший и готовый поэтому на все.

Мы, безусловно, за консолидацию. Мало того, мы думаем, что без консолидации перестроечных сил все попытки преодолеть синдром застоя бесполезны. Но необходимо понимать, что консолидация,так же как и полемика, возможна с тем, кто, отстаивая свою точку зрения, пусть ошибочную по нашему мнению, при этом искренен, честен, готов отвечать за свои слова, и невозможна с людьми, сознательно идущими на подтасовки, жульничество, клевету.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

СПОКОЙНО: СНИМАЕМ!

НИТРА[...] НА ДЕСЕ[...]

Из письма санинспекции: «В связи с превышением предельно допустимых концентраций нитратов в бахчевых культурах в два раза предложено реализовать продукцию через сеть общественного питания в качестве третьего блюда».

Константин БАРЫКИН
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Широко простерла химия руки свои... А начинала скромненько, с арбузов. Взбодренные химией, они ходко пошли в рост, набирали килограммы. На каждую едоцкую душу уже приходилось по здоровенному кавуну, когда агропромовцы смекнули: дыни выгоднее. И зажелтели магазинные прилавки. Никогда прежде не было в продаже так много дынь, как нынешней осенью. Радовались мы изобилию, вставали в очереди. Продавец менял дыни на рубли, а покупатель никак не мог смекнуть, отчего это дыни в аромате поубавили.

...Минздрав насторожился не сегодня. У меня есть копия письма, которое заместитель министра здравоохранения направил заместителю председателя Госагропрома: «На протяжении 1986—1987 годов Госагропром СССР и Госагропромы союзных республик неоднократно обращались в Минздрав СССР с просьбой о разрешении реализации населению овощей и картофеля с превышением допустимых уровней содержания нитратов».

Из письма санинспекции: «Наиболее высокое содержание нитратов отмечалось в кабачках (в семь раз! — К. Б.), в моркови, в огурцах — в восемь раз, капусте белокочанной, в помидорах — в пять раз...».

— За вчерашний день только в одно подмосковное хозяйство возвратили пять грузовиков со свеклой и петрушкой, которые совхоз «Фаустово» пытался сбыть,— сообщил начальник отдела Главмосплодоовощпрома В. И. Таранин.— Когда проверяли товар, приборы зашкалило. Превышения — в два, три, четыре раза... За девять дней 48 автомашин вернулось с грузом от подмосковных поставщиков. Но основной производитель такой продукции — дальние хозяйства: закавказские, среднеазиатские. Как туда вернуть несъедобное?

А те пять грузовиков с овощами из совхоза «Фаустово»? Куда они-то исчезли? Пытался я побеседовать с шоферами. Один заученно ответил: «Все будет, как надо. Все вернем туда, где вчера собирали». Другого водителя, понастырнее, я не застал, он поехал стучаться в двери какой-то редакции: дескать, привез отборную свеклу — корень к корню, а ее в продажу не берут! Нитратная свекла смотрится хоть куда, заметно лучше той, что выращена без химии... Не начнет ли журналист звонить в магазины: отчего не принимаете?

Третий шофер отвел глаза. Потому что знает: далеко не весь химизированный товар уничтожается или идет на корм скоту. Случается, и это не исключение, отъедет машина от контролера, остановится на бойком перекрестке, и начинается торг. Мы набиваем кошёлки: повезло-то как! Без очереди и недорого... И не подозреваем, что покупаем не фрукты-овощи, а продукцию комбината азотных удобрений.

Не знаем, сколько потребляем нитратов, потому что нарушаются правила. Предписано: каждый вагон, каждый грузовик с овощами должен сопровождаться удостоверением: порог безвредности — такой-то, нитратов в свекле — столько-то.

Этот документ вроде бы обязательный. Но не видел я ни одной бумаги, надлежаще заполненной. То одно недописано, то другое искажено. Ответственности за качество продукции торговля практически не несет. К тому же овощные базы не могут проверить всю продукцию даже с помощью санитарных врачей. Делают это выборочно, через раз или через два — как придется.

Некоторые предлагают — на западный манер — учредить магазины экологически чистых овощей и фруктов. Но как же тогда с социальной справедливостью? Человек обеспеченный будет есть чистый продукт, а победнее — химически загрязненный?

Витамины или... отрава?

Поэтому санитарным службам надо бы остудить горячий оптимизм: дескать, наши нормы ниже, чем на Западе. Не ставлю под сомнение, что верны расчеты ученых-гигиенистов и специалистов по питанию. Но контроль-то налажен плохо — нет гарантий, что начиненные нитратами овощи и фрукты не попадут на обеденный стол или яблоком в ранец школьника...

Из письма санинспекции: «Значительная часть бахчевых культур с превышением ПДК нитратов была реализована до результатов анализа...».

Есть в Подмосковье поля, на которых урожай пришлось запахать,— напоенные химией овощи собирать не разрешили. Нитраты ушли в землю, сохранятся там до весны, чтобы внести свои добавки в урожай будущего года. Государственная служба не справляется с проверкой. Сеть ее недостаточна, и через ее «ячеи» негодная продукция проскальзывает запросто. Контроль к тому же ведет агропромовская инспекция: станет ли она обижать своих? Пойдет ли наперекор тем, кто ей, инспекции, зарплату выдает?

Случалось, возвращенные овощи кто-то притормаживал, а затем их снова посылали на прилавок. Сделать это несложно, потому что на шумных и нескладных ярмарках проверки вовсе нет. Как нет ее и на колхозных рынках. Контроль передали ветеринарной службе, она слаба, примитивна да и подчинена все тому же агропрому.

Химические добавки ловко вписались в беспорядки, на которые так охочи овощные базы. Появилась возможность грехи списывать на химию. Сдается мне, что расхожее понятие «схимичить» особый размах и разгул получило именно в то время, когда оптимисты-агрохимики сняли ограничители и сыплют удобрения и ядохимикаты не только под корешки, но и на вершки...

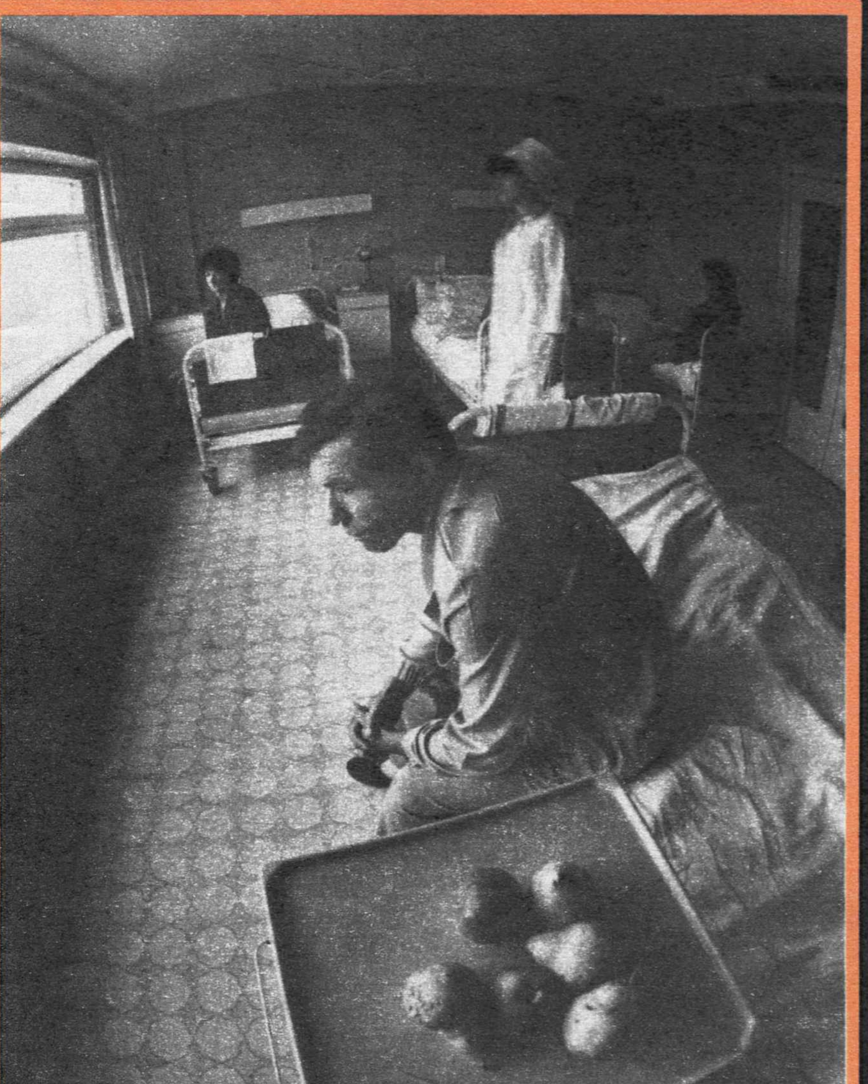
Нужен и индивидуальный контроль. Приборы для экспресс-анализа разработаны. Говорят, даже выпускаются. Но не для всех. Ни в одном нашем магазине нельзя купить счетчик Гейгера или прибор, которым определяется качество питьевой воды. Теперь вот нитраты...

Наловчившись скрывать и недоговаривать, боимся сказать и правду об овощах и фруктах. О витаминах пишем. О нитратах молчим. Они беда едоков многих стран. Но там хоть узнать можно: сколько и чего? На одной из международных выставок мне показали приборчик — прижал его к свекле, надавил кнопочку и... Удобно и просто.

Сборник «Документов по организации и проведению работ по определению нитратов и остаточных количеств пестицидов в продукции растениеводства» все же издали. Госагропром Российской Федерации позаботился о тираже — 500 экземпляров! Чтобы не попала книжечка никому из нас. А то затребует ее создаваемое общество потребителей и разберется что к чему.

Осенью газеты и радио учинили переполох, сообщив: «В банках с венгерским зеленым горошком какая-то отрава, верните в магазины...».

Кстати. Статистики заболеваний, вызванных химизированными овощами, у нас нет. А почему, собственно? Неужто отравленный нитратами арбуз — большая государственная тайна?

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Стихотворение В. В. Маяковского. 5. Героиня романа К. М. Симонова «Солдатами не рождаются». 8. Грамматическая категория глагола. 10. Басня И. А. Крылова. 12. Первая марксистская нелегальная газета, созданная В. И. Лениным. 14. Вещество, служащее для постройки пчелами сот. 15. Город-герой. 16. Низкий детский голос. 17. Действующее лицо в опере П. И. Чайковского «Иоланта». 18. Корнеплод. 20. Река в МНР и СССР. 21. Способность мышления, познания. 22. Перелетная птица. 23. Детская игрушка. 24. Судовой колокол. 25. Водное травянистое растение. 28. Сельскохозяйственное орудие для подкормки и прореживания всходов. 29. Выдающийся писатель, автор очерка «9 января».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Птица, обитающая в хвойных лесах. 2. Предложение участвовать в соревновании. 4. Город в Литве. 6. Наука о методах создания приборов и устройств, используемых для передачи, обработки и хранения информации. 7. Спортсмен, плавающий под водой. 8. Специалист по разведению и содержанию сельскохозяйственных животных. 9. Женщина-скульптор, участница революционного движения 1905—1907 годов. 10. Машина, вырабатывающая электрическую энергию. 11. Советская писательница, автор романа-трилогии «Родина». 12. Прибор, отображающий изменения параметра контролируемого технического процесса или объекта. 13. Утренняя серенада в Испании. 19. Перила поверх судового ограждения. 26. Добро. 27. Промежуточный продукт производства цветных металлов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Килиманджаро. 7. Каскад. 8. Стамиц. 10. Виньетка. 13. Елгава. 14. Свиток. 15. «Аида». 16. Фаллада. 17. Картинг. 18. Карп. 22. «Мещане». 23. Нартов. 24. Перепись. 25. Тимпан. 27. Рылеев. 29. Стабильность.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Глюк. 2. Чаша. 3. Крахмал. 4. Медуница. 5. Десятина. 6. Одиллия. 9. Фломастер. 10. Вальдшнеп. 11. Астрахань. 12. «Вороненок». 18. Кваренги. 19. Позитрон. 20. Нарцисс. 21. «Трутень». 26. Плац. 28. Лось.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Владимира УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

ОГОНЁК

В середине 1827 года в стихах Пушкина неожиданно возникает романтическая тема бури, челнока и чудесного спасения.

16 июля написан «Арион».

31 июля: «Земли достигнув наконец, От бурь спасенный провиденьем...».

15 августа появляются стихи о поэте, бегущем «на берега пустынных волн...».

17 сентября Пушкин сравнивает себя с певцом-гондольером, плывущим по взморью: «На море жизненном, где бури так жестоко Преследуют во мгле мой парус одинокой...» И сообщает, что в своих прогулках любит обдумывать «тайные стихи».

19 октября 1827 года: «Бог помочь вам, друзья мои, И в бурях, и в житейском горе, В краю чужом, в пустынном море, И в мрачных пропастях земли!».

6 ноября: «От недуга, от могилы, В бурю, в грозный ураган...».

Лирика — тайный дневник поэта. Вслед за Анной Ахматовой она привела нас на невское взморье к тайной могиле казненных декабристов.

См. очерк «ПОМИНОВЕНИЕ» в этом номере «Огонька».

● *Остров Гоноропуло, ров, избушка рыбаков. Пушкинский рисунок в тетради ПД 838. См. вверху страницы.*

● *То же самое место. Реконструкция пейзажа по плану Ф. Шуберта.*

● *Фрагмент плана Ф. Шуберта (1828 г.).*

На цветных слайдах работа экспедиции и вид на бывший остров Вольный.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663